

Анна Лисса

ВОСПОМИНАНИЯ рыжего барда

Одним непримечательным вечером в местной таверне наглый бард предлагает сделку трактирщику — три его самые увлекательные истории в обмен на бесплатную выпивку. И если хоть одна из них понравится всем посетителям без исключения, то бард выигрывает пари. Трактирщик соглашается, зная, что рассказы рыжего барда годятся только для привлечения наивных девушек, но истории барда оказались не такими простыми, как он думал. И в каждой из них обязательно упоминались ведьмы с белыми волосами...

ПРОЛОГ

В одном городишке, не слишком большом, но и не маленьком, сейчас стоял глубокий вечер, грозящий вот-вот перейти в ночь. На улице уже было темно и лил мелкий дождь, покрывая землю слякотью и превращая ее в месиво грязи. Фонари и факелы, разумеется, не горели и улицы освещались только скудным светом свечей из окон домов, которые постепенно, один за одним угасали, так как местные жители ложились спать.

Луна укрылась с головой одеялом из туч и не желала выглядывать обратно, чтобы хоть немного осветить людям путь. Впрочем, это не особо-то и требовалось, ибо в такое позднее время люди либо уже ложились спать, либо торчали в местной таверне с просторным длинным залом. Таверна эта была популярным местом этого городка, в нее каждый вечер стекались не только местные жители, но и путешественники, проходящие через город, так как хозяин сдавал еще и комнаты.

Парочка людей в длинных плащах и надвинутых на головы капюшонах, шлепая сапогами по грязи и намокая от дождя, вошли в таверну, впусив за собой сырой воздух и капли дождя. Зал был набит практически битком, посетители лениво посмотрели на вновь прибывших, полностью укутанных в плащи, а затем так же лениво вернулись к своим делам. Кто-то выпивал в одиночестве, кто-то в компании, при этом они громко смеялись и что-то рассказывали и эти звуки смешались по всему залу.

У дальней стены стоял трактирщик за стойкой прямо у лестницы на второй этаж и привычно протирает стаканы и кружки на удивление чистой тряпкой. Парочка только что вошедших путешественников заняла свободный стол в самом углу и молоденькая девушка с веснушками и двумя длинными косичками поспешила принять у них заказ. Путешественники так и не сняли накинутые от дождя еще на улице свои капюшоны, но из-под них пробивались белые седые волосы. Трактирщик только раз посмотрел в их сторону и продолжил дальше протирать кружки. Таких странников он видел каждый день, обычные торговцы или наемники, зашли в таверну, чтобы переждать дождь. Да половина зала сейчас битком набита такими же путешественниками. Кроме одного, который сидел напротив трактирщика за стойкой и явно выделялся из всей толпы, которую только довелось видеть хозяину таверны.

Человек этот был приятной внешности, да что там — хорош собой. Яркие рыжие волосы были аккуратно подстрижены и красиво уложены, словно бы дождя этот человек сегодня вообще не застал. Тонкая рыжая бородка покрывала подбородок мужчины, придавая ему вид эдакого столичного щеголя. Узкие и слегка заостренные в уголках голубые глаза смотрели на мир так, словно бы искали, чем бы еще в нем заняться. Прямой нос и точеные скулы придавали лицу дополнительного шарма. Пару раз трактирщик замечал, что этот щеголь подмигивал Марине, девушке с косичками, что разносила еду по залу и в ответ она густо краснела и отворачивалась. В такие моменты трактирщик бросал тяжелый взгляд на выскочку, но тот делал вид, что ничего не замечает.

Трактирщик впервые видел рыжего щеголя в своей таверне, но был наслышан о его репутации. Сердцеед и стихоплет. Он был бардом. Но не обычным бардом, которые пели

песни или играли на музыкальных инструментах. Нет, этот бард вместо лютни или дудки носил с собой стальной меч в обычных ножнах, а вместо песен и баллад рассказывал истории или читал стихи собственного сочинения. Одевался этот выскочка тоже всегда вычурно и ярко, но сегодня изменил своему чувству стиля — на нем была полосатая черно-белая рубашка и темные штаны, которые плотно обхватывали его ноги и выгодно подчеркивали ягодицы. На ногах бард носил высокие сапоги, которые практически никак не испачкались грязью, что местные гордо именовали дорогой, даже когда ее размывало во время дождя. Но что еще слегка удивило трактирщика, так это то, что бард этот, вопреки своей репутации одеваться как можно ярче и заметнее, сейчас не носил на голове шляпу с пером. Скорее всего, она пострадала от дождя и рыжий спрятал ее в дорожный мешок, который сейчас лежал у него под стулом вместе с мечом.

— Еще одну кружку своего лучшего пойла, дядя Миша, — заказал бард. Голос у него был слегка высоковат, но неприятным для уха его назвать было нельзя.

— Для тебя я Михаил, — буркнул трактирщик.

Он вытер руки о фартук, плотно обхватывающий его толстое пузо. Трактирщик был не из этих мест и его имя для местных и проходящих путников казалось каким-то экзотичным, но он уже столько лет прожил в этом городе, выкупив таверну у прошлого хозяина, что все жители давно уже привыкли и к его имени и к его иногда угрюмому характеру и стали звать трактирщика дядей Мишей, а его таверну «таверной дяди Миши», хотя у нее было свое официальное название, которое в народе не прижилось.

— Ты уже восьмую кружку заказываешь и ни за одну еще не заплатил, — дядя Миша поджал губы.

Трактирщик посмотрел прямо в голубые глаза барда. Странно, в слухах, которые дядя Миша слышал об этом щеголе, люди упоминали, что у него были то ли серые, то ли зеленые глаза, а у него, оказывается, голубые. Трактирщик покачал головой. На то они и слухи, чтобы все преувеличивать, даже цвет глаз.

— Я намереваюсь заплатить, как только соберусь уходить, — нагло ответил бард и хитро улыбнулся, — Это если только не хотите со мной заключить ма-аленькую сделку, дядь Миш.

— Михаил, — недовольно поправил его трактирщик, — И не собираюсь я никаких сделок с тобой заключать.

— Но эта сделка принесет пользу вашей таверне! — воскликнул бард, — Значит так, суть такова. Я за оставшийся вечер рассказываю всем этим милым людям, что сегодня собрались в зале, три увлекательнейшие истории. И если хотя бы одна из них им понравится, всем без исключения, тогда выпивка за счет заведения. Как вам такое, дядь Миш?

Трактирщик бросил из-под бровей тяжелый взгляд на рыжего барда, который терпеливо и с улыбкой до ушей ждал ответа. Дядя Миша хотел было снова напомнить этому выскочке, что стоит обращаться к нему полным именем, но только вздохнул. Бард наверняка делал это специально, чтобы угрюмый трактирщик каждый раз раздраженно исправлял его и таким образом, худо-бедно, поддерживал разговор. Что же касалось его сделки — дядя Миша слышал, что его истории не для всех. А если конкретнее, то годятся только для того, чтобы соблазнять юных наивных дев. И так как в зале юных и наивных дев не было, кроме Марины, само собой, дядя Миша сильно сомневался, что истории барда проникнут в черствые и безразличные сердца путников, что сейчас спасались в его таверне от усиливающегося дождя на улице. А этот рыжий выскочка еще заявил, что все присутствующие обалдеют от

его историй или хотя бы от одной.

— Хм, — фыркнул трактирщик и убрал чистые кружки, которые он протирал, под стойку, — Больно сомневаюсь, что у тебя получится выиграть пари.

— В таком случае я просто заплачу за выпивку, а ваши посетители получают бесплатный концерт в моем лице, — нагло растянулся в улыбке рыжий, — Вы все равно ничего не теряете, дядь Миш. Ну разве что мою плату, если окажется, что хотя бы одна история заденет всех присутствующих без исключения, включая вас.

— Сомневаюсь, — повторил трактирщик.

Бард принялся уговаривать его на пари и, неожиданно поддавшись азарту, дядя Миша все же согласился. Вряд ли гостям таверны понравятся истории рыжего барда, Марина не в счет, конечно, хотя она и не гость, а работник, так что трактирщик уже заранее приготовился вытрясти из наглого барда все монеты, что он задолжал за этот вечер.

Рыжий вскочил со своего места, стряхнул с одежды невидимую пылинку и, взяв соседнюю табуретку, поставил ее едва ли не в центре зала, а сам встал сверху, чтобы толпе его было хорошо видно. Трактирщик уже после этих действий барда пожалел, что принял его пари.

— Дорогие слушатели, — рыжий бард элегантно поклонился, стоя на табуретке, он даже ни на секунду не потерял равновесия, — Позвольте представиться. Меня зовут Кион и я известный странствующий бард.

— Да уж слышали мы о твоих похождениях, — выкрикнул кто-то из толпы и весь зал залился громким хохотом. Приключения и не совсем удачные любовные похождения барда с мечом вместо музыкального инструмента наверняка доходили даже до этих мест. Дядя Миша у стойки довольно хмыкнул. Да, тяжело будет барду увлечь эту толпу.

— Это хорошо, что вы слышаны, — казалось, Киона это никак не задело и он продолжил все тем же веселым тоном, — Сегодня я расскажу вам три невероятные истории. Если хотя бы одна из них покажется вам интересной, попрошу не скупиться на аплодисменты.

Бард ловко спрыгнул с табуретки и сел на нее, оперев ступни в перекладыны. Он осмотрел всех присутствующих в зале, словно бы оценивал, какие истории могут понравиться такой сложной аудитории. Трактирщик за стойкой сложил руки на груди, наблюдая за ним, а толпа терпеливо ждала, когда же Кион начнет. Хотя, выглядело это так, будто все просто безразлично продолжили пить свой эль и пиво.

— Хм, думаю, первая история будет о том, как я смог покорить сердце одной прекрасной знатной дамы, — через минуту раздумий произнес бард, приложив указательный палец к подбородку.

— Я так и знал, что нам придется слушать нечто подобное, — разочарованно вздохнул кто-то в толпе.

— Не спешите делать выводы, — Кион выпрямил спину и закинул ногу на ногу, покачивая ею, — В этой истории есть все — и любовь и драма, погоня и коварство, а также лихой финал с яркими приключениями!

Толпа смерила барда скептическими взглядами. Все были слышаны, какие истории обычно рассказывал Кион. Его рассказы всегда были слащавыми и предназначались только для нежных ушей милых барышень, а не для бывалых путешественников, коих здесь собрался целый зал. Никто из них не верил, что в историях Киона будет нечто захватывающее, как он сам пообещал.

Но бард, не обращая абсолютно никакого внимания на все эти колкие взгляды, откашлялся, пригладил свои и без того безупречно уложенные рыжие волосы, на несколько секунд прикрыл глаза, собираясь с мыслями, а затем посмотрел на своих слушателей и начал свой рассказ.

— Эта история о том, как однажды я по уши влюбился и едва не погиб из-за этой любви, — произнес Кион.

ГЛАВА 1

На улице стояла теплая ранняя весна, которая успела полностью прогнать свою предшественницу зиму и растопить ее снега практически по всему королевству. Погода стояла по-весеннему задорная и яркая, голубое небо с белоснежными облаками обещало прекрасный день впереди, а зеленая трава, едва высунувшаяся после пропажи снега, уже вовсю тянулась к яркому солнцу, жадно поглощая его лучи, словно голодный зверь.

В это время суток королевство уже давно не спало, а столица стояла шумная и многолюдная, как в любой другой день. Занятые люди сновали туда-сюда по мощеным улицам, мужчины были одеты в монотонные костюмы, женщины — в яркие пышные платья, обязательно следуя последнему писклу моды.

Улицы в столице были очень просторными, позволяя каретам свободно проезжать между домами. Сами здания в основном были построены из белого или красного кирпича и эта архитектурная задумка чередовалась от улицы к улице. Одну часть столицы путешественники даже прозвали Бульваром Красного Кирпича. Так уж сложилось, что в этой части столицы зачастую строили трактиры и лавки, даже имелся собственный публичный дом. Разумеется, король, Элиар Аделла, знал о подобных заведениях на Красном Бульваре, как еще называли эту часть города, но не предпринимал никаких попыток снести этот рассадник похоти и извращений. Дело в том, что хозяйка заведения, знойная брюнетка с пышной густой челкой и еще более пышной грудью, исправно платила в казну все налоги. Злые языки даже поговаривали, что Эльвира, хозяйка публичного дома, не просто платит королю, но и даже время от времени предоставляет ему и его свите свои услуги в обмен на то, что ее заведение не закроется в ближайший месяц. Доказательств этому не было и, откровенно говоря, никто ни разу не видел, чтобы король лично приходил в публичный дом Эльвиры, однако слухи это не останавливало. Как к этому относился сам король тоже было не ясно, так как он не пытался пресечь подобные сплетни, хотя характер его был явно не из терпеливых. Вполне возможно, что Элиар Аделла вообще не был в курсе подобных слухов. Все прекрасно знали, что любой, кто неосторожно выскажется при короле в подобном ключе, неминуемо отправится на виселицу. А точнее, попросту пропадет из королевства без следа. Ходили слухи, что преступников король ссылал в неведомое место, где их съедали заживо разнообразные твари. Так это было или нет, никто не знал точно. Но очевидно было одно — в прямом смысле на виселицу никого не отправляли, это была лишь одна из официальных трактовок приговора. Преступники попросту исчезали и о них больше никто ничего не слышал. Незнание того, что с ними впоследствии делали и куда отправляли, внушало людям еще больший страх и породило не одну теорию и сплетню на этот счет.

Помимо негласно популярного публичного дома Эльвиры, в этой части столицы имелся еще Круглый рынок. Прозван он так был в честь того, что располагался на площади, которую архитектор города зачем-то сделал абсолютно круглой. Красиво, конечно, но это его эстетическое решение привело к некоторым неудобствам. Например, столица начала

обрастать торговцами и лавками и из-за красоты площади они стали выбирать именно это место для своих магазинов, в результате чего круглая площадь застроилась далеко не круглыми домами и лавками, впоследствии все равно получивших название «Круглый рынок». Каретам тоже было не слишком удобно лавировать среди хаотично построенных зданий, хотя улицы предоставляли довольно много места и пространства, чтобы спокойно проехать по мощеной дороге и при этом не сбить случайно какого-нибудь знатного господина или даму, от которых, в свою очередь, площадь практически никогда не очищалась, даже ночью здесь бродило много народу. В основном, конечно, благодаря заведению Эльвиры.

Вот и в этот прекрасный весенний день все шло, как обычно. Лавочники зазывали людей посмотреть на их товары. А те торговцы, что отгрохали себе целые здания для торговли, а не палатку на улице, терпеливо ожидали своих постоянных клиентов, сидя внутри магазинов. И постоянные клиенты не заставляли себя долго ждать. В общем, жизнь кипела и шла своим чередом.

Круглая площадь столицы привлекала к себе не только знатных господ, но и обычных путешественников, которые закупались в дорогу полезными вещами и едой у местных торговцев. Другие искали трактиры и гостиницы, чтобы переночевать. И многие из них задерживались по ночам в доме Эльвиры.

Вот и сейчас из ее заведения вышел рыжий парень среднего роста, в яркой фиолетовой рубашке и светло-коричневых штанах, неприлично обтягивающих его зад. На одном плече у него висела сумка с длинным ремнем, а на поясе покоился меч в ножнах.

Рыжий вышел не один, его сопровождала красивая женщина в слишком откровенном наряде, практически полностью демонстрирующем чужим взглядам ее пышную грудь. Свои черные волосы дама собрала в высокую прическу, а ее лоб скрывала густая челка. Рыжий переступил порог и оказался на улице, щурясь от яркого солнца, а его спутница осталась стоять перед открытой дверью, глядя на молодого человека, который обернулся к ней и низко поклонился.

— Твои услуги, Вира, как всегда безупречны, — произнес парень и выпрямился. На его лице заметна была небольшая ухоженная рыжая борода.

— Ты так говоришь, будто провел ночь со мной, а не с одной из моих девочек, Кион, — засмеялась хозяйка борделя. Голос у нее был слегка хрипловатый, но это была природная хриплость, а не нажитая с годами и она только больше ласкала слух.

— Я бы всех своих монет не пожалел за ночь с тобой, но ты никому не предоставляешь личных услуг, — вздохнул бард и даже театрально сложил руки у груди.

Эльвира только рассмеялась от его слов. Кион был ее постоянным клиентом, оба успели довольно хорошо узнать друг друга и Эльвира не раз укрывала в своем заведении незадачливого барда, когда тот удирал от очередного разъяренного мужа какой-нибудь знатной дамы, застав их на горячем. Хозяйка борделя не раз говорила ему, что его поведение до добра не доведет и лучше пусть он приходит к ней в дом за девочками, а не охмуряет знатных дам и каждый раз Кион обещал последовать ее совету, но всякий раз снова оказывался в подобных ситуациях, когда с едва натянутыми на зад штанами в очередной раз убегал от разъяренных мужей.

— Ты же знаешь, я отношусь к тебе, как к сыну, — Эльвира издала тихий смешок, — Так что не предлагай мне деньги за ночь со мной.

— Ты слишком молода, чтобы считать меня своим сыном, — заметил Кион. Он сложил

руки на поясе и оглядел хозяйку публичного дома с головы до пят, — И слишком уж горяча.

— Хватит лить на меня такую неприкрытую лесть, — легко отмахнулась от его флирта Эльвира, — Лучше поменяй свои привычки и побереги себя. Я бы хотела тебя почаще видеть со своими девочками, чем бегущим прочь с голым задом от очередного мужа знатной дамочки.

— Когда это я бегал с голым задом? — надулся бард, — Я всегда успевал надеть штаны.

Эльвира захихикала и элегантно прикрыла губы ладошкой, словно бы она была самая настоящая знатная госпожа, а не хозяйка борделя. Впрочем, это была ее отличительная черта от других хозяек подобных заведений и своих девочек Эльвира тоже учила этикету. Из-за этого ее публичный дом выгодно отличался от остальных не только в огромной столице, но и в других городах и бордель Эльвиры посещали не только обычные путники, но и те же мужья знатных дам, от которых зачастую убегал Кион.

Рыжий бард поправил свои хорошо уложенные волосы и смахнул пылинку с плеча. Он повернулся к Эльвире и еще раз поклонился женщине.

— Я обязательно как-нибудь снова зайду в твоё заведение, Вира, — произнес Кион, на уголках его губ заиграла озорная улыбка.

— Зная тебя, ты залетишь в мой дом не для свидания с одной из моих девочек, а потому что снова будешь спасаться бегством с голым задом от очередного разъяренного мужа, — вздохнула Эльвира.

— Зачем же так категорично? Твои две девочки этой ночью справились на ура, так что я не против это как-нибудь повторить.

— Ты их затаскал так, что обе теперь отсыплются, — хмыкнула хозяйка борделя и Кион громко рассмеялся.

— Прости, прости. Просто твои девочки и правда высший сорт, я никак не мог насытиться.

Эльвира довольно ухмыльнулась и скрестила руки на пышной груди. А этот хитрый лис умеет делать комплименты, этого у него не отнять.

— Что ж, тогда следующий твой визит пусть произойдет по любви, а не из-за страха быть пойманным законным супругом очередной госпожи, — через минуту весело произнесла Эльвира. Кион только в третий раз низко ей поклонился и женщина скрылась в доме, прикрыв за собой дверь, а бард направился по мощеной улице в сторону площади.

Киону нравилась Эльвира, но не как женщина, а из-за ее личности и характера. Пожалуй, она единственная из всех женщин мира, с кем он флиртовал чисто из-за привычки, а не из-за желания броситься с ней в постель. Нет, с формами и внешностью у Эльвиры все было в порядке и если бы Кион не был с ней так хорошо знаком, он бы флиртовал с хозяйкой борделя куда усерднее. Просто Эльвира, пожалуй, единственный в этом мире человек, который помогал Киону бескорыстно. Женщина не раз уже доказывала, что ей можно было доверять, постоянно спасая Киона от его собственных похождений. Взамен бард пару раз тайком оставлял несколько красивых и дорогих побрякушек в комнате Эльвиры в качестве благодарности за помощь, хотя женщина никогда не требовала от него ничего взамен. Да и украшения эти Киону зачастую доставались от знатных дам в обмен на его тело, так сказать. Обычно бард сразу же распродавал их, предпочитая монеты, а не цацки на память, но некоторые из них он оставлял, самые красивые. В итоге, они теперь где-то лежат у Эльвиры в ящиках, а быть может, она их даже продала. Наверняка хозяйка борделя знала, откуда Кион получал такие украшения и, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, предпочитала либо

вовсе не носить их, либо просто продавать, а вырученные деньги пустить во благо своего дела, так сказать. Прохуdivшаяся крыша в публичном доме сама себя не залатает.

Кион вышагивал по улице, громко цокая каблуками на сапогах. Он шел уверенной пружинистой походкой, его меч в ножнах ритмично покачивался в такт шагов, а хитрые глаза по привычке уже осматривали окружение в поисках очередной богатенькой дамы, которая могла бы пополнить кошель Киона на месяц вперед за одну только ночь. В голове тут же пронеслось предупреждение Эльвиры о том, что эта его привычка до добра не доведет, но Кион тут же отмахнулся от него, вспомнив, что вчера оставил едва ли не последние свои монеты в доме этой самой Эльвиры.

— Есть-то мне на что-то тоже надо, — под нос прошептал себе бард, словно бы пытался этой отговоркой отогнать от себя предупреждение хозяйки борделя.

Кион завернул за угол и вышел в ту часть Круглого рынка, где стоял большой фонтан. Вода весело журчала и переливалась струйками, создавая некую геометрическую фигуру. Солнце яркими бликами отражалось от воды, придавая фонтану красоту драгоценного камня. Кион на минуту остановился, глядя на эту красоту. В голове у него сложилось небольшое стихотворение и бард удовлетворенно кивнул сам себе. Поменять одну строчку, а здесь добавить более поэтичное слово и вуаля — можно применять это оружие против очередной знатной леди. Бард коварно улыбнулся и даже отвесил фонтану небольшой поклон в благодарность за вдохновение.

На площади стоял шум, постоянно слышались чьи-то голоса, цокот копыт и скрип проезжающих мимо повозок. Кион перевел взгляд на людей, прогуливающих по рынку от лавки к лавке. В воздухе витал смешанный аромат фруктов и цветов, а иногда до ноздрей барда доносился и запах рыбы, исходивший от торговца морепродуктами на самом конце Круглого рынка. Кион поморщился, удивляясь тому, как этот въедливый запах, даже будучи так далеко, все равно сумел перебить аромат фруктов и ягод.

Мимо проехала очередная карета и остановилась перед магазинами, миновав все открытые лавки на улице. Кион зацепился взглядом за эту карету от скуки, но когда увидел, кто элегантно покинул ее, то сразу же пришел в дикий восторг. Прекрасная девушка с золотыми локонами и в дорожном платье цвета бирюзового моря с помощью кучера выскользнула из кареты и аккуратными мелкими шагами направилась в сторону одного из торговых домов, стоящих красивыми зданиями вплотную друг к другу. На вывеске были нарисованы кольца и подвески и Кион сообразил, что это магазин драгоценностей. Бард провел рукой по волосам, приглаживая их и не спуская глаз с прекрасной девушки, которая как раз скрылась в помещении магазина. Кажется, он нашел свою новую жертву.

Кион направился в сторону здания, продающего аксессуары, в котором исчезла златокудрая красавица. На ходу рыжий бард поправил на себе одежду, перевесил сумку через плечо и еще раз пригладил волосы. Он должен выглядеть безупречно, если хочет срывать девушку с первых же секунд их знакомства.

Кион вошел в помещение и принялся оглядываться по сторонам, усиленно делая вид, что он просто очередной покупатель, однако взгляд его моментально поймал бирюзовое платье у стенда с подвесками. Златокудрая красотка оказалась не одна — рядом с ней бдительно стоял высокий мужчина. Кион заметил его только сейчас, когда все же сумел хотя бы на секунду оторвать свой взгляд от девушки. По его бело-синей форме и оружию Кион догадался, что этот мужчина — один из рыцарей короля и раз он сопровождает эту знатную даму, значит, эта самая знатная дама не просто какая-то аристократка, а, судя по ее румяным

упругим щечкам и ясным большим глазам, в которых явно читался юношеский максимализм, девушка эта была дочкой самого Элияра Аделлы.

Кион слегка приуныл и сделал вид, что рассматривает кольца на витрине. В магазине, помимо них, оказалось еще несколько покупателей и хозяин этого заведения, который помогал сейчас одной паре выбрать украшения, так что бард сумел слиться с окружением. Разве что его выдавала яркая одежда.

Если эта блондинка и правда дочь самого короля, то даже говорить с ней будет опасно — незадачливого барда могут просто «отправить на висельницу» и никто о нем больше не вспомнит. С другой стороны, если все пройдет гладко, то Кион сможет получить от наивной красотки множество монет и драгоценностей, а затем просто даст деру из столицы на несколько месяцев. На всякий случай.

Кион тихонько побарабанил пальцами по витрине, обдумывая свои дальнейшие действия. В этот раз девушка ему приглянулась не только размером своего кошелька, но и личиком, так что охмурять ее будет вдвойне приятней, в отличие от других аристократок, которые прятали свои морщинистые лица за тонной косметики. Правда, теперь Киону придется иметь дело уже не с разъяренным мужем, а с самим королем. Стоят ли монеты и драгоценности такого риска?

Рыжий бард утвердительно ответил себе на последний вопрос, еще раз поправил на себе одежду, пригладил и без того безупречные волосы и повернулся в сторону своей новой жертвы, которая в противоположном конце помещения все еще высматривала подвески. Ее рыцарь стоял рядом с ней с абсолютно безучастным лицом, но Кион заметил, что глаза его бдительно следили за окружением, а рука покоилась на эфесе оружия. Придется прикинуться максимально безобидным парнем, чтобы хотя бы слегка ослабить бдительность рыцаря. Кион пожалел, что он так открыто носил меч, оружие на виду явно не даст ему дополнительных очков к безобидности. Ну, была не была.

Кион сделал несколько шагов по направлению к златокудрой красотке и его ухо выцепило часть ее разговора с рыцарем.

— ...не могу выбрать, — голосок у нее был мягкий и нежный и Кион даже почувствовал приятные мурашки, пробежавшие по телу, — Все они такие красивые и искусно сделанные. А ты что думаешь, Алексей?

— Моя леди, Вам подойдут любые украшения, — обыденно отозвался рыцарь, даже не делая попыток выглядеть хоть слегка заинтересованно.

— Всегда ты так, — надулась девушка.

Кион понял, что это его шанс обратить на себя внимание и втереться в доверие этому нежному цветочку. И рыцаря со счетов сбрасывать тоже не стоило, хоть он и не нежный цветочек. Если рыжий бард не сумеет убедить этого мужчину в бело-синей униформе, что он просто безобидный прохожий без всяких шальных мыслей, не видать ему красотки больше никогда. Кион откашлялся, привлекая к себе внимание, а когда девушка обернулась в его сторону, а рыцарь уставился на него неприятным тяжелым взглядом, Кион нацепил на лицо максимально простодушное выражение и мягко улыбнулся.

— Позвольте Вам помочь, юная леди, — бард слегка поклонился, выжимая из себя все скудные знания по этикету, которые он только помнил, — Я, конечно, не ювелир, но кое-что знаю об украшениях.

Кион не соврал — он и правда кое-что знал о драгоценностях. А если точнее, то как их выгоднее продать и что наплести ювелирам в лавках, чтобы они даже не подумали о том, что

все украшения, которые приносил им бард, на самом деле были слегка нелегально прихвачены им с собой, когда он в очередной раз сбегал от гнева еще одного мужа, застукавшего свою неверную супругу в горячих объятиях барда.

— Кто ты? — прямо спросил рыцарь, даже не делая попыток быть вежливым с Кионом. От его резкого тона и низкого голоса рыжий бард едва не дернулся, но вовремя сдержался и даже ни на секунду не потерял своего простодушного выражения на лице.

— Я? О, я просто скромный обыватель, — ответил он.

— У вас меч, — неожиданно воскликнула девушка и пришла в бурный восторг, — Вы умеете фехтовать?

— Ах, это, — Кион неумело дотронулся до ножен, что стоило ему больших усилий, а затем нагло соврал, — Нет, я не умею пользоваться оружием. Это меч моего господина, я забрал его у кузнеца, а теперь вот выполняю следующее поручение своего господина.

Кион расплылся в глупой улыбке, прекрасно понимая, каким наивным дураком он сейчас выглядит. Эту улыбку он тренировал годами и она каждый раз срабатывала. Вот и сейчас, рыцарь златокудрой красоты заметно расслабился и даже убрал руку со своего оружия, поверив словам Киона, как маленький ребенок.

— И кто же твой господин? — спросил рыцарь скорее по привычке, нежели чем чтобы вывести барда на чистую воду.

— О, он граф одной из далеких провинций. В столицу приезжает не часто, поскольку страдает редкой болезнью. Его кости очень хрупкие и моему господину тяжело ходить, поэтому я выполняю все его поручения. Он приезжает в столицу раз в несколько лет, только когда ему понадобится что-то искусное от здешних мастеров, — ответил Кион, намеренно похвалив навыки местных торгашей и кузнецов, а затем постарался незаметно перевести тему, чтобы рыцарь не продолжил свои расспросы, — Юная леди, я могу подсказать Вам, какие украшения лучше подойдут к Вашей прекрасной внешности.

— О, это было бы здорово, — девушка пару раз хлопнула в ладоши от радости. Киону она показалась особо миленькой в этот момент и он едва не начал откровенно пялиться на нее, но вовремя спохватился.

Рыжий бард принялся строить из себя едва ли не эксперта по драгоценным украшениям, на ходу придумывая историю каждому из них. Например, вот это жемчужное ожерелье было утеряно в морских водах двести лет назад, пока однажды его попросту не прибило к берегу прямо к ногам прекрасной леди. Рыцарь, стоящий слегка в стороне, выразительно приподнял одну бровь, сомневаясь в правдивости рассказа барда, но златокудрая девчушка явно поверила в историю, восхищаясь ее красотой. Кион усмехнулся про себя. Он начал рассказывать эти байки, чтобы прощупать почву и узнать, какие истории понравятся девушке и уже на основе этих знаний продолжить строить из себя именно такого человека, который ей точно западет в сердце и душу.

Кион на всякий случай рассказал еще парочку выдуманных историй и, к счастью, рыцарь ему никак не мешал, только зорко следил, чтобы рыжий простофиля не посмел прикасаться к его леди. Впрочем, Кион прекрасно понимал, что за его действиями и словами следят, так что ни на секунду не ослаблял бдительности, продолжая носить маску наивного простачка, который всего лишь выполняет в столице требования своего господина.

Девушка же, совершенно не замечая никакой игры вокруг себя, с явным интересом и восторгом слушала каждую историю Киона, а под конец некоторых из них вздыхала и говорила, что это было очень трогательно. После нескольких таких историй Кион

окончательно понял, как нужно вести себя с дочкой короля, чтобы точно понравиться ей и чтобы она сама предложила ему снова встретиться, пока Кион со своим господином окончательно не покинут столицу.

— Лично я порекомендовал бы вот это ожерелье, миледи, — произнес рыжий бард и ткнул пальцем в сторону бирюзового украшения, выполненного в виде крупных бус, в центре между которыми висел красивый камень каплевидной формы. Кион выбрал это ожерелье только потому, что девушка сейчас носила бирюзовое платье, выгодно подчеркивающее ее зелено-голубые, практически бирюзовые глаза. Сам бард понятия не имел, насколько это ожерелье подойдет красотке, но его это не слишком заботило.

— Извините, можно вас на секундочку? — златокудрая окликнула продавца и тот, вежливо поклонившись паре, с которой что-то обсуждал, покинул их на минуту и подошел к Киону с красоткой.

— Чем могу помочь? — спросил мужчина. Вблизи оказалось, что он был средних лет с седеющими волосами и пышными усами, а у одного глаза носил монокль. Ювелир был одет в строгий черный костюм, а на руках носил белые перчатки. Своей внешностью и безупречными манерами он больше походил на дворецкого, чем на продавца украшений.

— Я бы хотела примерить вот это ожерелье, пожалуйста, — попросила девушка и указала через витрину на бирюзовое украшение.

«Дворецкий» без лишних слов элегантно достал связку тяжелых ключей из кармана и, выбрав один, отворил замок на витрине таким привычным движением, что становилось ясно, как долго этот человек проработал в своем магазине. Он подцепил пальцем одной руки украшение и, подхватив второй рукой, протянул его девушке с легким поклоном.

— Я помогу Вам надеть его, — дежурным тоном произнес он.

Златокудрая красотка поспешила снять свое ожерелье, висевшее у нее до этого на шее и Кион, не удержавшись, проследил за ним взглядом, когда девушка аккуратно положила его на витрину. Рыжий бард почувствовал жгучее желание схватить цапку и бежать отсюда как можно скорее, но отвернулся, с трудом сдерживаясь. Если он сейчас поддастся своей слабости и каким-то чудом ему даже удастся оторваться от этого бело-синего рыцаря, Кион останется всего лишь с одним украшением на руках, а его цель — обеспечить монетами свои хотелки как минимум на несколько месяцев вперед, а этого ожерелья ему хватит максимум на неделю.

Кион снова повернулся к красотке, не забывая про придурочное и глуповатое выражение на лице. Хозяин магазина уже помог блондинке надеть бирюзовое ожерелье и девушка сейчас глядела на себя в зеркало, стоящее рядом. Кион неожиданно для себя оказался прав — украшение и правда выгодно подчеркивало ее красивые глаза. Бард украдкой глянул на рыцаря, но на его лице не отразилось ни одной эмоции, только обычное безразличие.

— Что думаешь, Алексей? — повернулась к нему его леди и выжидательно посмотрела в лицо своего рыцаря.

— Вы выглядите великолепно, — не смотря на комплимент, голос рыцаря тоже прозвучал довольно безразлично.

«Вот же черствый сухарь», — подумал Кион. Сам он считал, что ожерелье просто идеально подходит девушке и что он, Кион, сумел ей правильно подсказать и помог выбрать украшение. Да без него она явно бы не справилась, особенно с сухарем под боком. Это явно была его заслуга.

— А вы что думаете? — повернулась девушка к «дворецкому» и Киону.

— Безупречно, — отозвался хозяин магазина и слегка улыбнулся, правда, Кион сразу же распознал в его улыбке всего лишь дежурную вежливость, которая обычно помогала «дворецкому» убеждать знатных дам, что они великолепны и, как следствие, помогала продавать украшения.

— Миледи, Вы словно сошли с холста художника, который запечатлел на нем невероятную красоту, — рыжий бард скромно опустил глаза и поклонился, всеми силами делая вид, что смущен таким сравнением. Кажется, это произвело впечатление на девушку и она даже слегка покраснела. Ее рыцарь лишь закатил глаза.

— С-спасибо за комплимент, — ответила она и повернулась к дворецкому, — В таком случае, я возьму это ожерелье.

— Превосходно! — тут же воскликнул он и помог снять украшение с шеи девушки, а затем помог надеть обратно ее подвеску, — Я сейчас же займусь Вашим заказом, миледи.

«Дворецкий» закрыл замок на витрине и, прихватив с собой бирюзовое ожерелье, скрылся где-то в соседней комнате. Златокудрая красotka пару раз хлопнула в ладоши от нетерпения и закусила губу, глядя в след скрывшегося хозяина магазина. Ее рыцарь стоял с абсолютно безразличным выражением на лице, но теперь вернул руку на оружие, а его глаза все так же бдительно осматривали помещение.

Кион был уверен, что свое дело он сделал и явно запал девчужке в душу, а потому, чтобы не вызывать дальнейших подозрений у ее спутника, сделал вид, что собирается уходить, не попросив ничего взамен за свою помощь с выбором ожерелья.

— Что же, я рад, что сумел Вам помочь, миледи, — Кион вежливо поклонился, намеренно напомнив девушке о своем участии в выборе украшения, — Но, боюсь, меня ждут дела. Мой господин не обрадуется, если я вернусь к нему с пустыми руками. Поэтому я вынужден откланяться.

Кион еще раз поклонился и развернулся к выходу, прекрасно зная, что девушка его сейчас остановит. И не ошибся.

— Подождите, вы уже уходите? — удивилась златокудрая дочь короля, — Но я ведь даже еще не отблагодарила вас за помощь.

— Поверьте, мне было совсем не сложно помочь такой прекрасной леди, — соврал Кион и натянул на лицо настолько простодушное и наивное выражение, насколько только мог. Что ему сложно было, так это убедить ее рыцаря, что перед ним обычный простофиля. И судя по тому, как рыцарь периодически зорко на него поглядывал, Киону не удалось убедить его в этом до конца.

— И все же я настаиваю, что я просто обязана поблагодарить вас за помощь, сир... — девушка осеклась и широко раскрыла глаза, — Ах! Я ведь даже имени вашего не спросила и сама не представилась. Где же мои манеры? Меня зовут Ангелина Аделла, я единственная дочь короля.

Златокудрая красotka присела в реверансе и Киону она снова показалась очень милой. Он едва не начал откровенно пялиться на нее, особенно на ту часть платья, которая выгодно подчеркивала ее грудь, не такую пышную, как у Эльвиры, но посмотреть было на что. Однако Кион вовремя спохватился, заметив, что рыцарь внимательно за ним наблюдает. Чтобы скрыть свое пошлое выражение на лице, Кион опустил голову и тоже поклонился.

— Я и не знал, что я нахожусь в компании такой важной особы, — произнес он как можно более удивленно, хотя на самом деле давно уже догадался, кто перед ним стоит, —

Прошу простить меня за отсутствие подобающих манер, принцесса. И не быть со мной слишком строгой.

— Я ведь не собираюсь вас наказывать, — мило засмеялась Ангелина, — Я всего лишь хочу узнать ваше имя и поблагодарить за помощь.

Кион понял, что это тот самый момент, когда он может повернуть ситуацию еще больше в свою пользу. Правда, его слегка напрягал молчаливый рыцарь, стоящий рядом с принцессой, но по крайней мере этот рыцарь был более расслаблен, чем когда Кион впервые заговорил с красоткой, так что, можно было сказать, что Кион и его одурачил своим простодушным лицом. Рыцарь скорее по привычке и долгу службы осматривал его с некоторым подозрением, нежели чем действительно считал, что рыжий бард замышляет нечто коварное по отношению к принцессе.

— Зовите меня Даниэль, — представился Кион другим именем. Он всегда менял имена, когда охмурял богатеньких аристократок. Так у него было меньше шансов быть пойманным на лжи, когда знатные дамы собирались в чьем-нибудь поместье и начинали хвастаться друг перед другом, какой у них появился замечательный любовник, — Что же касается благодарности за помощь — я только скромно смею надеяться, что принцесса и я сможем когда-нибудь встретиться вновь. А пока мне и вправду нужно идти, иначе мой господин будет не очень доволен.

Кион продолжил играть роль дурачка-прислужника какого-то господина, но его последняя фраза была наживкой для принцессы и отвода глаз ее рыцарю. За этот короткий разговор с девушкой Кион успел прощупать ее характер и понять, как следует действовать дальше. Он был уверен, что такая милая девушка не разозлится и не сочтет его фразу об уходе грубой, поэтому позволил себе использовать ее, чтобы завлечь красотку дальше. Плюсом было еще и то, что перед рыцарем Кион выглядел совершенно не заинтересованным в Ангелине, как в принцессе. Наверняка рыцарь думал, что рыжий бард, услышав о том, что девушка является дочерью короля, начнет увиваться вокруг нее, но Кион поступил совершенно иначе на удивление рыцаря и тот окончательно расслабился. Кион внутренне возликовал, стараясь не спускать с лица простодушного выражения. Все, теперь Ангелина точно была в его кармане после того, как ее рыцарь окончательно поверил в роль, которую все это время исполнял рыжий бард.

— Тогда как насчет прогулки по парку в это воскресенье? — предложила принцесса и ее рыцарь от удивления выкатил глаза.

— Моя леди, Вы же не собираетесь... — начал было он, но принцесса его перебила.

— Алексей, сир Даниэль наверняка не видел всю красоту столицы, а когда его господин уедет, то и он вместе с ним, а значит, столицу он так и не посмотрит. Я думаю, это будет самое большое упущение в его жизни и просто хочу показать хотя бы красоту парка, пока сир Даниэль не уехал. Это будет моя благодарность за помощь.

Рыцарь ничего не ответил, только коротко кивнул. Кион едва не рассмеялся на предложение принцессы. Он-то знает всю столицу даже лучше, чем свои пять пальцев, а уж в тот парк сам несколько раз водил знатных леди на свидания. Если бы об этом узнала принцесса, она бы жуть как удивилась, а быть может, даже пришла бы в ярость. Кион позволил себе на секунду представить искаженное гневом лицо Ангелины, но у него не получилось. Скорее всего этот нежный цветочек просто заплакала бы вместо того, чтобы возмущенно надавать рыжему выскочке пощечин. Впрочем, Кион не собирался показывать ей, что он хорошо знаком с городом, а потому просто пришел в бурный восторг от

предложения принцессы.

— О да, это было бы чудесно! — воскликнул он, вновь нацепив на лицо дурацкое выражение, — Мне кажется, я где-то слышал о том, что в столице находится прекрасный парк, но сам я там, к сожалению, не был.

— Значит, решено, — довольно захихикала принцесса и хлопала в ладоши от радости, — Тогда встретимся в воскресенье в полдень перед входом в парк. Ой, а ваш господин отпустит вас, сир Даниэль?

— Прошу, принцесса, зовите меня просто Даниэль, — скромно попросил Кион, — Что же касается моего господина, то я что-нибудь придумаю. Думаю, я сумею его уговорить отпустить меня на прогулку практически на весь день.

— Замечательно, — девушка снова хлопала в ладоши и мило улыбнулась, — Тогда встретимся у парка в это воскресенье.

— С нетерпением буду ждать, принцесса, — Кион вежливо поклонился и сделал шаг назад в сторону выхода, — К сожалению, мне и правда пора бежать. Прошу, не сочтите за грубость мой внезапный уход.

— Увидимся, — помахала ему рукой Ангелина. Ее рыцарь же и вовсе никак не отреагировал. Кажется, он и правда полностью поверил в роль Киона, что рыжему барду было только на руку.

Еще раз поклонившись и заметив, что «дворецкий» вернулся к принцессе с ее уже упакованным заказом, Кион развернулся, толкнул дверь и вышел на улицу. Многочисленные звуки рынка тут же заполнили все его уши, теплый ветерок игриво запутался в волосах барда, пока тот пружинистой походкой шел через площадь. Кион был невероятно доволен собой сегодня. Он не просто нашел миленькую аристократку, которую и обольщать будет приятно, но еще и заинтересовал собой саму дочку короля. К слову, у Элияра Аделлы было четверо детей и всего лишь одна дочь, Ангелина. В ней король души не чаял, она была самая младшая из всех. Ее братья тоже очень тепло к ней относились, так что Киону нужно быть предельно осторожным с ней, чтобы потом, когда он скроется с прихваченными драгоценностями принцессы, за ним не выслали стражу. Поэтому его выдуманный господин, который скоро должен покинуть столицу, отлично подойдет в качестве оправдания за то, почему Даниэль внезапно исчез. К сожалению, это означало и то, что времени на обольщение красотки у Киона будет меньше, а значит, ему придется удвоить усилия, если он хочет побольше набить свои карманы ее цацками и побрякушками.

Кион свернул на знакомую улицу, по которой совсем недавно выходил на площадь. До воскресенья оставалось еще три дня, но рыжему барду необходимо было подготовиться, чтобы наверняка зацепить принцессу и все ее мысли только собой. А для этого он как минимум должен будет выглядеть безупречно.

Кион свернул в переулок, миновал несколько домов и вышел на другую улицу. Знакомая постройка замаячила впереди и Кион спокойно подошел к двери и постучал. Обычно люди заходили в это здание без стука, но это было только по ночам и вечерам, днем и утром этот дом считался частной собственностью, давая его обитателям время, чтобы отдохнуть и подготовиться к очередной рабочей ночи.

Через несколько долгих минут, показавшихся Киону целой вечностью, дверь наконец распахнулась и на пороге предстало знакомое лицо с черной челкой, которое при виде Киона уставилось на него в удивлении.

— Кион? Что ты на этот раз натворил? — спросила Эльвира и отошла в сторону,

пропуская внутрь рыжего барда.

— Вира, мне понадобятся все твои навыки по наведению красоты, — вдохновенно произнес Кион.

Женщина тяжело вздохнула и закрыла дверь, после чего обернулась к своему гостю. Дом Эльвиры изнутри выглядел, как обычная таверна — большой зал сразу на входе был уставлен мягкими диванами, а в углах лежали многочисленные подушки рядом с низкими столиками. Здесь девочки Эльвиры развлекали гостей словесно и своей красотой, разбавляя это музыкой и песнями. Если же они желали уединиться, а такое происходило всегда, то лестница, ведущая вниз, открывала им доступ к уютным комнатам, которые были обставлены мягкой мебелью так, чтобы клиенты чувствовали себя максимально комфортно. Второго этажа в этом доме не было и комнаты внизу, по сути, еще являлись и личными комнатами Эльвиры и ее девочек.

— Можно подробнее? — попросила Эльвира и элегантно опустилась на один из стоящих рядом темно-красных диванов, — Я хочу знать, во что ввязываюсь.

— Ты ни во что не ввязываешься, — плюхнулся рядом с ней Кион, — Все, что тебе нужно сделать — это навести на мне красоту в воскресенье. А еще отпустить меня прогуляться в парк, о, мой господин.

Эльвира приподняла одну бровь и Кион звонко рассмеялся. Он поведал ей, что нашел прекрасную леди и в воскресенье собирается с ней на свидание в парк. Только рыжий бард умолчал про то, что она принцесса и то, что за ней постоянно таскается ее рыцарь. Кстати, с ним надо будет что-то сделать.

— Очередная интрижка со знатной дамой, — тяжело вздохнула Эльвира и потеряла переносицу. Хозяйка борделя сейчас была одета куда скромнее, чем когда Кион покидал ее жилище этим утром, но менее привлекательной она от этого не стала. Рыжий бард даже залюбовался ею, чисто эстетически, без всяких мыслей, которые обычно сопровождали его подобные взгляды, бессовестно блуждающие по телу какой-нибудь фигуристой аристократки.

— Поверь мне, на сей раз оно того стоит, — уверил собеседницу Кион, — Если мне удастся ее охмурить, то я смогу прожить без интрижек несколько месяцев подряд. Разве тебе от этого не будет только лучше?

— Ты о чем?

— Подумай сама, Вира. Эти несколько месяцев тебе не придется прятать меня от разъяренных мужей. А я в свою очередь буду приходить только к твоим девочкам. Каждую ночь.

— Ха! Как будто ты платишь за их услуги, — заметила хозяйка борделя.

— Я дарю им подарки, — надулся бард от такой несправедливости.

— Подарки, подаренные клиентами, остаются у девочек, — ответила Эльвира, — Они не идут в уплату за их услуги.

— Хорошо, я принесу тебе подарок тоже, — быстро произнес Кион, — Но только после того, как обольщу ту юную златокудрую красотку. И только если ты мне поможешь навести марафет в воскресенье.

— Нет, спасибо, мне не нужны ворованные драгоценности, — рукой отмахнулась от него хозяйка борделя.

— Тогда чего ты хочешь?

Эльвира прямо посмотрела в глаза Киону, лицо ее выражало только искреннее

беспокойство за него и барду даже стало немного стыдно за то, что он всегда доставлял ей неудобства. Стыдно совсем чуть-чуть.

— Пообещай, что после этой интрижки ты затаишься как минимум на полгода, — произнесла Эльвира, — Я уже устала за тебя волноваться.

— Вира, — Кион слез с дивана и встал перед брюнеткой на колени, — Торжественно клянусь, что это дело увенчается успехом и я несколько месяцев не буду преследовать аристократок.

— Полгода, — строго произнесла Эльвира и скрестила руки на пышной груди. Кион откашлялся, но все же нехотя согласился.

— Полгода я не буду волочиться за аристократками.

— Хм, ладно, — довольно хмыкнула хозяйка борделя и поднялась с дивана, — Или за мной, выделю тебе комнату. Поживешь пока тут до воскресенья. А если твое дело, как ты говоришь, увенчается успехом, то сможешь использовать эту комнату все эти полгода.

— Да ты просто хочешь запереть меня у себя под боком, — засмеялся Кион, следуя за Эльвирой вниз по лестнице.

— О, ты раскусил мой коварный план, — подыграла ему женщина и игриво улыбнулась, — Конечно же я хочу держать такого симпатягу поближе к себе, это женский инстинкт.

Смеясь, они спустились вниз и прошли мимо запертых комнат в самый конец коридора. Эльвира указала на приоткрытую дверь и сообщила барду, что временно это будет его комната. Рыжий бард прошел внутрь и осмотрелся. Большая мягкая кровать уютно занимала едва ли не все пространство. У дальней от входа стены стояло кресло с небольшим столиком, а рядом с ними — комод с огромным зеркалом. Пушистый ковер дополнял всю прелесть комнаты, создавая еще больше уюта, и Кион довольно кивнул себе.

— Я даже разрешаю тебе проводить время с моими девочками, тем более, что все они от тебя без ума, — произнесла Эльвира. Кион довольно расплылся в улыбке, но она тут же практически вся слетела с лица, как только женщина добавила следующее, — Только смотри, чтобы твои кувыркания с ними не вредили моей работе, иначе выгоню тебя на улицу в ту же минуту и перестану прятать тебя от мужей обманутых дам.

— Я все понял, Вира, — ответил Кион и надулся, — Умеешь же ты обломать настроение.

— Без этого невозможно быть полноценной хозяйкой борделя, — загадочно ответила Эльвира и, оставив Киона располагаться в его комнате, вышла обратно в коридор, прикрыв за собой дверь.

Рыжий бард еще раз осмотрелся в комнате, затем сбросил сумку с плеча и закинул ее на кресло, туда же отправился и меч в ножнах, а сам бард упал в объятия мягкой кровати. Повезло ему, что с Эльвирой они в хороших отношениях, иначе ему попросту было бы некуда идти и не к кому обратиться. Несмотря на свой общительный и любвеобильный характер, Кион на самом деле был довольно одинок. Своим домом бард так и не обзавелся, предпочитая тратить все деньги, имеющиеся на руках, сразу, вместо того, чтобы потихоньку копить. Семьи, естественно, у него тоже не было, а родителей рыжий бард и вовсе не помнил. Если бы не Эльвира, которая в час нужды протянула ему руку, сгинул бы он в столице и никто бы не заметил.

Кион прям в одежде перевернулся на другой бок. На улице стоял день и спать барду еще не хотелось, несмотря на бурно проведенную перед этим ночь. Он вспомнил о предстоящем

свидании с Ангелиной и коварно расплылся в улыбке. Наверняка во время встречи с ней он сумеет незаметно стащить какое-нибудь колечко с ее руки, а потом просто делает вид, что оно укатилось в траву и даже для вида поищет его некоторое время, но кольцо, разумеется, окажется утерянным. Потом его можно будет сдать в местный ломбард и на вырученные деньги прожить ближайшую неделю. А за эту неделю встретиться с принцессой еще пару раз и уже максимально обобрать ее, как липку. Но только сделать это надо незаметно и без лишних подозрений, после чего Даниэль «уедет» из столицы и оставит о себе лишь приятные воспоминания, за которые девушка расплатится своими цацками.

Кион довольно захихикал, лежа на кровати. Единственным минусом в этих встречах с принцессой будет ее рыцарь. Киону придется быть дважды бдительнее, чтобы не попасться на воровстве и более того, не навести на себя подозрения телохранителя принцессы. Иначе с ним шутки будут плохи. Рыжему барду придется постоянно носить дурацкую улыбку на лице, притворяясь деревенским простачком, которому повезло попасть в услужение к знатному господину. Впрочем, за годы своей не такой уж долгой жизни Кион отточил мастерство мимики, как никто другой. И не только выражение лица он умел менять под любую ситуацию, он также приловчился в такие моменты использовать язык своего тела, подгоняя движения под стать лицу.

Кион сел и почесал рыжую голову. До свидания с принцессой еще было несколько дней, но он должен заранее к нему подготовиться, если хочет, чтобы все прошло именно так, как бард задумал.

Кион поднялся с кровати, подошел к своей лежащей на кресле сумке и заглянул в нее, после чего пошарил внутри нее рукой. Он вытащил наружу небольшой кожаный мешочек со шнурком, который служил барду кошельком. Сейчас мешочек был практически пуст, внутри лежала только одна монета. На это новый облик для свидания с принцессой Киону не создать, а занимать денег у Эльвиры у барда не было никакого желания.

Кион присел на пол рядом с креслом и задумался. Можно было пойти на встречу с принцессой в той же одежде, в которой она видела его сегодня. Вряд ли Ангелина удивится его виду, она ведь в курсе, что он слуга знатного господина, а значит, одежды у него не так уж и много. Но Киону нужно выглядеть безупречно, чтобы его план сработал идеально, как отлично отлаженный механизм, а потому его обычная одежда здесь явно не подойдет.

Кион приложил одну руку к подбородку, в голове у него заработали привычные мысли по схеме добычи денег. Занятно выходит — чтобы охмурить принцессу и обокрасть ее, ему придется обокрасть кого-то еще. Но ведь для того он и собирается стащить с принцессы украшения — чтобы спокойно прожить несколько месяцев, нет, полгода, как просила Эльвира. Если бард может обокрасть кого угодно, зачем ему тогда принцесса?

Кион тяжело вздохнул, поднялся с пола, прихватил свои сумку и меч и вышел из комнаты, а затем покинул бордель и направился вдоль по улице. Обокрасть какого-нибудь зазевавшегося аристократа труда не составит, но в таком случае этих денег Киону надолго не хватит. А вот если обокрасть принцессу, да еще сделать так, чтобы у них произошла не одна встреча, а потом снова ее обокрасть, то Кион вполне смог бы протянуть полгода, не охмуря очередную знатную жертву, а принцесса за это время уже позабудет о существовании Даниэля, который покинет столицу со своим больным господином.

Кион шел пружинистой походкой и довольно улыбался, как кот, наевшийся сметаны. Принцесса точно будет от него в восторге и даже не поймет, что ее обокрали. Дважды, если повезет встретиться с ней еще раз. Для отвода глаз рыцарю Кион что-нибудь придумает, у

него уже даже появились несколько идей. Осталось только идеально выглядеть для своего коварного плана, а для этого барду понадобятся чьи-то деньги.

Кион осмотрелся по сторонам. Вокруг него проходили люди, спешащие по своим делам. Ритм в столице был очень бурным, как ни в каком другом крупном городе и Киону нравилась эта вечная занятость прохожих. Когда рыжему барду срочно нужны были деньги, как сегодня, он просто выходил на улицу и осматриваться в поисках жертвы. Конечно, в таком случае он обзаводился всего лишь небольшой горсткой монет, которую едва хватало ему на пару дней, но это лучше, чем ничего.

Кион заприметил среди прохожих мужчину среднего возраста в опрятном наряде. Бард придирчиво осмотрел свою потенциальную жертву. Уложенные волосы и чисто выбритые щеки явно говорили о том, что в кошельке у мужчины завалялась пара монет как раз для Киона. Рыжий бард на ходу придумал очередной план по получению монет от этого прохожего, но сегодня ему понадобится еще одна жертва для этого плана.

Кион осмотрелся и заметил молодого человека в приличном костюме, который шел навстречу первой жертве барда. Осталось только сделать так, чтобы они столкнулись, а дальше ловкие пальцы Киона сделают свое дело и эти два аристократа даже не поймут, что бард их обокрал.

Кион двинулся вслед за мужчиной с седеющими волосами, а когда он едва не поравнялся с молодым человеком в костюме, Кион выскочил вперед и специально прошел мимо парня так, чтобы тот плечом задел мужчину. Как и предполагал бард, аристократ принялся извиняться перед первой жертвой Киона, а тот только покивал, следуя этикету, а затем оба разошлись своими путями, оставив в руках рыжего барда по кожаному кошельку.

— Иногда я сам себе удивляюсь, как же я хорош, — тихонько усмехнулся Кион, пряча добычу в сумку. Он не был уверен, что сумеет стащить еще и кошель молодого аристократа, но просто не смог удержаться от соблазна. А если бы попался, то просто сказал бы, что кошель упал на землю и спокойно вернул бы его молодому человеку, после чего отправился бы по своим делам, стараясь не вызывать дальнейших подозрений. Но все прошло куда лучше и быстрее, чем думал сам бард.

Кион свернул за угол дома, прошел по улице, потом еще пару раз свернул, пока не оказался в пустом тупике. Здесь висело чье-то мокрое белье на веревках, а рядом стоял небольшой таз. Вряд ли в этот проулок заглядывают какие-нибудь неприятные типы, так что Кион, спрятавшись на всякий случай от чужих глаз за двумя мокрыми простынями, выудил из сумки сначала один добытый им кошель и пересчитал деньги. Не густо, но сойдет. Потом Кион пересчитал деньги в другом кожаном мешочке. Здесь монет было уже больше, но все равно не хватило бы барду даже на неделю. К счастью, скоро он наживется с принцессы, так что о деньгах можно будет не думать несколько месяцев. Или полгода, если повезет.

Довольный бард спрятал кошель обратно в сумку, перевесил ее длинный ремень через плечо и зашагал прочь из проулка. Теперь ему хватит монет, чтобы создать идеальный образ для свидания с принцессой. А также этот образ должен будет ослабить бдительность ее рыцаря, если Киону повезет.

Рыжий бард прошагал по улицам столицы, потратив на это где-то около часа. Ему нужен был портной, который пошьет ему костюм как раз для встречи со златокудрой красавицей. Но Киону нужен был не просто портной, а такой, который работал быстро, качественно и при этом не выжимал все деньги со своих клиентов. Кион как раз знал одного такого, потому что потратил время на то, чтобы добраться до его мастерской. Бард не хотел

платить за проезд на повозке лишних денег, предпочитая потом пропить их в каком-нибудь баре, а пока лучше иметь на руках все монеты, что у него сейчас были.

Кион вертел головой по сторонам в поисках магазинчика портного. Рыжий бард был знаком с этой частью столицы, но не так хорошо, как с ее центром или Круглой площадью, а потому ему пришлось немного проплутать, прежде чем Кион наконец увидел желанную вывеску. Этот портной работал только на заказ, просто так купить у него костюм или платье было невозможно, как это зачастую делали его коллеги по ремеслу. Зато работал он качественно и быстро и просил за свои шедевры ровно столько, сколько они стоили. А потому клиентов у портного всегда было хоть отбавляй. Вот и сейчас, войдя в помещение и звякнув колокольчиком, висящим над дверью, Кион обнаружил множество знатных дам и господ, а среди них невысокого мужчину с растрепанной светлой шевелюрой, толстой тетрадь и карандашом в руках и мерной лентой на шее. Выглядел он слишком молодо для своих лет, даже морщин не нажил и похож был скорее на юнца, чем на разменявшего уже четвертый десяток мужчину. Брился портной тоже всегда идеально гладко, этим только подчеркивая свое детское личико. На носу у него имелись огромные очки, но судя по тонким стеклам, портной в них не слишком-то и нуждался. Скорее всего, он носил их чисто для солидности.

Аристократы один за одним заказывали вычурные костюмы и с каждым из них портной заходил за шпорку снять мерки, так что Киону пришлось изрядно проторчать в его лавке, прежде чем очередь добралась и до него.

— Что желаете, сир? — вежливо поинтересовался портной, хотя Кион явно не выглядел, как аристократ. И барду нравилось это не предвзятое отношение портняшки ко всем его клиентам.

— Мне нужен особый костюм, — ответил Кион и принялся описывать желаемую одежду, чем даже вызвал некоторое удивление у мастера.

— Вы уверены, что не хотите нечто более элегантное, сир? — спросил портной. В его голосе не проскользнула ни единая нотка неуважения или раздражения. Только дежурное уточнение.

— О, я более чем уверен, — растянулся Кион в улыбке и мастер кивнул, указав за шпорку.

— Пройдемте, я сниму мерки.

Пока портной обвязывал Киона своей лентой с головы до ног, постоянно делая пометки в толстой тетради, бард невольно позавидовал его детской внешности и пожелал про себя, чтобы в сорок лет он тоже выглядел, как этот портной — без единой морщинки и с идеально гладким лицом.

Когда с мерками было покончено, Кион попросил, чтобы костюм был готов не позднее субботы и даже оставил половину от его стоимости в качестве ускорения своего заказа. Портной кивнул и пообещал, что в субботу новая одежда Киона будет уже дожидаться его, после чего бард вышел на улицу и медленным шагом направился обратно к дому Эльвиры. Останется только в субботу забрать заказ у портного и попросить Эльвиру перед свиданием навести ему марафет и уже в воскресенье Кион предстанет перед принцессой во всем своем великолепии.

Бард нахмурился. Нет, в этом новом костюме он не сможет предстать во всем своем великолепии. Скорее даже наоборот — ему придется пожертвовать своей красотой в угоду плану и снижения бдительности у рыцаря принцессы. Зато потом Кион будет при деньгах,

так что уж один-два вечера в новом костюме он как-нибудь переживет.

ГЛАВА 2

Два дня Кион готовился к встрече с принцессой. Он до мелочей продумал свой план по незаметному изъятию хотя бы одного колечка с пальчика девушки так, чтобы его не заподозрили в краже ни сама Ангелина, ни ее рыцарь, Алексей. Помимо этого Кион забрал свой заказ у портного, пошитый на него просто идеально.

Вернувшись в свою временную комнату в доме Эльвиры, Кион еще раз примерил новую одежду, уже более придирчиво осмотрев себя в зеркале. Когда он примерял заказ у портного, Кион больше обращал внимание на то, хорошо ли сидели на нем новые одежды, нежели чем на внешний вид в целом, хотя портной и над этим отлично постарался. Из зеркала на Киона смотрел рыжий мужчина, облаченный в грубую бежевую рубашку, поверх которой был натянут темно-коричневый жилет с рисунком в виде больших желтых кругов, выгодно подчеркивающий фигуру барда. Штаны тоже были выполнены из грубой светлой ткани, но сидели на Кионе идеально. На плечи был накинут настолько длинный плащ, что его подол волочился по земле. Плащ тоже был выполнен из грубой ткани, как и остальная одежда. Если не считать материалов, из которых был сшит этот костюм и цветовой гаммы, то можно было решить, что перед Кионом в зеркале отражался какой-то аристократ.

Рыжий бард умышленно запросил у портного костюм из подобной ткани. Ангелина наверняка подумает, что слуге знатного господина хватило денег только на то, чтобы купить одежду именно из такого грубого материала. А еще эта ткань послужит и для отвода глаз рыцарю. Если у него остались хоть какие-то сомнения в намерениях или правдивости слов Киона, то этот невзрачный по аристократическим меркам костюм должен будет полностью их развеять.

Но что самое нелепое было в новом образе рыжего барда, так это огромная шляпа с большим, ярким и пышным пером. Кион специально добавил ее в свой заказ, чтобы показаться рыцарю еще большим наивным дурачком, который из кожи вон лезет, чтобы выглядеть идеально, но в итоге только выставляет себя посмешищем. Рыжий бард был уверен, что этой ужасной шляпой он точно усыпит бдительность телохранителя принцессы, тем более, что портной идеально выполнил его заказ и создал именно такой костюм, о котором просил Кион.

Кион еще немного повертелся у зеркала, рассматривая себя с головы до пят. То, как сидел на нем костюм, барду нравилось, но эта грубая ткань, да еще и внешний вид в целом вызывали у него отвращение. Рыжий поспешил успокоить себя, что это всего лишь на пару дней, а потом этот костюм он спрячет глубоко в свою сумку и забудет про него, пока не придется воспользоваться им вновь. Кион очень сильно надеялся, что воспользоваться им ему больше не придется.

Раздался легкий стук в дверь, а затем в комнату заглянула Эльвира. Хозяйка борделя сегодня днем тоже была одета довольно скромно, но Кион знал, что к вечеру она переоденется в более открытый и пошлый наряд, чтобы завлекать клиентов в свое заведение. Но по скромному мнению самого Киона, Эльвира своей внешностью могла бы в любом случае завлечь мужчин в свое заведение, даже если бы облачилась в монашеские одеяния, скрывающие не только фигуру, но и волосы.

— Что это ты нацепил? — скривилась Эльвира, едва завидев Киона в новом образе, — Если это твой костюм для встречи с той аристократкой, то я настоятельно рекомендую тебе

подумать еще раз.

— Поверь, Вира, этот костюм просто идеален, — Кион и сам не верил, что говорил такое, но его одежда действительно была идеальна для его роли слуги, которому хватило денег лишь на это безобразие.

Эльвира тяжело вздохнула и покачала головой, но не стала дальше спорить с ним. Если Киону в голову прилетела какая-то идея, то этот рыжий бард следовал только за ней, напрочь игнорируя здравый смысл.

— Так значит, завтра ты пойдешь к своей новой леди, — уточнила Эльвира и, не удержавшись, все же добавила, — *В этом.*

— О, поверь, моя новая леди будет сражена, — усмехнулся Кион и добавил тоном Эльвиры, — *Этим.*

Хозяйка борделя снова вздохнула. Она могла бы попробовать отговорить Киона надевать это недоразумение для свидания со знатной дамой и даже готова была предоставить отличный костюм, завалившийся у нее в закромах, но разве этот рыжий бард ее послушает?

— Не жалуйся мне потом, если что-то пойдет не так, — махнула рукой Эльвира.

— Когда это я тебе жаловался? — удивился Кион и повернулся к своей собеседнице.

— Каждый раз, как твои свидания заканчивались чем-то экстремальным. Например, побегом от мужей, сверкая голым задом.

— Я же уже говорил, я с голым задом никогда не бегал, — надулся Кион и сел на кровать, возмущенно покачав ногой. В его голове тут же предательски пронеслась единственная в его жизни сцена, где он и правда улепетывал от разъяренного аристократа в чем мать родила, а потом пришел к Эльвире, прикрываясь одним лишь тазиком, прихваченным где-то по пути. Похоже, хозяйка публичного дома теперь до конца жизни будет напоминать ему об одном случае, когда Кион бегал абсолютно голым. В другие свои неудачные вылазки он успевал надеть хотя бы штаны.

— Так что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила Эльвира, имея в виду слова Киона о том, чтобы она помогла ему в воскресенье перед свиданием «навести марафет».

— Сделай меня красивым, — расплылся в улыбке рыжий бард и даже кокетливо похлопал ресницами, от чего хозяйка борделя не удержалась и звонко рассмеялась, наполняя всю комнату своим смехом.

— Да у тебя и так уже лицо смазливое, — заметила она, — Немного припудрить здесь, немного добавить блеска там и будешь блистать.

— Отлично! Главное, чтобы мой макияж не выбивался из общего образа.

Знатные мужчины вот уже несколько месяцев активно пользовались пудрой и блеском для губ. Вроде как это новая мода такая пошла в столице. По мнению Киона, это новое увлечение аристократов было по меньшей мере странным. Они бы еще начали парики носить! Рыжий бард почесал кончик носа, вспомнив нескольких встреченных им на улице знатных господ. Некоторые и правда носили парики. И, словно этого было недостаточно, даже лепили себе на щеки огромные черные родинки. И что самое странное было для барда, так это то, что знатные дамы находили это привлекательным. Кион был уверен, что привлекательным они это считали только из-за того, что сейчас это было на пике моды. Как только она пройдет, все вокруг начнут говорить, как же это некрасиво — носить парики, пудрить лицо и лепить огромные родинки у носа. Такое уже случалось и не раз — однажды в моде у женщин были костюмы без платьев и юбок, а с рубашками и брюками, как у мужчин.

Элегантные и расшитые всевозможными вышивками, но все же мужские костюмы. Киону жутко тогда не нравилось это новое веяние в моде, ведь со всех женщин города пропало такое прекрасное декольте! И пока эти костюмы были популярны, абсолютно все восхищались простотой и удобством, но как только это вдруг стало не модным и женщины снова вернулись к своим пышным платьям с огромными вырезами, то все они как один начали друг другу жаловаться, как же это было неприятно — носить мужскую одежду и делать вид, что их все устраивало и даже восхищались этим.

Кион был уверен, что если он напудрит лицо, как это было сейчас модно, то принцесса тоже найдет это привлекательным. Она, как минимум, решит, что Кион интересуется столичной модой или просто узнал, что сейчас носят знатные мужчины и захотел выглядеть так же, как они, в ее глазах. А если макияж будет наложен не слишком умело, то это только добавит несколько очков в пользу Киона в плане того, что он будет выглядеть еще большим дурачком в глазах рыцаря и, как следствие, тот окончательно потеряет бдительность. Что же касалось Ангелины, Кион после прощупывающего разговора с ней окончательно понял, что принцессе важны слова, а не внешность. А с языком у рыжего барда было все в порядке, так что дочь короля в любом случае попадет ему на крючок и не важно, как он при этом будет одет. По сути, этот наряд был создан им только для пускания пыли в глаза ее рыцарю.

Кион был абсолютно доволен собой, несмотря на то, что ему пришлось практически полностью скрыть свою природную красоту за этим ужасным образом. Но он знал, что оно того стоило. Полить мед в уши принцессы, прикинуться деревенским простофилей перед рыцарем, сделать несколько ловких незаметных движений пальцами и вуаля — рыжий бард с полными карманами цапек и монет спокойно проживет несколько месяцев или полгода, как просила Эльвира. А Даниэль, слуга больного графа или кем там обозвал принцессе Кион своего воображаемого господина, вскоре после этих встреч внезапно покинет столицу и никто не станет его искать. Да, план был абсолютно идеален. Кион продумал все до мелочей и был уверен, что все его задумки и идеи точно сработают. Рыжий бард даже робко надеялся, что все сработает именно так, как он запланировал, но все же знал, что по ходу действия придется ему что-то поменять в плане. Но это будут лишь мелкие детали, в целом план Киона был идеален, он в этом даже не сомневался.

На следующее утро после бессонной ночи, которую Киону пришлось провести, слушая за стенкой вздохи клиентов и девочек Эльвиры, хозяйка борделя навестила рыжего барда в его комнате. Кион уже полностью переоделся и даже зачесал волосы, набросив сверху шляпу с огромным дурацким пером. Эльвира помогла ему с макияжем и сейчас Кион придирчиво осматривал себя в зеркале, стараясь не упустить ни одну важную деталь. Для своего плана он должен выглядеть идеально, а значит, нельзя допустить ни одной промашки в новом образе.

— Что скажешь? — через минуту спросил Кион у Эльвиры, не отрывая взгляда от зеркала.

— Выглядишь, как придурок, — честно ответила женщина.

— Прекрасно!

Кион довольно осмотрел себя с ног до головы, после чего радостно развернулся к хозяйке борделя, при этом огромное перо на его шляпе покачнулось в такт его движениям.

— Кстати, у тебя очень тонкие стены, — заметил он.

— И? — спросила Эльвира.

— И я слышал все. Абсолютно все. Целую ночь.

— Для того и стены тонкие, — усмехнулась Эльвира, — Клиенты слышат, что делается

в соседней комнате, им тут же хочется заняться тем же самым, а это добавляет монет мне в копилку за услуги моих девочек.

— Да, но, — Кион угрюмо посмотрел на хозяйку борделя, — Я не спал всю ночь.

— Ничего. Ты же на свидание к знатной леди идешь. Поспишь там.

— Какая же ты жестокая, Вира, — несмотря на грубые слова, Кион произнес эту фразу абсолютно не серьезно и Эльвира это знала. Женщина рассмеялась и спросила, чего же бард ожидал от публичного дома? Чтобы все вели себя, как в монастыре?

Они еще немного поболтали, пока Киону не пришла пора выходить. Он решил, что будет лучше, если он придет в парк гораздо раньше, а по дороге еще и цветы для принцессы купит. И когда она появится в сопровождении своего рыцаря, то этот нелепый вид Киона с цветами в руках и с дурацкой шляпой на голове должен будет им обоим хорошо врезаться в память.

— Кион, только постарайся не влипнуть на этот раз, — произнесла Эльвира, когда рыжий бард уже занес одну ногу за порог комнаты.

— Твоя просьба услышана и проигнорирована, — подмигнул ей Кион.

Эльвира тяжело вздохнула и скрестила руки на пышной груди, а Кион направился вверх по лестнице, а затем и вовсе покинул ее дом. Пока рыжий бард шел по улице, он не мог перестать улыбаться от предвкушения того, что скоро разживется богатыми побрякушками прямо с принцессы. Прохожие кидали на Киона удивленные взгляды, явно не понимая, как нужно реагировать на его странный наряд, но Киона это совсем не заботило, ведь скоро он станет гораздо богаче, чем был еще утром.

Рыжий бард на пути к парку заскочил в лавку цветочника и приобрел у него дешевенький и немного скудный фиолетовый букет, который, впрочем, источал настолько сильный и приятный аромат, что Кион даже удивился. Оставалось только надеяться, что у принцессы нет аллергии на пыльцу, иначе ее рыцарь быстро разделается с бардом, а тот даже меч с собой не взял, чтобы полностью поддержать свой идиотский образ.

Кион одной рукой поправил пояс на брюках, в другой посылнее сжал букет и направился в сторону парка. Рыжий бард отлично знал дорогу, но все равно старался идти не слишком быстро, а пару раз даже спросил случайного прохожего, как добраться к парку. Делал он это для того, чтобы на случай слежки за ним рыцарем принцессы тому было точно понятно, что Кион не из этих мест и тогда в ювелирном магазине он не соврал про свой приезд в столицу.

Рыжий бард своей пружинистой походкой шел вперед, предвкушая будущую встречу с побрякушками принцессы. День сегодня тоже выдался солнечным и ясным, а легкий теплый ветерок игрался с пером на шляпе Киона и иногда раздувал его плащ. Рыжий бард продолжал ловить на себе недоуменные взгляды прохожих, особенно от аристократов. Кион усмехнулся про себя. Он поначалу боялся, что не выжал из своего образа все, что нужно, но кажется, он даже немного перестарался.

Примерно за час до установленного времени их свидания с принцессой Кион уже находился в парке, лениво прогуливаясь вдоль дорожек. Высокие зеленые кусты, которые иногда доходили барду до груди, были аккуратно подстрижены, деревья в парке стояли ровными рядами. В основном они все были небольшие и не загораживали солнечных лучей, но в одной части парка, на другой стороне от той, где сейчас прогуливался Кион, деревья были более пышными и большими, а некоторые из них низко нависали над узорчатыми лавочками, создавая природный уют. Что самое замечательное было в той части парка, так

это то, что лавочки открывали обзор на небольшое овальное озеро с белыми лебедями и потому место это в парке было особенно популярным среди влюбленных парочек. Кион и сам не раз приводил туда знатных дам, читал им стихи собственного сочинения и покорял их сердца, а в ответ получал какую-нибудь брошку или колечко и, что самое важное, приглашение посетить спальню этой самой знатной леди, где впоследствии Кион незаметно набивал карманы еще кое-какими драгоценностями, но старался делать это так, чтобы их пропажа не сразу бросалась хозяйке в глаза после ухода барда. Кион не знал, что происходило потом, когда все его знатные жертвы все же не досчитались своих побрякушек после визита своего мимолетного любовника. Вполне возможно, что в такие моменты страдали служанки, на которых и повесили всю вину.

Кион почесал нос и посмотрел на ясное небо. Ему до сих пор было не вполне понятно, почему его великолепное лицо все еще не объявлено в розыск. Неужели эти знатные дамочки совершенно не сердятся на то, что он стащил у них украшения? Или они действительно повесили всю вину на своих слуг? В любом случае, сам Кион от этого только выигрывал, а благодаря тому, что столица была просто до неприличия огромной, он мог проворачивать здесь свои дела, а затем просто смешиваться с толпой и окончательно растворяться без следа.

Рыжий бард хотел снова почесать нос, но внезапно вспомнил, что Эльвира все утро пудрила ему лицо. Кион теперь не был уверен, не размазал ли он свой макияж, когда в прошлый раз удумал почесать кончик носа, а поблизости не было зеркал или каких-нибудь отражающих поверхностей, чтобы это проверить и это буквально бесило рыжего барда. Чтобы отвлечься, Кион принялся вышагивать в разные стороны, но его мысли то и дело возвращались к потревоженному дурацкому макияжу.

В какой-то момент он уже хотел было достать платок и вытереть с лица это недоразумение в моде среди знати, как вдруг позади услышал звуки шагов. Одни были тяжелыми и человек явно уверенно ступал по земле, а вторые легкими каблучками бежали по дорожке парка. Кион обернулся и увидел Ангелину в сопровождении своего рыцаря, который, едва завидев рыжего щеголя, явно пытался сдержать смех. Кион тут же позабыл про пудру на лице. Кажется, его план с придурочным обликом удался как нельзя лучше. Кион надеялся своим костюмом всего лишь ослабить бдительность рыцаря принцессы, но вместо этого он практически вызвал у него смех. Рыжий бард сам едва не рассмеялся, но в этот момент перевел взгляд на принцессу. Девушка шла элегантно, длинное платье тонкой темно-синей тканью красиво двигалось в такт ее шагов, выгодно подчеркивая фигуру. Длинные золотистые волосы Ангелина практически не собирала в прическу, только в нескольких прядях у лица были вплетены переливающиеся на солнце бусинки, добавляя девушке и без того излишнюю красоту. Платье Ангелины не имело глубокого декольте, но вместо этого слегка обнажало плечи и ключицы, позволяя ожерелью на шее девушке выгодно смотреться и не теряться в ее облике. Ожерелье было выполнено в виде трех золотых цепочек, каждая из которых имела разную длину. На первых двух были вделаны такие же бусины, как и в волосах девушки, но вот на последней, самой нижней цепочке висел огромный сапфир в форме звезды, рядом с которым рассыпалось еще несколько бусинок, имитирующих звездное небо.

Кион, напрочь позабыв о своей роли простого дурачка, во все глаза уставился на принцессу, пока она, в сопровождении своего рыцаря подходила ближе к барду. Кион заметил на руках девушки тонкий увитый браслет и несколько красивых колец, но затем

взгляд его вернулся к прекрасному, что так сильно сразило барда. Кион не мог оторвать глаз от принцессы, он почувствовал, как сердце его скакнуло куда-то вверх, а затем и вовсе понеслось галопом в мир мечтаний. Солнце словно бы специально светило на принцессу так, чтобы все ее украшения и бусинки в волосах сверкали еще ярче, особенно звезда в ее ожерелье, от которой на кожу девушки падала насыщенная синяя тень, в цвет драгоценного камня.

Кион так и стоял, распахнув рот, когда Ангелина со своим рыцарем, наконец, подошли к нему. Телохраниитель принцессы лишь слегка нахмурился, глядя на барда, но Кион заметил, что сегодня рыцарь был полностью расслаблен и даже не держал руку вблизи оружия. Что же, по крайней мере, барду удалось полностью одурачить этого рыцаря, осталось теперь охмурить принцессу. Кион снова посмотрел на нее и эта красота вновь бросилась ему в глаза. Эта форма такая изящная, словно бы ее коснулась рука мастера. Эти яркие темно-синие цвета, выгодно переливающиеся в солнечных лучах. Золотистые ниточки-цепочки только добавляли элегантности этой красоте. Кион на секунду перестал дышать и понял, что влюбился. Влюбился так сильно, как никогда до этого. Рыжий бард был уверен, что это его судьба — встретить принцессу, которая носила такое великолепное ожерелье. И это ожерелье никак не покидало ум барда, заставляя его забыть обо всем на свете. Его форма в виде звезды, его богатый и насыщенный темно-синий цвет и его элегантные золотые цепочки с бусинками. Кион просто обязан обладать этим украшением, никто другой его не достоин! Даже принцесса!

— Сир Даниэль, надеюсь, я не заставила вас слишком долго ждать, — улыбнулась принцесса, как только поравнялась с рыжим бардом.

Кион на секунду оторопел. Какой еще Даниэль? Но затем он вспомнил все, что наговорил принцессе в той ювелирной лавке и, мельком глянув на ее рыцаря, вернул себе идиотское и простодушное выражение на лице.

— Миледи, я готов ждать Вас хоть целую вечность, — Кион слегка поклонился и протянул букет девушке, который на фоне ее ожерелья выглядел просто убого. Да что там, все на фоне этого ожерелья выглядело убого, даже принцесса.

Ангелина радостно приняла букет и поблагодарила своего Даниэля за него. Кион в ответ только слегка улыбнулся. Его взгляд то и дело возвращался к звезде и бард все никак не мог полностью сосредоточиться на разговоре с принцессой. Он напрочь позабыл о том, что планировал незаметно стащить с пальчика принцессы кольцо, а потом поискать его в траве и сделать вид, что оно потерялось. Да и если бы Кион об этом вспомнил, он бы уже не стал предпринимать попыток по краже колец принцессы. Зачем ему ее кольца или браслет? Киону нужна была только звезда, в одно мгновение сразившая его сердце.

Ангелина предложила провести Киона по парку и тот согласился, теперь уже не забывая сохранять на лице простодушное выражение. Принцесса что-то рассказывала, Кион вежливо кивал и иногда даже вставлял какие-то свои фразочки в ее повествование, но мысли барда то и дело возвращались к ожерелью. Как бы его незаметно снять с принцессы? И если у Киона это получится, в чем лично он сомневался, то как потом сделать так, чтобы пустая шея девушки не бросалась в глаза? Кион покачал головой. Нет, просто так забрать звезду у принцессы будет слишком рискованно и заметно, нужно было придумать нечто другое.

Пока девушка рассказывала о том, как нелегко порой жить в замке, особенно если ты единственная дочь короля, да еще и самая младшая среди его детей, Кион усиленно раздумывал над тем, как ему освободить ожерелье из-под власти принцессы и сделать это

так, чтобы на него не пали подозрения. В какой-то момент он даже перестал слушать принцессу, а когда златокудрая девушка поинтересовалась, хорошо ли себя чувствует Даниэль, Кион соврал, что просто вспомнил одно красивое стихотворение и зачитал его вслух. Разумеется, это был стих его собственного сочинения, но Кион не стал говорить об этом, сославшись на то, что просто слышал его от какого-то уличного барда.

— Какое потрясающее произведение! — воскликнула Ангелина и пару раз хлопнула в ладоши, — Этому барду стоило бы прийти к моему отцу на аудиенцию и попросить стать придворным певцом.

— Я ему это непременно передам, если его увижу, миледи, — Кион поклонился, придерживая шляпу одной рукой.

Они продолжили гулять по парку и наслаждаться красивыми видами. Ангелина любовалась красотой парка, а Кион — ожерельем, все еще лихорадочно раздумывая, как бы его заполучить в свои руки. Рыцарь все время держался позади принцессы в непосредственной близости и пару раз рыжий бард даже физически ощущал на своей спине его взгляд.

Этот день слишком быстро начал клониться к вечеру, а Кион так и не придумал, что делать с ожерельем. О других украшениях принцессы он уже даже не помнил, ему нужна была только сапфировая звезда. И лишь когда рыцарь принцессы бесцеремонно напомнил ей, что пора бы уже возвращаться в замок, Киона сразила гениальная идея. Чтобы незаметно заполучить звезду, ему нужно, чтобы принцесса изначально не носила ожерелье на шее. А значит, нужно сделать так, чтобы девушка пригласила Даниэля в свои покои в замке, где наверняка она хранила все свои цацки и драгоценности. Кион усыпит ее бдительность, проведет некоторое время с принцессой, а затем незаметно скроется из замка со звездой в руках. И еще несколькими украшениями, которые не жалко будет продать или подарить Эльвире и ее девочкам. Но сапфировая звезда неприкосновенна, ее Кион ни за что никому не продаст и не подарит. Она его и только его.

* * *

На улице вокруг таверны опустилась ночь и в общем зале стало темнее, однако Марина, помощница трактирщика, разожгла побольше свечей и их свет сейчас создавал уют в зале. Не все посетители следили за рассказом барда, который так и продолжал сидеть на высокой табуретке посреди комнаты. Дядя Миша позади него протирал свою стойку, а те из посетителей, что слушали историю Киона, вернулись к своим кружкам с элем.

— Так это че, ты влюбился в какую-то вычурную цацку, а не в девку? — спросил один из пьянчуг с грязными темными волосами и небритыми щеками.

— Именно так, — без всякого стеснения кивнул Кион.

— Хе, а я думал, это будет очередная слащавая история про недостижимую любовь, — усмехнулся другой посетитель, крепкого телосложения лысый мужчина.

— Ну, любовь и вправду была недостижимой, — улыбнулся Кион, — Мне ведь нужно было как-то забрать ожерелье.

— Так что, получил в итоге-то приглашение принцессы? — не выдержал трактирщик.

Кион обернулся к нему, хитро глянул одним голубым глазом и расплылся в ехидной улыбке.

— Разумеется, — ответил он, — И вообще, дядь Миш, я думал, вам мои истории не интересны.

Трактирщик в ответ только хмыкнул, а Кион, повернувшись обратно к толпе в зале,

продолжил рассказывать свою первую историю, отмечая про себя, что теперь его слушает чуть больше народу, чем в начале этого рассказа.

* * *

Кион хитростью и с помощью своего простодушно-невинного выражения на лице сумел добиться того, чтобы принцесса сама пригласила Даниэля в замок. Если бы Кион сам набивался к ней, это навело бы подозрения рыцаря принцессы, а барду совсем этого не хотелось. Он исправно продолжал играть свою роль наивного слуги знатного господина и Киону будет совсем не с руки, если его образ внезапно развалится.

Подтолкнуть Ангелину к приглашению барда в замок оказалось проще, чем изначально думал Кион. Даже рыцарь не догадался, что принцессе эту идею осторожно подал именно ее Даниэль.

— В конце этой недели будет небольшой банкет, — рассказывала девушка с легким румянцем на щеках. Кион бы даже залюбовался ею, но все его внимание перетягивала на себя сапфировая звезда, — Вы могли бы со своим господином присутствовать на нем.

— Боюсь, мой господин не сможет прийти, — угрюмо ответил Кион и принялся в очередной раз нагло и убедительно врать с честными глазами, — Он в последние дни вообще не выходит из комнаты и только гоняет меня по своим поручениям. Вы ведь помните, принцесса, что у него редкая болезнь?

— Да, конечно, — серьезно кивнула Ангелина, — Очень жаль, что вы не придете.

Девушка замолчала на несколько минут и Кион не стал тревожить ее размышлений. Он и так уже подтолкнул ее к приглашению знатного болезного господина и его слуги в замок, так что теперь нужно было только дать принцессе возможность самой пригласить одного только Киона. По тому, как мялась принцесса, закусывая губу, рыжий бард понял, что она именно это и собирается сделать. Что же, Кион не прочь ее немного подтолкнуть.

— Принцесса, Ваш рыцарь прав — уже темнеет и лучше бы Вам вернуться в замок, — Кион отвесил настолько элегантный поклон, насколько мог, — Был очень рад нашей встрече и премного благодарен миледи за то, что она потратила свое драгоценное время только для того, чтобы показать мне этот прекрасный парк. Воистину, я самый везучий человек во всей столице.

Кион, отвесив еще один небольшой поклон принцессе, кивнул ее рыцарю в знак того, что эта встреча закончена и тот может увести Ангелину в замок, но девушка, как и предполагал Кион, не дала ему просто так уйти.

— А что насчет вас, Даниэль? — спросила она, — Может, вы могли бы посетить банкет и без своего господина?

— Простого слугу никто не пустит в замок, — холодно напомнил ей рыцарь.

— А он будет в замке по делам своего господина, — с вызовом обернулась к нему Ангелина и приподняла свой симпатичный подбородок, — Поскольку его господин не может самостоятельно передвигаться из-за болезни, Даниэль будет его глазами. Я проведу ему экскурсию по замку и саду, а он потом все в подробностях расскажет своему аристократу.

Кион пришел в восторг от плана принцессы. Надо же, эта девчуля не перестает его удивлять и даже сама сумела додуматься до такого элегантного плана! Кион готов был ей аплодировать стоя, но ему нельзя было сбрасывать с себя маску слуги, поэтому он просто скромно стоял в стороне с глупым выражением на лице. Рыцарь не сразу нашелся, что ответить принцессе и в итоге просто тяжело вздохнул.

— Тогда пусть не забудет взять подтверждение у своего господина, — напомнил рыцарь принцессе и та ликующе обернулась к Даниэлю и радостно схватила его за руки.

— Разве это не здорово, Даниэль? Мы с вами снова встретимся на банкете, — очаровательно улыбнулась Ангелина, но Киона занимал сейчас другой вопрос.

— Я не совсем понял, что мне нужно взять у моего господина, — намеренно запнулся он в речи и принцесса принялась ему все объяснять, продолжая довольно улыбаться.

— Подтверждение о том, что вы слуга такого-то знатного человека и что он отправил вас вместо себя на банкет в связи с тем, что не смог присутствовать лично из-за болезни.

Кион кивнул. Вроде ничего сложного. Попросить Эльвиру написать ему эту бумагу, а потом показать ее стражникам замка у входа и вуаля — сапфировая звезда скоро будет в его руках. Оставалось только надеяться, что принцесса не наденет это украшение на банкет. Впрочем, Кион придумает, как его снять с принцессы. И не только ожерелье.

— На бумагах еще должна стоять подпись господина и его печать, — ехидно добавил рыцарь и весело посмотрел на рыжего барда, словно бы ожидал, что тот запаникует и попробует отвертеться хотя бы от печати на бумаге. Но Кион не дал себя провести.

Оставаясь внешне совершенно спокойным, хотя внутри он и правда запаниковал, не зная, где бы достать знатную печать или нечто подобное, Кион слегка склонил голову, словно бы благодарил рыцаря за это важное уточнение.

— О, всего-то, — отозвался рыжий бард, — Уверен, мой господин выдаст мне подобное подтверждение.

Рыцарь бросил на Киона долгий взгляд, который, казалось, тянулся целую вечность, а потом удовлетворенно кивнул и рыжий бард понял, что это была его очередная проверка. Да, в присутствии этого человека Киону нужно ни на секунду не терять бдительности.

— Замечательно! — воскликнула принцесса, бурно хлопая в ладоши, — Тогда встретимся с вами на банкете, Даниэль.

Девушка назвала точный день и время проведения этого банкета, после чего они с Кионом распрощались и рыцарь увел свою принцессу прочь из парка, оставив рыжего барда совершенно одного. Кион направился в сторону площади, а затем, побродив немного перед лавками с едой и купив какой-то особенно огромный бутерброд у одного из торгашей, вернулся в дом Эльвиры, поглощая еду на ходу. И только он зашел в комнату, которую хозяйка борделя временно выделила ему, как его тут же снова захватила паника. Где ему взять печать знатного господина? Как она вообще должна выглядеть? Все, что Кион знал, так это только то, что у каждого аристократа она была своя, а значит, витиеватый рисунок тоже у каждого свой и, в свою очередь, стражники и рыцари короля обучались этой премудрости и знали наизусть, кому из знати принадлежит тот или иной узор печати. У Киона не было шанса его подделать.

Бард обессиленно рухнул на койку, не снимая даже плаща или шляпы. Наверху, на первом этаже борделя послышалась музыка, а значит, сюда уже начали стекаться гости. Скоро в зале станет совсем шумно, а потом этот шум превратится в более эротический, когда девочки Эльвиры начнут водить клиентов в свои комнаты. Еще одна бессонная ночь для Киона.

Бард приподнялся с кровати и все же стащил с себя плащ, сапоги и шляпу, бросив их у комода, а сам сел обратно на койку и с досадой закусил губу. На кой черт он вообще представился слугой господина? Где ему теперь брать эту печать, да еще такую, какой нет ни у кого из аристократов? Если Кион на некоторое время позаимствует чью-то печать,

чтобы поставить ее на свое подтверждение от господина, а потом вернет ее без всякого шума, стражники в замке все равно поймут, что печать на его бумагах стоит не та и Киону от этого будет только хуже. Как бы его за такое не отправили бы «на виселицу».

Кион почесал в затылке. Может, стоит найти себе другую знатную леди, а о принцессе забыть? Передать ей в замок письмо с каким-нибудь уличным мальчишкой, мол, Даниэлю пришлось срочно уехать, потому что его господин заспешил домой. В воспоминаниях рыжего барда всплыло прекрасное ожерелье со звездой и мысли о неприбытии в замок улетучились сами собой. Нет, Кион не может просто так оставить такое прекрасное украшение пылиться у принцессы, он обязан выгнать его из плена.

Рыжий бард спиной рухнул на кровать и закрыл глаза, внезапно ощутив усталость после поддержания нелепого образа весь день. Сейчас ему нужно отдохнуть и поспать, а волноваться о печати и ожерелье он будет уже завтра. Кион даже сам не заметил, как быстро провалился в глубокий сон.

* * *

Утром Киона разбудила Эльвира, которая оповестила сонного барда, что на улице вообще-то полдень и он продрях до обеда, пропустив завтрак. Кион сел в постели, зевнул и разгладил торчащие в разные стороны волосы. События вчерашнего дня мгновенно заполонили его мозг и рыжий бард застыл на месте, так и не опустив руки.

— Что на этот раз? — насторожилась Эльвира, — Что такого ты снова натворил?

— Пока ничего, — ответил Кион. Хозяйка борделя смерила его скептическим взглядом и он принялся оправдываться, — Правда, Вира, ничего. Но мне нужна знатная печать. И желательно такая, которую не опознают в королевском замке.

За одну секунду на лице Эльвиры пронеслась сложная гамма эмоций, Кион даже не успел определить их все. Затем темноволосая женщина просто развернулась и вышла из его комнаты.

— Удачи тебе там, — фыркнула Эльвира на пороге и Кион моментально сполз с кровати и успел схватить ее за ногу, прежде, чем женщина полностью скрылась за дверью.

— Пожалуйста, Вира, ты должна мне помочь! — лежа животом на полу и не отпуская ногу Эльвиры, взмолился Кион.

— Нет, спасибо. Я не хочу иметь проблем с королевскими стражниками.

— Все, что тебе нужно будет сделать, это придумать вычурную роспись и поставить ее на бумаге. С печатью я сам разберусь!

— Отпусти мою ногу!

Они еще некоторое время боролись между собой, не желая уступать друг другу, но вскоре все стихло. Эльвира с тяжелым вздохом вернулась в комнату Киона, прикрыла за собой дверь и присела на кресло, пока бард, плюхнувшись на кровать, рассказывал ей, зачем ему печать. Он объяснил Эльвире, что эта дама пригласила его на банкет в королевском замке, но снова умышленно умолчал, что она, вообще-то, принцесса, иначе Эльвира заставит его отказаться от идеи обокрасть дочку короля и более того, сама не станет помогать Киону ни в росписи, ни с печатью.

Эльвира крепко задумалась, сидя в кресле и закинув ногу на ногу. Кион не решался прервать молчание, он только надеялся, что Эльвира сумеет ему хотя бы подсказать, где найти подобную печать, чтобы в замке ее не опознали.

— Значит, эта леди назначила тебе встречу на банкете, — неожиданно произнесла хозяйка борделя и Кион кивнул, — Странно, почему она не пригласила тебя в свой особняк вместо этого?

«По сути, она меня и пригласила», — подумал Кион, но не стал говорить этого вслух.

— Может, потому что я сказал, что мой господин скоро покидает столицу? — предположил Кион и Эльвира кивнула.

— Возможно. Что еще ты ей говорил про своего господина?

Кион задумался. Он вспомнил первую встречу с принцессой и то, как ему пришлось мастерски выкручиваться и придумывать истории о своем знатном господине буквально налету.

— Я говорил о том, что он болен и практически не выходит из комнаты, а все поручения выполняю для него я.

— Что еще?

— Что он якобы граф одной из далеких провинций и в столице бывает не часто, — вспомнил Кион.

Эльвира замолчала и задумалась, приложив руку к подбородку. Кион терпеливо ожидал, когда же она заговорит и поделится с ним своими мыслями, но женщина молчала еще несколько долгих минут, после чего подняла голову и посмотрела на рыжего барда.

— Я думаю, в архивах библиотеки ты сможешь найти гербы всех провинций и уже на их основе придумать себе узор на печать, — неожиданно подсказала она.

Кион едва не хлопнул себя по лбу. Библиотека, ну конечно! Там было собрано множество трудов и знаний, так что Кион был уверен, что сможет что-нибудь найти. Только вот находилась библиотека на другом краю города и барду все же придется потратиться на карету, пешком он дойти быстро точно не сможет.

— Аккуратно перерисуй с архивов наиболее редкий и забытый герб одной из провинций, а потом принеси этот рисунок мне, — Эльвира поднялась и подошла к двери, — Потом мы с тобой придумаем на его основе печать и попросим одного моего знакомого кузнеца изготовить ее нам.

— Вира, спасибо тебе большое! — радостно воскликнул Кион. Он сейчас был похож на огромного пса и будь у него хвост, наверняка вилял бы им из стороны в сторону.

— За мою помощь жду от тебя послушания, — нахмурила Эльвира свои черные брови, — Помни, после этого дела ты обещал, что полгода не будешь заниматься подобной ерундой.

— Даю тебе слово, моя госпожа, — Кион отвесил женщине легкий поклон и она в ответ только хмыкнула и покинула его комнату. Рыжий бард принялся переодеваться в свою более привычную одежду, намереваясь направиться в библиотеку. Чем скорее он это сделает, тем скорее Эльвира придумает ему печать и кузнец ее изготовит.

Кион стащил с себя рубашку, в которой был вчера и уже хотел было надеть другую, но дверь в его комнату слегка приоткрылась и за ней выглянуло привлекательное личико одной из девочек Эльвиры.

— Кион, мы с тобой так давно не были вместе, — напомнила девчушка. За ней показалась вторая и тоже посмотрела на барда своими глазами, в которых плескалось одно лишь желание.

Кион даже не стал бороться с соблазном. Библиотека никуда не денется, а до банкета еще масса времени, он успеет все сделать.

— Что ж, кто я такой, чтобы вам отказывать, — расплылся бард в улыбке и обе девушки, весело смеясь, бросились к нему и легко повалили свою жертву на кровать.

* * *

Путь до библиотеки занял у Киона гораздо больше времени, чем он рассчитывал. А еще ему пришлось трястись в карете и проклинать прошлого себя, который выдумал ему знатного господина. Если бы не болтливый язык Киона, сейчас ему не пришлось бы трясти свои кости в карете и ждать, когда же он, наконец, прибудет в библиотеку. Об обратном пути Кион и вовсе предпочитал не думать.

За окном проносился город, сменяя одну улицу на другую и рыжий бард с явной скукой следил за тем, как одни дома исчезают из виду, уступая место другим. Чтобы нанять карету, Киону вновь пришлось обокрасть случайного прохожего, на этот раз какую-то аристократку средних лет. Кион вздохнул про себя и перекинул ногу, поудобнее устраиваясь на не очень мягком сиденье. Дорого же ему обходится принцесса! С такими успехами бард мог просто выйти на улицы и срезать кошельки, но это был не его стиль. К тому же, в кошельках обычно не хранились прекрасные драгоценности. Кион мечтательно уставился в окно. Ну ничего, сапфировая звезда, скоро рыжий бард заберет тебя из недостойных рук принцессы.

Прошло еще довольно много времени, пока кучер не остановил карету и не объявил, что они прибыли. Кион встрепенулся и поспешил покинуть неудобную карету, но едва поднялся с места, как тут же понял, что за время поездки его зад полностью онемел.

— Чертовы сидения, — негромко выругался рыжий бард, медленным шагом направляясь в сторону большого здания, снаружи выглядящего как собор. Это и была библиотека, местное скопление знаний. Раньше здание и правда было собором, но после того, как построили новый, король отдал распоряжение занять старое здание чем-то полезным. В итоге и образовалась библиотека. Правда, никто не думал, что она разрастется до размеров самого здания и сейчас библиотека выполняла еще и функцию городского архива.

Кион поднялся по белой полукруглой лестнице, совсем не чувствуя тела пониже спины, а затем не без труда открыл огромную тяжелую входную дверь, вместо стекол у которой были причудливые витражи. Как и ожидалось, внутри здания потолки были очень высокими, окна с витражами поднимались до самого верха, а на стенах были изображены различные фрески, которые ничуть не потеряли своего великолепного вида от прошедшего времени. Свет с улицы светил прямо сквозь эти узоры из разноцветного стекла и на полу получился этакий ковер из разноцветных лучей солнца. Кое-где стояли мраморные колонны, основание которых было выкрашено золотой краской и Кион на секунду даже потерялся во всем этом великолепии бывшего собора.

— Вам что-нибудь подсказать? — подошла к нему молоденькая девушка с длинной каштановой косичкой и в светло-синей мантии до пола. Девчушку нельзя было назвать красавицей, но и некрасивой тоже. По оценке Киона, она была крепким середнячком.

— Да, где у вас хранятся гербы всех провинций? — спросил бард и девушка тихонько рассмеялась.

— Мы не храним гербы в библиотеке, это было бы преступление, — ответила она, — Мы храним только записи о них.

Девушка сделала знак следовать за ней и Кион подчинился, удивляясь тому, что ему

позволят так спокойно просмотреть подобную информацию. Девушка повела барда куда-то вглубь библиотеки, где неожиданно оказался целый лабиринт дверей и комнат, как только они скрылись с главного зала. Кион уже не был уверен, что самостоятельно сумеет отыскать дорогу назад.

Помимо девушки, по пути им встречались и другие люди в подобных мантиях и Кион предположил, что они все работники библиотеки. Он все ожидал, когда же его спросят о цели его интереса гербами, но девушка молчала всю дорогу, пока не привела барда в маленькое тесное помещение со стоящими стеллажами с книгами вдоль всех стен, а в центре был небольшой стол для одного человека, под которым обнаружился деревянный табурет. Девушка указала рукой на стол, а сама подошла к одному из стеллажей, доверху заваленном книгами и свитками.

Кион послушно опустился на табуретку и осмотрелся. В комнате пахло пылью и старой бумагой, каменные стены не давали никакого тепла и сейчас здесь было холодно. Окон в помещении тоже не было и те несколько свечей, расставленные так, чтобы не нести угрозу книгам и свиткам, изо всех сил выжимали с себя свет, стараясь хоть немного осветить комнату.

Девушка вытащила нужную книгу и положила ее на стол перед Кионом. Бард удивился тому, с какой легкостью она смогла это сделать, ведь книга была просто до неприличия огромной и толстой.

— Мало кто в наше время интересуется историей, — вздохнула девушка и убрала выбившуюся прядку волос с лица, — Это так раздражает. Все эти знатные господа и дамы даже собственный герб выучить не в состоянии, не то, чтобы чужой. Поэтому всегда отрадно видеть, когда люди интересуются подобными вещами и приходят в библиотеку. Что же, не буду мешать. Как закончите, просто оставьте книгу на столе.

— Премного благодарен, — отозвался Кион.

Девушка вышла в коридор и прикрыла за собой дверь, оставив рыжего барда наедине с книгой. Кион хмыкнул, прежде чем приступить к изучению содержания книги. Теперь понятно, почему девушка не спросила, с какой целью он интересуется гербами. Ну, это ее же упущение. Кион придвинул книгу ближе к себе и принялся листать ее, с трудом разбирая витиеватый текст в полумраке комнаты. Для начала ему нужно найти самую дальнюю и едва ли не забытую провинцию королевства, после чего скопировать ее герб и на всех порах помчаться обратно к Эльвире.

Сделать это оказалось куда труднее, чем предполагал бард. Книга была очень толстой и огромной, текст в ней не отличался разборчивостью или хотя бы крупным шрифтом, а полумрак комнаты не способствовал тому, чтобы с ходу понимать, что написано на той или иной странице. Кион уже на втором гербе понял, что просидит за книгой едва ли не весь день, а то и два. Несколько раз бард хотел послать все это к черту и покинуть библиотеку, а принцессе передать послание, что ее Даниэлю пришлось покинуть столицу, так как его господин соизволил вернуться домой пораньше, но в памяти тут же предательски всплывало сапфировое ожерелье и Кион продолжал упорно листать книгу в полумраке комнаты.

Он не знал, сколько снаружи прошло времени и сколько он просидел за этим не очень увлекательным занятием, но в один момент Кион наткнулся на упоминание одной маленькой части королевства, куда, судя по тексту, не так уж и часто наведывались солдаты короля. Но что было примечательно, так это то, что в этой провинции тоже имелся свой герб. Правда, насчет графа не было сказано ровным счетом ничего, но Кион уже настолько

устал ковыряться в книге, что с радостью достал из нагрудного кармана рубашки сложенный чистый лист и маленький карандаш. Ему нужно будет перерисовать все до мельчайших деталей, чтобы Эльвире потом было проще на этой основе создавать узор для печати.

Кион, высунув язык от усердия, принялся водить карандашом по бумаге, стараясь максимально точно скопировать герб из книги. Бард отметил, что он даже до середины книги не добрался, а времени, по ощущениям, потратил едва ли не весь день.

Карандаш весело скрипел по бумаге, раздражая Киона еще больше, но он продолжал усердно копировать герб. Несколько линий получились у него совершенно лишними и бард просто перечеркнул их. Свечи стали намного меньше по сравнению с тем, когда Кион только вошел в эту комнату, но бард совершенно не обращал на это внимания, продолжая прилежно перерисовывать герб.

— Все было бы проще, умей я рисовать, — буркнул себе под нос Кион, не прерываясь ни на секунду.

В итоге через еще продолжительное время, показавшееся вечностью, Кион все же сумел закончить копирование герба из книги. Бард на всякий случай переписал название провинции тем же витиеватым почерком, которое было в книге, а затем захлопнул ее, а свою бумагу сложил пополам и спрятал обратно в карман вместе с карандашом.

Кион растекся на стуле, потер глаза и издал шумный выдох. Да он ради того ожерелья прям старается с потом и кровью! Кион провел по своим рыжим волосам, после чего поднялся с места и покинул тесную комнатку с запахом пыли. В коридоре ему пришлось долго плутать, прежде чем он наткнулся на очередного работника библиотеки, который любезно проводил его до главного зала.

Кион поспешил к выходу и только оказавшись на улице, до него дошло, что уже стояла глубокая ночь. В животе барда возмущенно заворчал, но он продолжил идти вперед. Поесть он сможет, когда прибудет обратно к Эльвире.

Несмотря на поздний час, Киону удалось найти карету и весь путь обратно ему вновь пришлось трястись на неудобных сидениях.

ГЛАВА 3

Дни до банкета в королевском замке пролетели, как один. Кион принес Эльвире не слишком разборчивый рисунок герба, за что женщина его хорошенько отчитала, но все же взялась выводить на его основе печать. Когда Эльвира на другом листе бумаги создала нечто похожее на герб, она отправилась к своему знакомому кузнецу, а Кион снова навестил того портного и на этот раз заказал у него костюм получше. Молодо выглядящий портной не сказал ни слова по этому поводу, но в его глазах Кион заметил какое-то странное понимание. Скорее всего, этот портной решил, что прошлый костюм Киона полностью провалился и рыжий клиент пришел за новым, более изысканным и элегантным. Бард усмехнулся про себя, пока с него снова снимали мерки. Интересно, как бы отреагировал портной, если бы узнал, что прошлый нелепый образ Киона помог ему получить доступ в замок?

Накануне дня, в который устраивался банкет, Эльвира просидела до самого вечера, тренируясь в завихренной росписи. Кузнец уже изготовил печать и сейчас она лежала рядом на столе. Кион позади женщины вышагивал мелкими шагами и постоянно заглядывал ей через плечо, вечно раздражая этим хозяйку борделя. В итоге она не выдержала и попросила барда заняться чем-то более полезным. Кион понял все по-своему и скрылся за дверью, а уже

через короткое время где-то за стенкой послышались ахи и вздохи девочек Эльвиры, иногда разбавляющиеся голосом барда.

Следующим вечером Кион подходил к воротам замка, стараясь держаться уверенно, хотя внутри у него все трепетало. Он надеялся, что подтверждение, которое ему сделала Эльвира, обманет стражу у ворот и даст ему достаточно времени, чтобы пробраться в покои принцессы и стащить у нее сапфировую звезду вместе с некоторыми другими побрякушками. Сам Кион будет долго искать ее спальню, а спрашивать направление у слуг будет слишком подозрительно, так что придется охмурить этот нежный цветочек и сделать так, чтобы принцесса незаметно от всех увела барда к себе.

Кион подошел к распахнутым воротам, у которых стояли стражники. Сердце барда заколотилось сильнее, но он нацепил на лицо непроницаемую маску и с прямой спиной, аки типичный аристократ, продолжил вышагивать по дорожке прямо к воротам. Впереди и позади него шли другие знатные господа и дамы, в эту часть замка не дозволялось въезжать на каретах, так что аристократам пришлось небольшой путь преодолевать пешком.

Новый костюм, который пошил портной Киону, практически ничем не отличался от одеяний знатных людей, которые сейчас шли к дворцу вместе с рыжим бардом. Обычная белая рубашка и черные жилет и брюки смотрелись бы на нем идеально, если бы Кион не запросил портного сделать себе костюм на размер побольше. Киону самому не очень нравилось носить костюм не по размеру, но он запросил именно для того, чтобы окружающие решили, будто слуга знатного господина просто одолжил одежду своего хозяина, поскольку тот не может присутствовать на банкете в связи со своей болезнью.

У ворот подошла очередь Киона показывать бумагу с гербом и тот, небрежно достав ее из кармана, аккуратно разгладил и показал стражнику. Тот смерил Киона долгим взглядом, прежде чем взять подтверждение с его рук. Кион усмехнулся про себя. Как он и предполагал, знатым людям не пристало складывать свои подтверждения с печатью в карман. Кион намеренно это сделал, чтобы показаться еще большим глупым слугой своего несуществующего болезного господина.

— Так значит, твой хозяин из дальней провинции, — поглядывая в бумагу, произнес стражник.

— Все так, — кивнул Кион и нацепил на лицо глупое выражение, хотя внутри у него все было натянуто от напряжения.

— И он болен, поэтому вместо себя отправил своего слугу, — продолжил страж и Кион снова кивнул.

Стражник замолчал и уставился в бумагу, тщательно ее изучая, а Кион стоял рядом и терпеливо ожидал вердикта. Если его пропустят, то он просто с глупым лицом пройдет дальше в сад, а там и в замок попадет. Но если стражник сейчас обвинит его в мошенничестве, то Кион просто схватит рядом стоящую барышню в пышном тесном платье и швырнет ее в стражника, чтобы задержать его на пару секунд, а сам бросится прочь от замка. Что в таком случае делать со звездой, Кион не знал, но надеялся, что ему тогда удастся пробраться в замок под видом одного из слуг.

— Приятного вечера, — неожиданно произнес стражник и вернул бумагу с вычурной росписью Эльвиры Киону. Бард в ответ просто кивнул, спрятал поддельное подтверждение с печатью обратно в карман и направился ко входу в замок через великолепный сад.

У него получилось! Он сумел пройти через ворота. Теперь осталось только найти комнату Ангелины и забрать свою звезду. После этого Кион придумает какое-то оправдание

для принцессы, мол, его господин просил вернуться пораньше, так как они скоро отбывают, а затем покинет замок со звездой в кармане. Наконец-то она будет его!

Кион прошел через главный вход в замок и оказался в огромном зале с высокими потолками и мраморными колоннами. Повсюду было полно народу, в основном это собрались аристократы в красивых нарядах, но Кион заметил, что среди них сновали слуги с едой и напитками, а еще ходили рыцари. Они единственные из всех были при оружии и Кион инстинктивно потянулся к мечу на поясе, но вспомнил, что сегодня он снова оставил его в комнате в доме Эльвиры, поскольку меч только мешал его тщательно продуманному образу.

Несмотря на снующих слуг с подносами, в зале стояли длинные столы, доверху наполненные едой и выпивкой. Гости короля то и дело подходили к ним и накладывали себе в тарелки просто горы еды. Кион не удержался и решил проделать то же самое. Он подошел к краю одного из столов, взял с него пустую серебряную тарелку и, придирчиво осмотрев блюда, положил себе несколько креветок. Он никогда их не пробовал, но много раз видел, как аристократы поглощали эти диковинки с явным удовольствием.

Кион сразу закинул в рот несколько штук и приготовился к изумительному вкусу, но его рот наполнился чем-то невообразимо отвратительным. Рыжий бард закашлялся, привлекая к себе внимание гостей, схватил со стола наполненный бокал с вином и запил эту мерзость, что осталась на языке после креветок. Больше он никогда к ним не прикоснется!

Кион только сейчас понял, что привлек к себе внимание аристократов. Он хотел было перейти в другую часть зала и скрыться в плотной толпе, но потом решил, что такой непреднамеренный спектакль только сыграет ему на руку, ведь он всего лишь слуга знатного господина и не умеет вести себя в приличном обществе.

— Я слышала, что он пришел сюда по приказу своего хозяина, — слышались шепотки рядом с Кионом, — Он не смог прийти и отправил вместо себя слугу.

— Следовало сначала научить его манерам, — фыркнул второй голос.

Кион усмехнулся. Быстро же разносятся слухи среди этих сплетников! Он буквально только что переступил порог замка, а здешняя знать уже в курсе, что он слуга какого-то там господина из далекой провинции. Рыжий бард нагло взял второй бокал с вином и осушил его одним глотком, чувствуя на своей спине колкие взгляды. Ха, ну и пусть смотрят! Пока они пялятся на него, не скрывая своего неудовольствия, Кион съест и выпьет все, что было на столах.

Он принялся ходить вокруг столов с серебряной тарелкой в руках. После отвратительных креветок Кион придирчиво осматривал каждое блюдо, иногда даже наклонялся поближе и нюхал еду, чем немало выбесил аристократов, стоящих рядом с ним. Бард усмехнулся, кинул себе в тарелку пышные кексики и отошел в сторону, поглощая сладости. Краем уха он услышал разговор нескольких знатных людей поблизости, которые обсуждали лунный лотос. Кион слышал слухи об этом редком растении. Оно было очень дорогое и его могли позволить себе лишь аристократы. Настойка из лепестков лотоса действовала на людей не хуже алкоголя, но наутро не оставляла после себя похмелья. Даже наоборот — принявший настойку лотоса человек утром чувствовал себя бодрым и полным энергии. Сам Кион не знал, так ли это было, ему ни разу не довелось попробовать настойку из лотоса. Один раз был шанс это сделать, но тогда бард почему-то не стал удовлетворять свое любопытство.

Кто-то легонько постучал пальчиком по его плечу и Кион обернулся, думая, что это

некая знатная дама решила преподать ему урок, как нужно вести себя за столом в компании таких уважаемых господ. Но вопреки ожиданиям перед Кионом показалось улыбающееся личико, обрамленное светлыми кудрями. Принцесса Ангелина выглядела бесподобно. Свои прекрасные волосы она собрала в красивую прическу и украсила их великолепной заколкой, при этом несколько крупных локонов легонько касались ее лица, подчеркивая природную красоту девушки. Сегодня принцесса надела пышное платье цвета персика, а на шее, к облегчению Киона, у нее было массивное золотое ожерелье, инкрустированное драгоценными камнями, а не сапфировая звезда. В ушах у девушки висели подобные золотые серьги, а еще Кион заметил кольца и браслет, выполненные в том же стиле. Красиво, конечно, но до сапфировой звезды этим украшениям было далеко.

— Даниэль, я так рада, что вы пришли, — улыбнулась принцесса.

— А я рад здесь находиться, — ответил Кион и, убрав тарелку на стол, взял Ангелину за руку и легонько поцеловал тыльную сторону ее ладони, от чего у девушки слегка загорелся румянец на щеках. Кион про себя ехидно улыбнулся. Стоит ему еще пару раз выполнить нечто подобное и принцессе можно будет вести в ее покои к сапфировой звезде.

— О, вам стоит попробовать это блюдо, — Ангелина неловко указала пальчиком на креветок, которых недавно уже успел попробовать Кион, — Вкус у них специфический, но поверьте, оно того стоит.

— Я, пожалуй, обойдусь чем-то более привычным, — вежливо отозвался Кион и закинул в рот виноградинку.

Ангелина не стала принуждать гостя есть омерзительных креветок, только мило улыбнулась в ответ. Кион заметил, что сегодня в нескольких шагах от нее не ошивался ее рыцарь и ему показалось это странным. Неужели бдительность его ослабла, пока принцесса находилась в замке? Но ведь ее так легко обвести вокруг пальца, неужели рыцарь об этом не знает? Впрочем, Киону так было даже лучше. Сейчас главное начать сыпать комплименты дочери короля и при этом продолжать выглядеть, как дурачок. Потом незаметно подать идею принцессе, чтобы она отвела рыжего барда в свою спальню, а там уже Кион сделает свое дело и заберет сапфировую звезду. И учитывая то, как принцесса смотрела на Даниэля, Кион был уверен в своем успехе.

Они с Ангелиной поговорили еще немного, пока девушка вдруг не заметила своего отца, спускающегося с широкой лестницы медленным шагом. Король был облачен в великолепный костюм, а сверху он надел красную мантию. Его уже поседевшие волосы аккуратными прядями спускались на плечи, на голове король носил небольшую золотую корону с драгоценными камнями. Кион думал, что корона будет куда больше и массивнее, но даже такая она внушала уважение. Ангелина извинилась перед Даниэлем и сообщила, что ей нужно поприветствовать гостей вместе с королем, после чего подошла к своему отцу и встала рядом с ним на последнюю ступеньку лестницы. Гости умолкли и обратили свои взоры на короля, а Кион постарался спрятаться за спинами знатных людей, благо их здесь было много и ему это легко удалось.

— Приветствую всех гостей моего замка, — произнес король. Голос у него был твердый и властный, — Я, Элияр Аделла, официально объявляю этот банкет открытым и желаю всем вам приятно провести время.

В зале раздались бурные аплодисменты и король, коротко кивнув в ответ, спустился с последней ступеньки. К нему тут же подскочили несколько аристократов и принялись что-то обсуждать, а принцесса, присев в реверансе, покинула своего отца и снова подошла к

Киону.

— Отец будет весь вечер занят, — сказала она, на секунду обернувшись к королю, которого за это время окружило еще больше людей, — Наверняка они там обсуждают свои дела. Как будто другого времени для этого не будет.

В голосе принцессы Кион уловил раздражение и грусть. Видимо, ее отец не часто уделяет своей дочери должного внимания личным присутствием. Наверняка он просто отправляет какие-нибудь подарки в ее комнату в качестве утешения, но принцессе хотелось именно общения с королем. Ну что же, раз ей эти подарки не нужны, то Кион с чистой совестью заберет их себе. И сапфировую звезду тоже.

— Я впервые нахожусь в таком огромном замке, — признался Кион. Он начал издали подталкивать принцессу Ангелину к тому, чтобы она отвела его в свои покои, где, как предполагал Кион, находится прекрасное украшение, которое сводило его с ума.

— А как же поместье вашего господина, Даниэль? — спросила девушка.

— О, оно не идет ни в какое сравнение с этим замком.

— Полагаю, вы правы. Все же, ваш господин живет так далеко от столицы.

Кион ничего не ответил, лишь улыбнулся принцессе. Девушка взяла с ближайшего стола бокал с вином и сделала небольшой глоток. Ее тонкие изящные пальцы обвили стеклянный фужер и Кион даже слегка залюбовался этим, но стайка молоденьких девушек, подлетевших к принцессе, прервали его мысли. Они бесцеремонно оттолкнули Киона от Ангелины, продолжая неустанно жужжать и что-то рассказывать принцессе. Дочь короля, казалось, была сбита с толку их внезапному появлению, а Кион только разозлился на их поведение. Он может и слуга своего господина, но он, вообще-то, разговаривал с принцессой и вот так грубо оттолкнуть его было верхом невоспитанности.

Кион незаметно стащил с одной девицы колечко и закинул его в карман. Иногда он сам удивлялся тому, насколько у него были ловкие пальцы. А эта дуреха пускай теперь ищет свое кольцо повсюду. Будет ей уроком за то, что так бесцеремонно влетела в их с принцессой разговор.

— Вы только посмотрите, какое безвкусное платье надела леди Фланнарель, — произнесла дуреха, которая только что лишилась кольца и даже этого не заметила, — Разве можно такую безвкусицу надевать на банкет к самому королю?

— А мне ее платье нравится, — наивно отозвалась принцесса и девушки смерили ее укоризненными взглядами.

— Вы еще молода, Ангелина, но скоро поймете, что подобные платья стоит запретить по всему королевству, — произнесла вторая барышня и другая подхватила ее мнение, оставив Ангелину с растерянным лицом слушать все их сплетни.

Киону это надоело. Мало того, что эти разодетые курицы бесцеремонно отпихнули его от принцессы, так еще они теперь обсуждают далеко не важные вещи, а какое-то платье леди Фланнарель. Кион даже не знал, кто именно в толпе является этой самой леди, но на его вкус, все женщины были одеты красиво и безупречно. Кроме тех куриц, что сейчас облепили принцессу.

Рыжий бард взял со стола бокал с красным вином и, сделав шаг вперед, внезапно запнулся и пролил вино на платье одной из куриц. Разумеется, все это вышло у него не специально. Кион даже состряпал на лице извиняющееся выражение, что, впрочем, не спасло его от гневной тирады курицы. Покричав немного на неуклюжесть рыжего барда, курица хмыкнула и ушла куда-то в толпу, прихватив с собой своих подруг и оставив

принцессу разбираться с Кионом.

— Даниэль, вам следовало быть осторожным, — начала принцесса и Кион понял, что сейчас его отчитают за платье, но ошибся, — Вы могли пострадать и даже упасть на пол, если бы не наткнулись на леди Ирен.

— О, это вышло совершенно случайно, — соврал рыжий бард, — Надеюсь, она не запишет меня в свой черный список и не вышлет по мою голову наемных убийц только из-за испорченного платья.

Ангелина прикрыла губы ладошкой и тихонько рассмеялась. Кион понял, что она догадалась о том, что все это было явно сделано специально, а когда принцесса поблагодарила Даниэля, оставшиеся сомнения и вовсе отпали. Кион широко улыбнулся в ответ, про себя отметив, что принцесса-то, оказывается, та еще озорница, раз не стала жалеть об испорченном платье своей гостьи.

— Даниэль, давайте поговорим где-нибудь в менее людном месте, — неожиданно предложила принцесса и рыжий бард едва не подскочил на месте от радости. Наконец-то дочь короля приведет его в свои покои, где хранится сапфировая звезда. Кион даже хотел потереть руки от предвкушения, но вовремя спохватился и нацепил на лицо наивное выражение.

— Тогда, может, покажете мне замок? — предложил он и принцесса кивнула.

Они направились куда-то сквозь толпу гостей. Кион специально предложил Ангелине провести экскурсию по замку. Так он сможет узнать расположение комнат и коридоров, а когда будут проходить мимо комнаты принцессы, Кион осторожно подтолкнет девушку к тому, чтобы она его пригласила в свои покои. После этого дело останется за малым — забрать звезду и покинуть замок. Киону даже стало жаль, что он пробудет здесь не так уж и долго, но лучше будет уйти из замка как можно скорее, как только он заберет звезду. Киону совсем не хотелось попасться на воровстве в присутствии короля. И хотя ему было интересно, куда пропадают приговоренные на виселицу люди, выяснять это на своей шкуре Кион совсем не горел желанием.

Ангелина вела его по длинным коридорам, рассказывая об устройстве замка и Кион слушал девушку очень внимательно, хотя внешне казалось, что он слушает ее чисто из вежливости. В коридоре поначалу тоже встречались гости, но чем дальше принцесса и бард отдалялись от главного зала, тем реже они видели гостей и тем чаще попадались только слуги. Кион заметил нескольких стражников, патрулирующих коридоры и понял, что если придется в спешке бежать, то у него практически не будет шанса выбраться из замка.

Кион разгладил свои рыжие волосы. С какой стати ему бежать из замка в спешке? Он аккуратно украдет сапфировую звезду, принцесса даже не заметит. А потом спокойно выйдет на улицу и покинет замок. Никто ничего и не поймет, пока Ангелина не решит сменить украшения. А произойдет это не раньше завтрашнего утра в худшем случае, уж Кион-то знал, как наряжали на себя цацки знатные леди.

Когда они с принцессой проходили мимо массивной темной дубовой двери, Кион понял, что в этой части замка находятся опочивальни. Не ясно только было, королевские это были спальни или для гостей. Но Ангелина развеяла все вопросы Киона еще до того, как он решился об этом спросить.

— Тут находятся спальни для королевских детей, — произнесла девушка, даже не делая попыток остановиться и показать сами комнаты, — Но поскольку я единственная дочь короля, эту часть замка отвели мне. Мои братья спят в другом крыле.

Кион вежливо кивнул, пока сам обдумывал ее слова. Значит, будь у нее сестры, они бы тоже жили в этой части замка. Рыжий бард слышал о том, что аристократы любят селить своих детей в поместьях отдельно, в зависимости от пола. А некоторые и вовсе заселяют дочерей в отдельные дома для каждой. Но так делали только особо богатые люди, практически приближенные по своему состоянию к богатству короля.

— Я еще ни разу не видел комнату принцессы, — как бы невзначай бросил Кион, — Наверное, комната очень красивая, под стать своей обитательнице.

— У меня самая обычная комната, — поспешила ответить девушка, но ее щеки уже залил предательский румянец, — В ней нет ничего особенного.

— И все же, хотелось бы взглянуть одним глазком, — продолжил аккуратно давить на принцессу Кион, — Если позволите, миледи.

Мимо них по коридору прошли слуги и учтиво склонили головы перед принцессой, однако от Киона не ускользнули их любопытные взгляды. Ангелина же, кажется, их вообще не заметила и, дождавшись, когда слуги скроются за углом, повернулась к своему Даниэлю.

— Я еще не приводила гостей в свою комнату, так что, пожалуйста, не оценивайте ее слишком строго, — попросила девушка и Кион заверил ее, что оценивать комнату он вообще не будет.

Успокоившись после его слов, Ангелина потянула за ручку и массивная дверь легко поддалась, пропуская внутрь принцессу и рыжего барда, который бдительно закрыл за ними дверь, чтобы никто из мимо проходящих слуг не догадался, что в комнате принцессы кто-то есть.

Кион обернулся и принялся разглядывать убранство спальни принцессы. В первую очередь он искал, где девушка хранила свои украшения, но едва только повернулся, как глаза его утонули в огромном красиво обставленном помещении. У самой дальней стены стояла большая кровать с балдахином, рядом с ней имелся туалетный столик с огромным зеркалом и мягким креслом, чуть дальше в ряд выстроились платяные шкафы из светлого дерева и с причудливой резьбой на дверцах. Почти в самом центре комнаты располагались напротив друг друга два белых дивана, а между ними стоял столик из темного стекла, на котором кто-то красиво разложил чашки и посуду со сладостями и фруктами. Комнату днем освещало огромное окно от потолка до пола, рядом с которым висели светлые занавески, под стать основной гамме всей комнаты. Но сейчас источником света служили многочисленные свечи, стоящие практически на всех доступных поверхностях. А дальше, на противоположной стене, где стояла кровать, разместились шкафчики уже с маленькими зеркалами. И что самое главное, в этих шкафчиках через прозрачные створки Кион заметил украшения. Наверняка звезда где-то там, но отсюда бард ее не видел.

— Как я и говорила, у меня довольно скромная спальня, — произнесла Ангелина и развела руками, словно бы подтверждая свои слова, — Особо смотреть не на что.

Кион был с ней не согласен. Эта спальня была просто верхом роскоши, а уж он-то повидал много подобных комнат в знатных поместьях. Мало того, что комната принцессы была как минимум в два раза больше обычных комнат аристократок, так еще вся мебель была сделана из дорогих материалов. Но Кион не стал об этом говорить Ангелине. Он просто кивнул и согласился с ней, сказав, что ожидал увидеть спальню принцессы более вычурной и заваленной цветами. В ответ девушка звонко рассмеялась.

— Вы бы видели мою комнату, когда у меня день рождения, — ответила она, — В такие дни она точно соответствует вашему описанию, Даниэль.

Кион улыбнулся и повернулся обратно к шкафчикам, где принцесса хранила свои украшения. Их там было столько, что у Киона глаза разбегались и он буквально физически ощутил, как его пальцы зачесались в предвкушении чего-нибудь стащить. Но в приоритете у него была сапфировая звезда. Сначала нужно забрать ее, а потом уже можно будет и на мелком поживиться. Кион специально заказывал костюм с глубокими карманами. Ему как раз хватит места, чтобы разложить по ним цацки принцессы. Но сначала звезда.

Рыжий бард еще некоторое время осматривал практически с центра комнаты побрякушки принцессы, пока не увидел то, за чем пришел. Сапфировая звезда покоилась на мягкой бархатной подушке и, казалось, умоляла Киона забрать ее из этого заточения. Кион уже даже руку приподнял и практически сделал шаг вперед, но вовремя спохватился и рукой провел по волосам, делая вид, что изначально руку он поднимал именно для этого. Однако на его счастье принцесса ничего не заметила. Оказывается, все это время она ему что-то увлеченно рассказывала, сидя на белоснежном диване и поедая виноград. Кион был настолько сосредоточен поиском звезды, что совсем не слышал речей Ангелины.

Рыжий бард присел на другой диван и тоже отправил несколько виноградинок себе в рот. Он вежливо улыбался и кивал принцессе, а сам соображал, как бы незаметно от нее набить карманы украшениями и, главное, звездой. Нужно было как-то отвлечь принцессу и сделать так, чтобы она потом не заподозрила в нем вора, но как? Кион задумчиво жевал виноград и идея неожиданно посетила его сама. Нужно просто затащить принцессу в койку и умять ее так, чтобы она заснула. А сам Кион в это время обчистит ее драгоценности и покинет замок как ни в чем не бывало. Разумеется, драгоценности он заберет не все, а только те, которые с витрин шкафчиков не бросались в глаза.

Кион покинул свой диван и подсел к принцессе, без стеснения заглянув в ее бирюзовые глаза. Девушка слегка смутилась, но не предприняла попыток как-то отодвинуться и Кион понял, что очаровать ее будет проще простого.

— Миледи, должен сказать, что завтра мой господин уезжает обратно домой, — произнес Кион и взял девушку за руку, — Естественно, как его слуга, я уеду с ним. Но перед тем, как попрощаться с Вами, я хотел бы сказать, что наша встреча была самым приятным, что случилось со мной в столице.

Кион прижал руку принцессы к губам и запечатлел на ней долгий поцелуй, от которого девушка покраснела еще больше. Пока что все складывалось для барда просто замечательно. Еще парочка подобных комплиментов и принцесса сама потащит его в койку, Кион в этом не сомневался. Но он ошибся. Дочь короля оказалась куда скромнее, чем он думал и сама никак не проявляла инициативу, хотя явно была не против нежных прикосновений Киона.

— Так жаль, что вы уезжаете, — вздохнула принцесса, — Я бы хотела провести с вами чуть больше времени, Даниэль.

— Я уезжаю завтра, а не сейчас, так что время у нас еще есть, — Кион снова заглянул в глаза принцессы, а потом неожиданно поцеловал ее в губы. Как он и предполагал, она даже не стала вырываться, полностью растворившись в этом поцелуе.

Дальше Кион действовал по своей обычной схеме — покрывая жаркими поцелуями шею и лицо девушки, он приподнял ее и на руках донес до кровати, после чего они продолжили уже там. Принцесса вообще не предпринимала попыток как-то остановить своего Даниэля и Кион только ехидно ухмыльнулся про себя, стаскивая с нее платье. О, ей понравится. Кион сделает все, чтобы ей понравилось. А еще вымотает принцессу так, что она не проснется до завтрашнего утра и у Киона будет масса времени, чтобы забрать звезду и покинуть замок. С

этой мыслью бард полностью отдался приятному занятию с принцессой.

Когда они наконец-то закончили и принцесса и правда уснула после такого бурного времяпрепровождения, Кион потихоньку поднялся с кровати, стараясь ее не разбудить. Он подошел к шкафчикам с украшениями, даже не предпринимая попыток одеться. Кион желал поскорее дотронуться до заветной звезды, он еще успеет нацепить на себя одежду.

Рыжий бард аккуратно отворил дверцу и протянул руку, после чего схватил заветное ожерелье и вытащил его наружу. Ангелина заворочалась в кровати, но когда Кион обернулся к ней, девушка продолжила спать. Кион посмотрел обратно на ожерелье. От света свечей сапфировая звезда бросала на пальцы барда насыщенную темно-синюю тень и Киона буквально всего затрясло от радости обладания подобной вещью. Теперь ему нужно рассовать драгоценности по карманам и свалить из замка. Ангелина не будет его искать, ведь ее Даниэль уедет завтра вместе со своим господином. А если и будет — то станет искать его в глуши на краю королевства, а не в столице у себя под боком. Кион тихонько засмеялся. Глупая, глупая девочка.

Неожиданно дверь в спальню резко распахнулась и в комнату вошла служанка, которая тут же резко остановилась едва только увидела голого Киона с сапфировой звездой в руках, да еще и перед открытыми шкафчиками с украшениями. Кион оторопело посмотрел на служанку, служанка посмотрела на него. Казалось, никто из них не знал, что делать. Бард хотел было использовать свои чары на этой девчонке, но она оказалась проворнее. Служанка, громко вереща и подзывая стражу, быстро выскочила обратно в коридор. Кион уже не успевал за ней, чтобы схватить ее и затащить внутрь. Ангелина заворочалась в постели, а из коридора послышались тяжелые лязгающие звуки шагов. Рыцари короля, не иначе.

Кион понял, что дело плохо. Нужно было как-то выбираться из замка и немедленно. Времени одеваться уже не было, а потому Кион подскочил в чем мать родила к окну. В руках он все еще держал ожерелье, но потом закинул его на шею, чтобы освободить вторую руку. Кион быстро открыл огромное окно и услышал, как кто-то позвал его за спиной. Он обернулся и увидел принцессу, сидящую в постели. На лице у нее читалось явное непонимание.

— Даниэль? — позвала она.

Совсем близко с коридора донеслись звуки шагов и Кион без лишних слов бросился в окно. К счастью, комната принцессы располагалась на втором этаже, так что лететь до земли ему было не долго. Однако чего он не ожидал, так это того, что окажется в саду напротив главного входа в замок. И что еще хуже, так это то, что сейчас здесь собрались гости, собирающиеся покинуть замок короля. Король тоже был здесь, как прилежный хозяин провожающий своих гостей. И им буквально на голову вывалился абсолютно нагой рыжий бард, на шее которого висело ожерелье с сапфировой звездой.

Секунду стояла тишина, но потом знатные дамочки заверещали, указывая своими тонкими пальчиками на достоинство Киона, так бесцеремонно выставленное им напоказ.

— Леди, ну что вы, в самом деле, — усмехнулся бард, — Это ведь обычная мужская гордость.

— В твоём случае, это какое-то недоразумение, — заметил король, делая шаг вперед к Киону.

— А вот вашей дочери оно понравилось, — не удержался и съязвил Кион.

Элияр Аделла бросил на него тяжелый взгляд, затем посмотрел вверх на открытое окно,

с которого вывалился Кион и, сложив в уме, чья это комната, буквально весь побагровел от гнева.

— Ах ты! — дальнейшие ругательства короля потонули в лязгах доспехов приближающихся рыцарей.

Элияр Аделла выхватил меч из ножен, висевших у него на поясе и угрожающе стал подходить к абсолютно голому и беззащитному Киону. Бард даже успел пожалеть, что не прихватил с собой свое оружие. Подоспевшие рыцари перекрыли рыжему наглецу все пути отступления. Кион нервно сглотнул, лихорадочно соображая, что ему дальше делать, но умные мысли, обычно спасавшие его в подобных ситуациях, сейчас как назло не шли.

Из замка выпорхнула Ангелина. Она была закутана в простыню, а волосы ее взъерошенными локонами подпрыгивали от каждого шага девушки.

— Отец, прошу! — воскликнула она, подбегая к королю, — Он ничего не сделал!

— Да уж вижу, — ответил король, бросая тяжелый взгляд на свою дочурку, закутанную в простыню. После этого король повернулся обратно к голому Киону и бард понял, что на этот раз он крупно влип, — Схватить его!

Рыцари стали ближе подходить к рыжему барду, а тот отошел на несколько шагов назад, пока не наткнулся спиной на стену замка. Все, бежать ему было больше некуда. Сейчас его схватят, а утром отправят на виселицу или куда там король бросал всех приговоренных. Кион почувствовал, как в ушах застучало от прилившего в кровь адреналина. На груди что-то сверкнуло и он посмотрел вниз. Сапфировая звезда. Киону пришла в голову идея, как ему выбраться, но тогда придется пожертвовать этим ожерельем. Кион не собирался этого делать, однако блеснувший в свете луны клинок одного из рыцарей мгновенно заставил барда передумать. Какой толк ему будет от сапфировой звезды, если Кион умрет здесь и сейчас?

Бард одним резким движением сорвал с себя украшение и бросил его в одного из рыцарей. Как и предполагал Кион, тот на секунду замешкался, не ожидая того, что в него что-то прилетит. В этот момент Кион бросился прочь, сверкая своим голым задом.

— Не дайте ему уйти! — послышался позади гневный голос короля.

Кион на секунду обернулся, радуясь тому, что ему удалось ускользнуть, но неожиданно что-то тяжелое ударило его по голове. Бард рухнул в траву и в ускользящем сознании успел увидеть Алексия, рыцаря принцессы, который угрожающе навис над ним с обнаженным мечом в руке.

* * *

Кион стоял на главной площади столицы и шурился от яркого солнечного света. Его руки были скованы железными кандалами, на ногах у Киона были грубые штаны из мешковатой ткани с дырками на коленях. По крайней мере он не стоял голым перед толпой, что собралась этим утром посмотреть на казнь.

Когда Киона вырубил рыцарь принцессы, рыжий бард после этого очнулся в подземелье замка, где провел за решеткой несколько дней, прежде чем этим утром его выволокли на улицу на большой деревянный постамент, где обычно и зачитывали приговор преступникам. И хотя их всех отправляли на виселицу, самой виселицы нигде не было видно. Приговоренные просто пропадали и больше их никто не видел. На этот счет среди народа ходили разные слухи, даже поговаривали, будто король тайно продавал людей в рабство в

соседние страны, но ни один из этих слухов за эти годы так и не был подтвержден.

Кион стоял со скованными руками рядом с мужчиной в приличного вида одежде, который в руках держал длинный свиток. Он сейчас зачитывал собравшимся людям преступления, в которых обвинялся Кион. Рыжий бард с удивлением обнаружил, что его наказывают не только за шалости с дочерью короля или за воровство ожерелья, а еще и за то, чего он не делал — нападение на рыцарей, например. Все, что Кион тогда учудил — это бросил ожерельем в одного из них, чтобы отвлечь его и сбежать. Это даже с натяжкой нельзя было назвать нападением. Интересно, а другие преступники до него тоже не совершали все грехи, в которых их потом обвиняли перед народом? И не было ли среди бедолаг, приговоренных к виселице, невинно осужденных?

Кион обернулся назад и увидел стражников и рыцарей. Просто так он не сможет сбежать с площади. Тогда взгляд Киона начал блуждать по толпе и он заметил Эльвиру. Женщина стояла практически в самом дальнем конце этого столпотворения, одну руку она прижала к губам, а в глазах застыл страх. Когда их с Кионом взгляды пересеклись, Эльвира посмотрела на незадачливого барда с горьким сожалением. Кион знал, что хозяйка борделя хотела бы помочь ему. Но также он знал, что в этой ситуации она ничего не сможет сделать.

— И посему приговаривается к смертной казни, — донесся до ушей барда голос мужчины, что зачитывал приговор с длинным свитком в руках.

Толпа ахнула, как будто это была первая смертная казнь на площади в столице. Кион снова обернулся, но не увидел ни короля, ни принцессы. Ангелине, скорее всего, не разрешили покинуть замок, а вот почему отсутствовал ее отец, Кион не знал. Обычно король присутствовал на подобных казнях, всем своим суровым видом нагоняя страху на простой народ.

Один из стражников подошел к Киону и грубо схватил его за локоть, потащив за собой с деревянного помоста. Толпа начала шептаться и бард даже пару раз услышал, что он получил по заслугам. Он гневно обернулся назад, но не знал точно, кто это посмел сказать, однако его это не остановило от яростной тирады.

— Вы все — опухоль этого города! — воскликнул он. Стражник, который вел Киона за собой, от неожиданности остановился и бард воспользовался его замешательством и продолжил свою речь, — Жируете как ни в чем не бывало. Но вот когда вас тоже обвинят в том, чего вы не совершали и потащат на виселицу, знайте, я буду рядом ехидно хихикать в призрачном облики!

— Ну все, хватит! — не выдержал стражник и сильнее стиснул руку Киона, заставляя его идти за собой.

Толпа загудела. По обрывкам фраз Кион понял, что его короткая речь захватила умы как минимум половины из пришедших посмотреть на казнь горожан и сейчас толпа спорила между собой, настолько ли бард был непричастен к делам, в которых его обвинили.

— Это правда? Он ничего не совершал? — обратились люди к мужчине, который уже успел сложить свиток и убрать его за пояс.

— Этот прощельга только сеет хаос среди вас, — спокойно отозвался мужчина, — Король никогда никого не наказывал за просто так. А если кто-то сомневается, пусть поднимется на этот помост. Только потом не плачьте, если вас тоже приговорят к измене.

Толпа притихла и начала потихоньку рассасываться. Среди людей не нашлось ни одного смельчака, что пошел бы против слова короля. Кион недовольно поджал губы, подгоняемый стражником. Сомнения, которые он бросил в толпу, завяли так же быстро, как и расцвели. И

все благодаря этому напыщенному пижону со свитком.

— Вот же петух напояженный, — выругался Кион так, чтобы мужчина его непременно услышал. И судя по тому, как у того дернулась щека, он услышал барда, но сумел сохранить самообладание.

Стражник повел Киона куда-то дальше от площади, а затем рыжего барда грубо запихнули в какую-то вонючую повозку с заколоченными окнами. Она тронулась с места и Кион каждый раз подпрыгивал на толстой деревянной скамейке, как только колесо задевало камень на дороге или небольшую выемку.

— Уж напоследок могли бы прокатить с удобствами, — процедил сквозь зубы Кион и его вновь тряхнуло на очередном налетевшем под колесо камнем.

Бард не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он трясся в повозке, но зад его не просто онемел от грубой дороги, но, кажется, вовсе отвалился. Кион даже попрощался с ним, будучи уверенный в том, что больше никогда в жизни не почувствует мягких сидений.

Повозку снова тряхнуло, на этот раз гораздо сильнее, чем раньше. Кандалы на руках барда жалобно звякнули в ответ. Кион постучал в стену, за которой должен был сидеть возница.

— А поосторожнее никак нельзя? — недовольно воскликнул он.

— Конечно, Ваше Высочество, — раздался в ответ язвительный приглушенный голос и повозку снова тряхнуло.

Кион скрипнул зубами, но не стал дальше спорить. Если он продолжит, то кучер просто специально начнет собирать все камни и кочки на дороге, а так был шанс, что некоторые из них он все же пропустит. Бард попытался сесть на деревянной скамье поудобнее, но повозка вновь подпрыгнула и Кион даже умудрился удариться головой. Он гневно посмотрел на стенку, за которой сидел возница и почесал ушибленное место. Вот же петух не ошипанный!

Внезапно Киону в голову пришла гениальная идея. Возница, скорее всего, один, так что когда они прибудут на место, Кион просто бросится на него и вырубит, а сам даст деру. Рыжий бард заулыбался своему коварному плану, но его улыбка тут же померкла. А куда, собственно, его везут? Не похоже, что обратно в замок, иначе они бы уже давно приехали. И что, если там, куда его везут, будет гораздо больше стражников, чем думает Кион? А вдруг слух с продажей людей в рабство в соседние королевства — правда? Это что же, Кион станет рабом до конца дней своих? Бард поморщился. Он даже не знал, что хуже — быть повешенным или выполнять тяжелую физическую работу, пока он не помрет. Да и его прекрасное тело явно не создано для тяжелого труда.

Кион почесал голову. Остается только одно — соблазнить господина или госпожу, которым его продадут, чтобы Кион был, так сказать, в особом рабстве. Ублажал своего хозяина каждую ночь вместо того, чтобы горбатиться на полях весь день с утра до вечера. Бард деловито пригладил свои рыжие волосы, подпрыгнув еще пару раз от неровной дороги. Уж что-что, а соблазнить своего господина или госпожу он точно сумеет, Кион в этом даже не сомневался. Хотя лучше бы его продали госпоже — рыжий бард не горел никаким желанием ублажать каждую ночь мужчину. Кион от этой мысли весь поморщился и даже почувствовал, как комок отвращения подступает к горлу. Оставалось только надеяться, что судьба ему улыбнется и его продадут именно влиятельной женщине, а не похотливому мужику.

Карету тряхнуло еще несколько раз, а затем она неожиданно остановилась. Кион услышал, как возница слез со своего места, обошел повозку и открыл дверцу. Яркий свет

ворвался внутрь, на несколько секунд ослепив барда, пока его бесцеремонно вытаскивали с повозки наружу.

Когда глаза барда вновь привыкли к свету и он с удивлением обнаружил, что они сейчас находились в глуши леса, а впереди был вход в темную пещеру. Возница, оказавшийся одним из стражников, обнажил меч и упер его острие в спину барда.

— Шевели ногами, — приказал он.

— Куда шевелить-то? — спросил Кион, но на всякий случай сделал шаг вперед.

— Ослеп, что ли? Перед тобой пещера.

Кион заглянул во вход пещеры, который тонул во мраке и ему резко расхотелось туда идти, но острый и холодный конец меча неприятно колот его в спину. Похоже, Кион узнал, что король делал с приговоренными к смерти людьми. Он просто скармливал их некому зверю, живущему в этой пещере. Интересно, кто там? Медведь? Тролль? У Киона мурашки пробежали по всему телу, а меч сильнее уперся в его голую спину.

— Шевелись, говорю! Я не собираюсь терять тут с тобой весь день, — проворчал стражник.

Кион тяжело соглотнул и медленными шагами направился ко входу в пещеру. Только когда он приблизился практически вплотную, он заметил на земле разбросанные кости. Казалось, они были обглоданы. Киона от страха бросило в жар и он хотел было развернуться и бежать прочь, как вдруг прямо из-под земли поднялась решетка и уперлась в свод пещеры, полностью отрезая все пути к отступлению для Киона.

— Ха, теперь не сбежишь, — довольно хмыкнул стражник, спрятав меч обратно в ножны и зашагал к повозке.

— Подожди! Не бросай меня здесь! — взмолился Кион, но стражник даже не обернулся, — Хотя бы скажи, кто живет в этой пещере. Медведь?

— Смерть твоя, — ответил стражник и, ловко запрыгнув на повозку, повел лошадку прочь от этого места.

Кион потряс решетку, но все было тщетно. Он увидел в листве замаскированный рычаг, с помощью которого стражник поднял решетку, но отсюда дотянуться до него не представлялось возможным. Кион обернулся в черноту входа пещеры. Ему следовало бы вести себя потише, чтобы зверь, который обитает внутри, не вышел наружу проверять, откуда издаются такие любопытные звуки.

Кион еще раз осторожно дернул решетку и понял, что без рычага ее невозможно будет опустить. Тогда он попытался пролезть между прутьями, но они слишком близко располагались друг к другу, Кион был слишком плотным для этих зазоров. Бард осмотрелся и увидел под ногами чью-то кость. Он схватил ее, просунул руку через решетку насколько это позволяли кандалы на его запястьях и, прицелившись, кинул костью в рычаг. Кион попал, но никакого эффекта это его действие не возымело, рычаг даже не дернулся. И что теперь ему делать? Кион не собирался сгнать в пасти кровожадного зверя.

Он еще раз подергал решетку, но она так и не поддавалась. Кион безнадежно вздохнул и стал шарить рукой среди обглоданных костей, подавляя отвращение. Он нашел кость, которую неведомый зверь с пещеры так сильно грыз, что даже умудрился заострить один ее конец. Кион схватил кость, чувствуя себя несколько увереннее, чем до этого. Кость послужит ему таким оружием, заточкой.

Бард снова дернул решетку, но она упорно не поддавалась. Что ж, придется Киону идти в пещеру. Там он разберется с диким зверем, а когда стражник вернется — Кион был уверен,

что вернется, ведь кто-то же опускал решетку у входа — сам бросит его в эту пещеру и закроет вход решеткой, после чего угонит повозку и скроется с глаз. Куда он направится, рыжий бард еще не придумал, да и сейчас это было не важно. У него будет потом масса времени, чтобы продумать себе маршрут.

Кион опасно шагнул в темноту пещеры, одной рукой он держался за стену, а вторую, с костью, выставил вперед так далеко, как позволила короткая цепь на запястьях. Глаза не желали привыкать к темноте после яркости дневного света и Кион, по сути, шел вслепую. Странно, но никаких запахов бард не чувствовал, хотя был уверен, что крупный зверь, обитающий в пещере, точно должен был оставить какие-то следы своего пребывания, чтобы другое зверье не позарилось на его жилище.

Кион бесшумно продолжил идти вперед. Его глаза стали приспосабливаться к темноте и даже четко начали различать очертания свода пещеры, словно бы Кион был какими-то ночным животным, который прекрасно видел в темноте. Но уже через минуту до барда дошло, что он не обзавелся подобным зрением, все дело было в веренице тусклых свеч, которые стали попадаться ему на пути, освещая дорогу дальше в пещеры.

Кион присел возле одной свечи, стоящей на земле. Она практически догорела, остался только совсем маленький ее кусок. Зачем дикому зверю свечи в пещере? И если там сидит не дикий зверь, то зачем запирает этого человека и приводит ему отправленных на виселицу преступников?

Киона осенило и он резко поднялся на ноги, снова угрожающе выставив заостренную кость вперед. Некромантия. Там, в глубине пещеры, наверняка сидит некромант и проводит на телах осужденных свои странные опыты. Некромантия была запрещена в королевстве и одно время, примерно десятилетие назад, на некромантов шла жестокая охота. Королю удалось истребить огромное количество темных колдунов, а те, что смогли избежать участи своих братьев, исчезли в лесах и больше никто не слышал об этой запретной магии. Кто бы мог подумать, что Элияр Аделла в тайне от народа держит при себе некроманта и даже дает ему материал для его бесчеловечных опытов в виде «повешенных».

Кион осторожно продвигался вперед по освещенному вереницей свеч пути. Некроманты опасны, но только если среди них выются порождения их темной магии — зомби, скелеты и прочая нечисть. В одиночку против искушенного воина некромант не сможет справиться, его магия годится только для призыва и оживления мертвого тела. Так что Кион вполне мог бы справиться с некромантом сам, если у того не будет его не совсем живых слуг, в чем рыжий бард сильно сомневался. Перед входом в пещеру было столько много костей, что из них тоже можно было легко сострять себе гротескного костяного голема, не говоря уже о том, что наверняка внутри пещеры будет еще больше подобных существ.

Но как бы далеко не продвигался Кион, никакие зомби или скелеты ему по пути не попадались. Более того, не было даже ни намека на них. Узкий проход пещеры вильнул в одну сторону, затем во вторую и перед Кионом забрезжил свет, идущий откуда-то впереди. Рыжий бард понял, что он достиг конца пещеры — как только он повернет за угол, он либо наткнется на логово некроманта, освещенное множеством свечей, либо просто с потолка будет литься солнечный свет, прогоняя тьму в глубине пещеры. Что, впрочем, тоже не мешает некроманту устроить свое логово. Вопреки распространенному мнению, что, раз магия эта темная, то и твориться она должна в темноте ночи, некроманты на самом деле спокойно создавали себе армию нежити и при свете дня.

Кион аккуратно завернул за угол и его глазам предстало просторное помещение внутри

пещеры. Как и предполагал бард, дальше путей не было, пещера закончилась. С потолка откуда-то и правда пробивался солнечный свет, освещая эту природную комнатушку, но помимо него вокруг по всему пространству стояли свечи, однако зажжены были только некоторые из них. В углу на каменном постаменте находилась импровизированная кровать, где вместо одеяла были шкуры животных. В другом углу Кион заметил нечто вроде очага, но сейчас огонь не горел. Рядом с ним стоял старый узкий деревянный стол с покосившейся ножкой, вокруг которого выстроились два таких же покосившихся стула. В центре пещеры лежала еще одна шкура, кажется, медведя. На эту шкуру и падал солнечный свет сверху, но что было самое примечательное, так это то, что в центре этого освещенного участка в тихом танце кружилась хрупкая девушка с длинными, абсолютно белыми волосами. Одета она была в черное платье, подол которого изнашивался так, что свисал лоскутами к ее босым ногам. Никаких скелетов или зомби в пещере не было.

Кион не таясь вышел из-за угла. Ему опасаться было нечего, эта девчушка сейчас была одна и даже будь она некромантом, против живого Киона она ничего не сможет сделать. А вот сам бард легко справится с хрупкой красоткой. Но нужно ли это было?

Девушка в своем немом танце развернулась к Киону и наконец заметила незваного гостя в своей пещере. Она резко остановилась и бард решил, что девушка испугалась, но в ее необычайно ярко-голубых глазах застыло одно лишь любопытство. Кион опустил руку с костью, краем глаза заметив, что ее оплела паутина, а затем элегантно поклонился белокурой девушке, словно бы оба были аристократами и не были одеты в эти лохмотья.

— Добрый день, — поздоровался Кион и выпрямился. Он заметил, что девушка теперь смотрит на него с какой-то искренней детской радостью.

— Король привел еще человека, — воскликнула она своим звонким голосочком, — Я уж думала, он про меня забыл.

Кион насторожился. Так значит король и правда в сговоре с этой некроманткой. Барду следовало бы вести себя с ней предельно осторожно. Кто знает, может, она прячет своих зомби где-нибудь за стеной?

— Я уже давно ничего не ела, — пожаловалась девушка и сделала шаг вперед к своему внезапному гостю, — Уж думала, обо мне все забыли.

Кион нахмурился и глянул на хозяйку пещеры. Он что, должен был передать ей объедки с королевского стола? Но его так быстро запихнули в повозку, что про еду для темной колдуньи и вовсе забыли? Кион посмотрел на кость на своей руке и вспомнил, что все они были обглоданы перед входом в пещеру. Неужели девчушка настолько озверела, что начала грызть кости?

Кион хотел было перевести взгляд обратно на белокурую, но снова заметил паутину у себя на руке, только теперь она протянулась до его локтя. В тот момент Кион еще не понимал, с кем имеет дело, а потому не слишком придал паутине внимания, иначе он бы тут же развернулся и бросился бы ко входу в пещеру, в надежде выломать решетку. Но Кион все еще думал, что перед ним некромант, а потому искренне считал, что легко справится с одной колдуньей, лишь бы она не вызвала нежить себе на подмогу. Но девушке в черном платье не нужна была подмога. Она сделала еще один шаг к своему гостю, расплывшись в довольной улыбке.

— Надеюсь, на этот раз король прислал мне кого-нибудь без тяжелых преступлений, — произнесла она, не сводя своих неестественно ярких голубых глаз с рыжего барда, — Все эти преступники мне уже надоели, их воспоминания слишком однообразные и скучные. Я хочу

чего-то более нового.

Одним прыжком девица оказалась как раз перед носом Киона и обвила его шею руками, заглянув тому в глаза. Кион даже сообразить ничего не успел, так быстро и ловко она очутилась перед ним. Девица улыбнулась, обнажив два острых клыка и Киона пробил озноб. Он понял, в чьей пещере ему не посчастливилось оказаться. И лучше бы его закинули к некроманту с его армией нежити, чем к этой хрупкой на вид девице.

Кион бросил взгляд на свою руку и заметил, что паутина поднялась еще выше. Паутину видели только будущие жертвы этих ведьм, что в свою очередь означало скорый конец этих жертв. Если ведьма с белыми волосами пометила кого-то паутиной, то можно было смело вычеркивать такого человека из книги жизни.

Кион снова заглянул в яркие голубые глаза девушки. Как же ему так не повезло и он попал в логово ведьмы-людоедки? Она скоро схарчит его мозг и даже не подавится, после чего в качестве развлечения получит все воспоминания барда. Права была Эльвира, интрижки со знатными леди Киона в итоге не довели ни до чего хорошего. Он остался без цапек и украшений, в прямом смысле слова с голым задом. И остался без сапфировой звезды. А теперь еще и с жизнью распрощается. Кион прикрыл глаза, напоследок заметив, что паутина поднялась по его руке еще выше. Против этой ведьмы он ничего не сможет сделать и рыжий бард мужественно начал ожидать свой конец.

ГЛАВА 4

Беловолосая людоедка сильнее стиснула руки на шее своей новой жертвы. Кион кое-что слышал об этих ведьмах. Известно было только о трех и где они находились, не знал никто. Похоже, Кион обнаружил логово одной из них. И не только он — король скармливал ведьме неугодных ему людей. Неужели у них договор?

Паутина начала подниматься уже не только по руке, но и по всему телу рыжего барда. Когда она покроет собой всего Киона, тогда он и распрощается с мозгом. Насколько знал бард, больно ему не будет — паутина была некой иллюзией, которая не только помечала будущих жертв людоедок, но и затуманивала им разум, погружая в приятные видения, в результате чего их жертвы становились уязвимыми и податливыми. Примерно так же и действует паук, разве что паутина у него вполне реальная.

Кион ухватился за эту мысль, как за спасительную соломинку. Паутины не существует, она ему только кажется, это иллюзия. Паутина покрыла уже обе ноги барда и он засомневался, что она нереальна. Ведьма заглянула ему в глаза и мило улыбнулась, будто они были близкими любовниками, а не хищником и жертвой. Кион почувствовал себя в шкуре знатных леди, которых он все это время обкрадывал. Неужели они чувствовали себя так же, как и он сейчас перед этой людоедкой? Вспомнив довольные лица женщин, которые оставались такими даже когда их мужья преследовали Киона, гневно махая руками в его сторону, Кион понял, что все эти женщины вообще не чувствовали себя жертвами кражи.

Ведьмы-людоедки слыли коварными и хитрыми существами. Не подкидывай король неугодных людей этой ведьме в логово, она сама нашла бы способ заманивать к себе жертв. Киону поначалу казалось странным то, что ведьма живет в лесу и не покидает пещеру, хотя, по сути, может сделать это в любой момент и даже решетка на входе ей не помешает. Но потом бард понял, что ей просто нет смысла покидать это место — король приводил сюда жертв специально для нее, так зачем ей куда-то бежать? Кион вспомнил, как часто на площади проводились подобные «казни» с виселицей и понял, что людоедка вообще не

голодает.

Паутина поднялась еще выше. Рыжий бард смекнул, что нужно скорее что-то делать, но что он мог предпринять против ведьмы? Он не умел пользоваться магией, только мечом, но сейчас оружия при нем не было. Кион с горечью подумал, что все, что он мог сейчас сделать — это использовать свое красноречие, но вряд ли ведьма поведется на его сладкие слова.

Паутина начала уже покрывать живот барда и Кион запаниковал. Поведется ведьма или нет, он не узнает, пока не попробует. Он хотя бы попытается выбраться из этой ситуации и если ему для этого придется очаровать людоедку, то пусть будет так.

— Знал бы я, что меня привезут в дом такой красивой леди, я бы приоделся получше и захватил с собой букет цветов, — начал Кион с откровенной лжи и лести.

Ведьма странно на него глянула своими ярко-голубыми глазами. Милая улыбка слетела с ее губ. Неужели Кион допустил ошибку? Или она сразу поняла, что он всего лишь пытается избежать участи быть съеденным? У барда заколотилось сердце, а дыхание остановилось. Он посмотрел в ответ на ведьму, которая, казалось, ждала чего-то.

— И что потом? — не выдержав, спросила она.

— А что потом? — растерялся Кион.

— Что бы ты делал, если бы пришел приодетый и с букетом цветов?

Кион моргнул. Она что, повелась на его речи? Вот эта могущественная ведьма? Да быть не может! Кион решил, что людоедка попросту играет с ним, но на всякий случай все же обрадовался тому, что его участь быть съеденным хотя бы отодвинулась на неопределенный срок. Бард нацепил на лицо мечтательную улыбку, на какую только был сейчас способен и вновь заглянул в голубые глаза ведьмы.

— Будь у меня букет, я бы, разумеется, подарил его Вам, такой прекрасной леди, — начал он всю применять свое природное обаяние на ведьме, — Мы бы попили чаю, поговорили, узнали бы друг друга получше.

— Чтобы узнать тебя получше, мне всего лишь нужно съесть твой мозг, — перебила его ведьма и щекой прижалась к голой груди Киона.

Бард застыл на месте. Это было бы даже приятно, если бы она не собиралась его съесть. Продолжая мечтательно улыбаться, как идиот, Кион снова принялся красиво врать.

— Тогда Вы, прекрасная леди, поняли бы, что мои чувства искренни. Я влюбился в Вас, едва завидев.

Ведьма подняла голову и снова посмотрела на Киона. В глазах людоедки отразилось нечто похожее на любопытство и Кион понял, что не прогадал. Может, она и ведьма, но в первую очередь она — женщина, а значит, наверняка тоже любила комплименты. От этой мысли рыжий бард даже приободрился. Он был уверен, что своим искусным языком сумеет выдать людоедке просто тонну комплиментов. А когда она ослабит бдительность, то Кион попросту сбежит. Правда, нужно было что-то еще сделать с решеткой, так что придется Киону просчитывать свои шаги заранее. Шанс убежать у него будет только один.

— Могу я узнать Ваше имя, прекрасная незнакомка? — продолжил Кион свой спектакль. Зачем ему нужно было имя ведьмы, он и сам не знал, но правила хорошего тона обязывали его об этом спросить, хотя вряд ли людоедка знала, как следует вести себя в приличном обществе.

Беловолосая девушка хихикнула и наконец-то отлепилась от барда, сделав шаг назад и в танце покрутившись вокруг своей оси. Пока она выполняла эти движения, Кион быстро глянул вниз. Паутина застыла на уровне его живота. Значит, ведьме и правда стало

любопытно и она решила пока не тянуть свою иллюзию дальше. К сожалению, она не стала убирать ее полностью, так что Кион все еще находился в опасности. Надо бы ему об этом постоянно помнить и случайно не разозлить ведьму, иначе он распрощается не только с жизнью, но и с мозгом, а значит, со всеми своими воспоминаниями тоже.

Беловолосая повернулась обратно к Киону и хитро глянула на него своими яркими глазами. Она с минуту разглядывала его с улыбкой на кроваво-красных губах и барду даже стало немного не по себе, однако он не снял с лица придурковато-мечтательного выражения и просто терпеливо ждал ответа ведьмы.

— Взамен своего имени я хочу знать твое, — нагло заявила людоедка.

Кион элегантно поклонился, а когда выпрямился, то посмотрел прямо в глаза ведьмы и тоже нагло соврал, продолжая свой спектакль.

— Меня зовут Даниэль. Так могу я узнать Ваше имя?

Людоедка смерила его оценивающим взглядом. Рыжий бард внутренне напрягся. А что, если она умеет отличать правду от лжи и сейчас поняла, что Кион представился ей чужим именем? Кион тут же отмел эту мысль. Если бы беловолосая ведьма умела различать ложь на ходу, она бы сразу поняла, что рыжий бард блефует и явно не стала бы участвовать в этой сценке. Для развлечения ей достаточно было попросту съесть мозг Киона и увидеть все его воспоминания, однако ведьма не спешила этого делать, а значит, у Киона еще был шанс выбраться отсюда живым и, возможно, невредимым. Или как минимум, со своими воспоминаниями.

— Меня. Зовут, — людоедка специально тянула слова, словно бы пыталась заинтриговать своего собеседника, но тот думал только о побеге, однако все же нацепил на лицо любопытное выражение. Ведьма тут же довольно хихикнула, решив, что полностью завладела вниманием Киона, — Я Сэра.

— Сэра, — повторил Кион и ведьма довольно улыбнулась. Рыжий бард неожиданно заметил, что паутина вновь начала подниматься вверх по его телу, но старался не паниковать. Вместо этого он отвесил людоедке очередной комплимент и паутина снова остановилась, — Сэра, Ваши волосы прекрасны, как полная луна в ночном небе.

— Тебе нравятся мои волосы? — воскликнула ведьма и подскочила к обескураженному Киону, схватив его за руку, — Я за ними постоянно ухаживаю, но еще ни один из моих гостей даже не заметил их красоты.

«Потому что они были напуганы и моментально съедены», — подумал Кион, но вслух произнес совершенно другое.

— Это было очень грубо с их стороны. Невозможно не заметить красоту таких длинных волос.

— Что верно, то верно, — довольно кивнула Сэра и взмахнула своими белыми волосами.

Кион понял, что он нащупал слабость этой ведьмы — ее волосы. Теперь главное почаще сыпать комплименты в их адрес, но не переусердствовать, иначе ведьма заподозрит неладное, а то и вовсе поймет, что каждая фраза барда — это чистая ложь. Киону нужно усыпить ее бдительность, а если повезет, то и вовсе уйти отсюда с разрешения этой барышни, но бард был уверен, что ее разрешения он не получит никогда, так что в любом случае придется бежать.

Ведьма покосилась одним хитрым ярко-голубым глазом на своего гостя и у Киона снова дыхание сперло. Неужели она поняла, что он блефует? Но следующая фраза Сэры заставила

его сильно удивиться и слегка расслабиться.

— Пожалуй, я повременю с твоими воспоминаниями, — произнесла ведьма, — А взамен ты составишь мне компанию. В этой пещере так одиноко.

— Даже не могу себе представить, насколько, — отозвался Кион.

Ведьма мило улыбнулась и указала Киону на стул, приглашая его присесть. Чувствуя, как ноги его подводят, рыжий бард занял предложенное ему место и заметил, что паутина отступила. Сейчас она была не выше его коленей. Ведьма все еще не до конца ему доверяет. Значит, нужно постараться усыпить ее бдительность любыми средствами, к которым у Киона был доступ. А доступ у него был только к собственному красноречию, которое он годами оттачивал на различных богатеньких женщинах.

— Как так получилось, что такая красотка живет в пещере? — спросил Кион и наивным взглядом уставился на ведьму.

— Куда еще мне идти? — вздохнула Сэра и села на другой стул напротив Киона, — Если люди узнают, что для выживания мне нужно есть чужие мозги, меня поймают и сожгут на костре.

Кион покивал для отвода глаз, но сам считал, что лучше бы король сжег ведьму, а не кормил ее преступниками. Для чего она ему вообще? Никто в столице даже не знает, что у них под боком живет людоедка, так что ведьма нужна королю явно не для запугивания народа. С этим Элияр Аделла и сам прекрасно справляется с помощью своего тяжелого характера. Тогда зачем он отдает преступников на съедение ведьме?

Киону очень хотелось это узнать, но он понимал, что нельзя ведьму напрямую спрашивать об этом. Нужно ее подтолкнуть к этой теме разговора, но бард боялся этого делать. Наверняка Сэра поймет, что он пытается выведать ее тайны. Будь перед ним какая-нибудь знатная леди, Кион уже давно бы ее окучивал подобными расспросами, но перед ним сидела могущественная ведьма, которая пока не стала есть его мозги только потому, что Киону повезло нащупать ее слабость в виде ее волос. Но они оба понимали, что долго так просто они не просидят. Вскоре ведьме все наскучит и она захочет завершить свой пир. К тому времени Киону нужно придумать, как выбраться из пещеры и поднять треклятую решетку у входа.

— Вы могли бы переселиться в какую-нибудь деревню поблизости от главного тракта, — предложил Кион. Он сам не верил тому, что дает ведьме такую ценную идею, — Поедать людей в деревне не стоит, но вот незадачливых путников, проходящих мимо по дороге, вполне можно. Их все равно никто не хватится. Все просто будут думать, что эти путешественники продолжили идти своей дорогой.

Сэра задумалась и Киону стало страшно от собственных слов. Вот и зачем он подал ей такую великолепную идею? Теперь если ведьма решит последовать его совету, в какой-то деревне поселится чудовище, а потом начнут расходиться слухи, что в той стороне пропадают люди и пройдет не много времени, прежде чем людоедка начнет хавать уже жителей деревни из-за того, что путешественники просто станут обходить ту дорогу стороной. Впрочем, если эта идея поможет Киону выбраться отсюда, то кто он такой, чтобы сожалеть о сказанном? Рыжий бард поерзал на месте, терпеливо ожидая, когда же ведьма перестанет об этом размышлять.

— Давай сюда, — неожиданно произнесла Сэра и протянула обе руки к Киону, словно бы ожидала чего-то от него. Кион непонимающе глянул на девушку и она пояснила, — Твои цепи на руках. Давай сниму.

Бард протянул свои скованные руки к беловолосой ведьме. К счастью, он успел бросить кость на пол до того, как присел на стул, иначе сейчас пришлось бы показывать людоедке его не слишком изысканное оружие. Ведьма ухватила своими тонкими пальчиками за тяжелые кандалы на руках Киона и бард усмехнулся. Ага, конечно, снимет она их, как же. Да тут как минимум понадобятся специальные инструменты, а не голые изящные ручки. Но к его удивлению, Сэра одним движением сорвала все цепи с его рук, словно это была бумага. Кион уставился на кандалы в руках ведьмы, которые она затем бросила на пол и, повернувшись к барду, так мило ему улыбнулась, будто бы сейчас не порвала толстые цепи, а развязала тонкие ремешки на его запястьях.

Киона всего затрясло и он почувствовал настоящий животный страх, заворочавшийся у него где-то в животе. Бард уже даже думать забыл о том, что ему нужно носить любезную маску. Вместо нее на лице у него застыла гримаса ужаса, а в затылке неприятно закололо и повеяло холодом. Да эта ведьма сумеет его переломить одним движением, как тростиночку. Кион моргнул, потом еще раз и окончательно понял, что он находится в логове страшного зверя. Красивого, но страшного в своей силе. Колени барда затряслись под столом и Кион порадовался, что ведьма их не видит. Руки начала бить мелкая дрожь и бард поспешил спрятать и их тоже под столешницу, положив ладони на трясущиеся колени. По спине у него потекла холодная струйка пота, но Кион все же нашел в себе силы улыбнуться ведьме в ответ.

— Это было... завораживающе, — запнулся Кион и незаметно для людоедки вдохнул побольше воздуха в грудь, стараясь успокоиться. Все же паутина пока не поднялась выше его колен, а значит, ведьма не собиралась есть его мозг в ближайшее время. И это означало, что Кион пока что в безопасности. Пока что.

— Ты не испугался? — воскликнула Сэра и стала сверлить барда своими яркими глазами.

— Скорее удивился, — соврал Кион.

Людоедка хихикнула и подперла подбородок обеими руками, продолжая смотреть на барда, которому от ее взгляда стало тошно и страшнее, но он все же сумел сохранить на лице безмятежную улыбку.

— Обычно люди боятся, когда видят мою силу, — призналась Сэра, — Я рада, что ты не испугался.

«Да я чуть в штаны не наложил», — подумал Кион. Он мило улыбнулся ведьме и она в ответ расплылась в улыбке. Колени барда продолжала бить дрожь, а по спине стекла еще одна липкая и холодная струйка страха. Кион порадовался тому, что ведьма сейчас не видит его обнаженную спину, иначе кто знает, как бы она отреагировала на его откровенную ложь.

Кион ее боялся. Он еще никого в жизни своей так не страшился, тем более женщины. Даже когда он улепетывал от очередного разъяренного мужа соблазненной бардом аристократки, Киону было весело, а не страшно. Но сейчас, сидя наедине с людоедкой, у которой просто нечеловеческая сила, Кион откровенно ее боялся.

Сэра поднялась с места, напугав этим своего гостя еще больше. Людоедка подошла к некоему подобию чайника и разлила воду по двум глиняным чашкам, после чего в каждую из них закинула по какому-то огромному сухому листу и подвинула одну чашку Киону.

— Это чай, — произнесла она таким обыденным тоном, словно они были аристократами и сейчас где-то в замке собрались попить чайку. Киону пришлось приложить немало усилий, чтобы унять дрожь в ладонях и отпить от чашки. К его удивлению,

заваренный ведьмой напиток не только оказался вполне себе сносным на вкус, но и помог барду слегка успокоиться после увиденной нечеловеческой силы людоедки.

— Очень вкусно, — соврал Кион и для убедительности отпил еще глоток. Чай не был вкусным, в нем не хватало молока и сахара, но пить его вполне можно было.

— Я так рада, — засияла ведьма и одним глотком осушила половину своей кружки, — Ты хороший собеседник. Я бы хотела оставить тебя при себе, но это невозможно.

— Почему? — поинтересовался Кион. Если ведьма оставит его в пещере, это значило, что она не станет есть его мозг. По крайней мере, в ближайшее время. Пока что Киона это вполне устраивало.

— Тебя нужно кормить, — безжалостно заметила Сэра, совершенно не замечая того, как от ее слов поморщился бард, — А король не станет присылать лишних припасов для моего питомца.

— Я бы мог собирать грибы, — тут же предложил Кион, сознательно сделав вид, что его вовсе не задели слова Сэры о питомце, — Вокруг растут грибы, верно?

— Растут, — кивнула ведьма, — Иногда мне приходится кормиться ими, когда король обо мне забывает.

Кион спрятал неприятную гримасу за чашкой с чаем, создавая вид, что делает глоток. Слова ведьмы о том, что король ее забывает, означали только одно — не часто сюда привозят пленников. Но в столице довольно много людей отправились «на виселицу» за последний месяц. И если они не все были доставлены Сэре, то куда они подевались?

— Так что насчет грибов? — спросил Кион и сделал невинное лицо. Если он отправится собирать грибы, он сможет легко сбежать от ведьмы. Осталось только убедить ее, что он ее питомец и попросить в ближайшее время выйти в лес за этими треклятыми грибами. Разумеется, их Кион собирать не будет, он просто бросится наутек сразу же, как окажется на свободе.

— Они растут неподалеку, — простодушно ответила Сэра, даже не замечая того, что ее откровенно надурили, — Совсем рядом с пещерой. Я не часто их собираю, так что кое-что должно остаться.

— В таком случае я отправлюсь за ними прямо сейчас, — Кион поднялся из-за стола, не допив свой чай. Он заметил, что паутина на его ногах никуда не делась. Значит, ведьма все еще хочет его съесть, — А как вернусь, приготовьте мне грибной суп, о прекрасная леди?

Сэра с подозрением на него посмотрела своими ярко-голубыми глазами и Кион поспешил отвесить ей несколько комплиментов о ее бесподобных белоснежных волосах. Это сработало и ведьма расплылась в довольной улыбке. Кион ушам своим не поверил, когда Сэра разрешила ему покинуть ее жилище. Он не думал, что ему вот так просто удастся одурачить людоедку. Бард уже направился было в сторону выхода, но вспомнил о препятствии у входа.

— Кстати, а как мне опустить решетку? — спросил он.

— О, это будет не трудно, — загадочно ответила ведьма и поднялась на ноги.

Она направилась к выходу, на ходу сделав знак следовать за ней. Кион послушно поплелся следом, ощущая некую тревогу. Что ведьма собирается сделать с решеткой? Разорвать ее так же, как и кандалы на руках барда? Кион почему-то даже не сомневался, что ей это легко удастся.

Они прошли извилистым коридором пещеры и вскоре оказались перед решеткой. Сэра хитро глянула на Киона и подошла к ограде, закрывающей вход в пещеру. Рыжий бард

внутренне весь сжался, приготовившись вновь испытать животный страх перед этой ведьмой, но к его удивлению, Сэра просто пнула босой ногой один из прутьев и решетка опустилась под землю, издав недовольный лязг.

— Вот и все, — сказала ведьма, весело улыбаясь.

Кион стоял с выпученными глазами. И все? Просто пнуть решетку и она упадет вниз? Сколько он ее тряс, даже запустил костью в рычаг, ничего не помогло, а нужно было просто пнуть? У барда на лице читалось явное удивление, смешанное с разочарованием. Если бы он знал об этом раньше, ему бы не пришлось встретиться с людоедкой внутри пещеры. Раздался тихий смешок и Кион перевел взгляд на Сэру.

— Чтобы решетка опустилась, нужно приложить определенную силу, — заметила она, — Сомневаюсь, что тебе удалось бы самому ее опустить.

— Да, наверное, — Кион потер в затылке, но следующие слова ведьмы заставили его буквально остолбенеть на месте.

— И раз ты собрался за грибами, разве ты не должен был взять с собой какую-нибудь тару, чтобы складывать их туда?

Кион не нашелся, что ответить. Он только невинно улыбнулся ведьме, надеясь этим усыпить ее бдительность. Но вдруг бард заметил, что паутина начала ползти по его телу с ужасающей скоростью. Не говоря ни слова, он бросился в лес, а позади себя услышал громкий хохот людоедки.

— Ты не сможешь сбежать далеко, моя магия настигнет тебя раньше!

Кион знал, что ведьме нужно видеть или чувствовать его присутствие, чтобы ее паутина полностью оплела его тело и погрузила в приятные иллюзии, пока сама ведьма будет наслаждаться его мозгом и воспоминаниями. Поэтому сейчас ему нужно бежать как можно дальше и быстрее от людоедки, а затем затеряться среди деревьев. Как только она упустит его из виду и не будет точно знать, где он находится, ее магия ослабнет и паутина сойдет с тела Киона.

Он бежал по лесу, как ненормальный, перепрыгивая кочки и небольшие овраги. Кион знал, что ведьма наверняка погонится за ним, а потому принялся петлять между деревьями, все дальше и дальше углубляясь в лес. Паутина продолжала тянуться вверх по его телу, она уже добралась до шеи барда. Еще немного и он рухнет на землю, погрузившись в иллюзии. Быть может, он даже подумает, что сумел сбежать, а на самом деле это просто окажется проявлением магии людоедки.

Не замедляя хода, Кион пробежал между деревьями, одна ветка хлестнула его по лицу, но барда сейчас это вовсе не заботило. Главное было — скрыться от ведьмы, чтобы она потеряла его из виду и даже не знала, в какую сторону он сбежал. Кион пробежал мимо еще нескольких деревьев, потом резко завернул и завалился в кусты, стараясь даже не дышать. Паутина на его теле слегка отступила и Кион понял, что ведьма упустила его. Он осторожно начал пробираться практически вслепую через кусты, стараясь не шуметь. В нескольких метрах от себя он услышал чьи-то легкие шаги и гневное сопение. Ведьма. Она неустанно его преследовала.

Кион затих и ухмыльнулся про себя. Знала бы она, что ее жертва находится буквально у нее под носом. Паутина постепенно сползала с тела барда и тот убедился, что ведьма окончательно его потеряла. Она даже примерно не знала, где он находится, иначе ее паутина уже полностью бы захватила всего Киона, отправив его в сладкие приятные грезы. На секунду барду даже стало любопытно, как бы выглядели иллюзии Сэры, но ему хватило ума

не покидать своего укрытия, пока ведьма не отдалилась на достаточное расстояние. Тогда Кион потихоньку выполз из кустов, снял с волос запутавшийся в них листик — это было очень важно, а затем, пригибаясь, направился в противоположную сторону от той, куда ушла людоедка.

Рыжий бард прокрался сквозь деревья и вскоре снова вышел к пещере. Он и сам не понял, как у него это получилось, ему казалось, что он отдаляется от жилища ведьмы, а не наоборот. Кион в растерянности посмотрел в черноту входа в пещеру. И что ему теперь делать? Быть может, у ведьмы в логове есть какая-то карта, которая выведет его из леса? Кион размышлял не долго. Он бросился в черноту пещеры, надеясь на то, что ведьма не вернется домой раньше, чем он закончит с поиском карты. Вряд ли она ожидает, что он вернулся в ее пещеру.

Кион пробежал по тускло освещенному свечами тоннелю и выскочил в комнату ведьмы, где еще недавно они вдвоем так мило пили чай. Рыжий бард принялся обыскивать и без того скудно обставленное помещение, но ничего, похожего на карту, он не нашел. Даже более того, он не нашел ни единой бумаги. Кион выпрямился и выругался в пустоту. Только зря потратил время.

Он развернулся и бросился к выходу. Ничего, без карты Кион тоже сумеет выбраться из леса. По крайней мере, он на это надеялся. Но как только бард вышел из пещеры и сделал буквально два шага прочь от нее, он услышал за спиной хруст ветки, а когда обернулся, то едва не закричал от отчаяния и страха. Людоедка стояла позади него, в ее ярко-голубых глазах зажегся хищнический огонь. Ведьма довольно улыбнулась, этой гримасой буквально припечатав Киона на месте.

— Вот ты где! — радостно воскликнула она.

Паутина, уже практически полностью сошедшая с его тела, вернулась и начала вновь стремительно подниматься вверх. Кион понял, что на этот раз убежать ему не удастся, а вступать в открытый бой против Сэры было явное самоубийство. Кион в панике осмотрелся и увидел под ногами помимо обглоданных костей еще и несколько тяжелых камней. Треснуть бы таким по черепушке ведьмы. Вряд ли она помрет, но Кион надеялся, что она хотя бы потеряет сознание и он тогда сумеет сбежать.

Кион попятился и сделал вид, что запнулся. Он упал на землю и приземлился как раз рядом с одним из камней. Бард незаметно сжал его в ладони, а руку завел за спину, делая вид, что пытается уползти. Сэра с каким-то особым ехидством наблюдала за его потугами. Она начала медленно приближаться к барду и тот замер. К своему стыду, Киону даже не пришлось изображать перед людоедкой страх, он был до чертиков напуган. Но именно этот животный первобытный страх и подгонял его на действия, которые, как надеялся Кион, помогут ему унести отсюда ноги и остаться в живых.

Паутина доползла уже до груди. Еще немного и от барда останутся только воспоминания. Буквально — ведьма будет развлекаться по вечерам, просматривая все, что успел натворить Кион за свою короткую жизнь. Сэра подошла к нему вплотную и бард перестал пытаться уползти. Ведьма присела рядом на корточки и заглянула своей жертве в глаза.

— Не волнуйся ты так. Больно не будет, — ласковым голосом пообещала она, словно бы успокаивала ребенка перед походом к доктору, — Мои иллюзии тебе понравятся.

— Да? И что же в них такого будет? — спросил Кион. Отчасти он тянул время и отчасти ему и правда было любопытно, что там такого могла наколдовать Сэра.

— Это зависит от тебя. Все мои иллюзии подстраиваются под желания жертвы, — ведьма пригнулась чуть ниже и ласково провела рукой по рыжим волосам Киона, — Но еще никто не жаловался.

«Это потому что ты потом съедала их мозги», — подумал Кион. Паутина начала уже покрывать его шею и Сэра, мило улыбнувшись, наклонилась еще ниже, не спуская своих ярких глаз со своей добычи. Кион посильнее сжал камень в руке, выждал момент, а когда паутина начала неприятно ползти по его лицу и Сэра нагнулась еще ниже, предвкушая скорую трапезу, бард набрал в грудь побольше воздуха, резко замахнулся и ударил ведьму тяжелым камнем по голове. Кажется, он попал ей прямо в висок.

К его удивлению, людоедка от неожиданной атаки вскочила на ноги и прижала руку к окровавленной ране, вместо того, чтобы упасть на землю без сознания. Она с шоком в глазах посмотрела на Киона и тот понял, что теперь-то ему точно конец. Допрыгался, как и предупреждала его Эльвира. Но неожиданно ноги ведьмы подкосились и она рухнула на четвереньки рядом с бардом. Она вскинула голову, взмахнув своими белыми волосами.

— Нет, ты моя жертва, я хочу съесть тебя, — прошептала она и из последних сил протянула руку к барду.

Паутина уже начала заволакивать глаза Киона и тот отполз от ведьмы подальше. На краю зрения он заметил очертания большой комнаты с богатым убранством, но по центру все еще был лес и ведьма, сидящая на земле. Кион понял, что начинают действовать ее иллюзии. Он поднял второй камень с земли и швырнул его в сторону Сэры. Кион попал ей прямо в лоб и едва не рассмеялся от того, как комично это выглядело. Ведьма дернула головой от удара, секунду просидела прямо, а затем без чувств рухнула на землю.

В ту же секунду очертания богатого зала пропали и Кион ясно увидел лес и бесчувственную ведьму перед собой. Паутины на нем уже не было и бард шумно выдохнул от облегчения. Он осторожно подполз к людоедке и заметил, что она едва дышит. Живая, значит. Кион поднял с земли тяжелый камень и несколько долгих секунд боролся с желанием прикончить ведьму, но в итоге передумал и опустил руку, бросив камень куда-то в кусты. Если он оставит ведьму в живых, то король решит, что она разделалась с наглым рыжим бардом так же, как и с другими преступниками до этого, а значит, никто его в розыск не объявит. Барда это вполне устраивало и он, тяжело поднявшись на ноги, зашагал куда-то прочь от логова ведьмы.

* * *

Кион и сам не знал, сколько дней ему потребовалось на то, чтобы выйти из леса. Пару раз он едва не натолкнулся на медведя, но сумел вовремя избежать этой неприятной и опасной встречи. Все эти дни бард питался ягодами и пил воду из прозрачного ручья, так удачно пробегающего в лесу, но этого явно не хватало и Кион чувствовал, что ослаб.

В конечном итоге ему повезло и он сумел выйти из леса. Перед ним раскинулось поле, которое активно использовалось для различных посевов, в том числе и овощей. Кион бросился к нему и, выкопав несколько морковок, быстро вытер их об штаны и съел, наплевав на остатки земли на этих овощах.

На улице уже смеркалось, а потому до Киона не сразу дошло, что впереди, дальше от поля была какая-то деревня. Только когда зажглись свечи в домах и этот свет стал виден через окна, мутное и обессиленное сознание Киона зацепилось за источник света. Он пошел

вперед и из последних сил постучал в первый же дом, до которого сумел добраться. Дверь не сразу отворилась, но когда хозяин появился на пороге, то вид у него был недружелюбный. И словно насупившихся бровей было мало, он еще держал в руках раскаленную с одного конца кочергу. Смерив грязного и в лохмотьях барда своим тяжелым взглядом, мужчина поморщился с отвращением.

— Иди отсюда. Мы нищим не подаем, — он сплюнул прямо под ноги Киону и бесцеремонно закрыл перед его носом дверь, после чего послышался лязг закрываемого засова.

Кион ошарашенно уставился на закрытую дверь. Он ведь даже не успел ничего сказать. А вдруг он оказался бы принцем, попавшим в плен? И за помощь эти крестьяне получили бы крупное вознаграждение. Кион забарабанил по двери, вывалив все свои идеи, но из дома только донесся приглушенный хохот.

— Ага, конечно! А я тогда — принцесса Ангелина, — смеялся хозяин дома, даже и не думая открывать дверь.

Кион тяжело вздохнул и поплелся к соседям, но там его ждала такая же неудача. В какой бы дом он ни стучал, едва его заведет, крестьяне закрывали двери, приговаривая, что нищим они не подают. Интересно, что это за деревня такая? Кион даже не успевал спросить, где он находится. Его блеф с якобы потерявшимся принцем на этих крестьян тоже не сработал и бард попросту вернулся к засеянному полю. Ну что же, раз не хотят его даже выслушать, тогда он сам себе поможет и пожрет все, что они посадили. Кион осмотрел поле в свете луны и понял, что слишком уж замахнулся со своей целью.

— Ладно, может, не все, но чего-то пожру, — буркнул рыжий бард себе под нос и принялся воплощать свою идею в реальность.

Наевшись от пуза, насколько это вообще было возможно, Кион прокрался к одному из домов. По всей деревне было темно, свечи уже не горели в окнах и только луна любезно освещала барду дорогу, за что получила от него воздушный поцелуй и две прекрасные строчки стихотворения.

Кион осмотрелся и нашел старый мешок, в который крестьяне сложили некоторые свои огородные приспособления, вроде лопатки или маленьких грабель. Бард понятия не имел, зачем они нужны, он ни разу не ковырялся в огороде, а вот мешок ему представлял сейчас особую ценность.

Где-то у соседей залаяла собака и Кион поспешил обратно на поле. Там он нарвал себе практически все, что выращивали крестьяне, затем постарался поднять мешок, но понял, что он слишком тяжелый. Тогда бард вытащил примерно половину своего краденного добра и, решив, что лучше пусть оно не достается никому, зашвырнул эти овощи в мимо пробегающую речку. Усмехнувшись своей проделке, Кион закинул мешок на плечо и направился прочь от негостеприимной деревни и соседствующего с ней леса, где в самых его недрах располагалось жилище ведьмы-людоедки.

Украденные овощи позволили Киону продержаться несколько дней, но вскоре они закончились, а впереди не было видно ни одного населенного пункта, где можно было бы попросить еду или снова ее украсть, если барду откажут.

Кион наткнулся на маленький тонкий ручеек и присел отдохнуть рядом с ним. Бард умыл свое заросшее щетиной лицо и, набрав прозрачной воды в ладони, отпил ее, чувствуя, как холодный ручеек приятно его освежает. В мешке у Киона осталась лишь одна морковка и один огурец и их он растягивал, как мог. Бард вспомнил, что выкинул другие овощи в реку и

почувствовал себя настоящим глупцом. Их ему сейчас хватило бы, чтобы продержаться еще несколько дней и пусть бы мешок был тяжелым. Но овощи были безжалостно выброшены и Кион тяжело вздохнул, всем сердцем жалея об этом своем поступке.

Дорога, по которой шел бард, явно не пользовалась популярностью. Кион так никого и не встретил на своем пути, а сама дорога больше походила на широкую протоптанную тропинку. Морковка и огурец еще вчера сгнули в животе рыжего барда и сейчас в руках он нес пустой мешок. Почему-то его выбросить у Киона рука не поднялась после неудачи с овощами в реке.

Солнце стояло в самом зените и пекло так, что даже лохмотья Киона не спасали от жары. Бард неторопливо шел по заброшенной дороге, по левую его руку протянулись редкие деревья, уходящие дальше в полноценный лес, но до него было слишком далеко, он был практически у горизонта. Да и не стал бы Кион соваться в лес. А что, если он попросту сделал огромный крюк и вернулся к обиталищу людоедки? Кион не желал снова рисковать и заходить в лес в поисках каких-нибудь ягод.

При мысли о еде в его животе неприятно заворчало. Кион положил руку сверху на живот и тяжело вздохнул.

— Знаю, приятель, ты голоден, как зверь, — тихо произнес бард и его живот снова заворчал словно бы в подтверждение его слов.

Кион сжал губы и продолжил идти вперед. Кажется, он выбрал не ту сторону, когда покидал недружелюбную деревню, но сейчас разворачиваться и идти назад явно не стоило — Киону просто не хватит сил выдержать столько голодных дней, а впереди могла ждать какая-нибудь еще одна деревня. Быть может, ее жители даже окажутся добрее и помогут нищему принцу хотя бы с едой.

Кион собирался придерживаться своей лжи, что он якобы сбежавший из плена принц и что любой, кто ему поможет, впоследствии будет вознагражден. Обычно люди были к нему более благосклонны, когда слышали о наградах. И даже если кто-то терпеть не мог аристократов и знатных господ, то все равно старался вести себя вежливо с Кионом, надеясь на гору золота впоследствии, которую, разумеется, в итоге никто не выплачивал. Впервые на эту байку крестьяне не повелись в прошлой деревне и сейчас Кион, почесывая в затылке, терялся в догадках, отчего так. По идее, эта деревня входит во владения королевства, но может, жителям просто не нравится король? Но тогда они должны были быть наслышаны о его скверном характере и, наоборот, помочь Киону.

Бард размышлял об этом еще несколько минут чисто от скуки, потом просто пожал плечами и продолжил идти. Живот уже перестал бурчать и успокоился, но Кион знал, что это не добрый знак. Он со вчерашнего дня ничего не ел и если в ближайшее время не найдет еду, потом ему будет только хуже.

Кион устало прошел вперед еще какое-то расстояние, но затем, не выдержав, присел на обочину. Он отдышался немного, после чего упал спиной в траву и прикрыл глаза. Все равно тут путники не проходили, так что можно было спокойно развалиться и ни о чем не думать. Кион вытянул зудевшие от долгой ходьбы ноги, перекрывая ими узкую дорогу, но ему было все равно. Если ему суждено не дожить до старости, то по крайней мере, он умрет не в зубах людоедки, а на одиноком поле в траве под теплым солнцем. Кион прикрыл глаза и провалился в приятную дрему.

— Эй, парень, ты живой? — кто-то потряс Киона за плечо и бард недовольно открыл один глаз. Ему снилась огромная комната, наполненная всевозможной едой и напитками. И

едва только Кион собрался отправить себе в рот первый кусочек, как его грубо разбудили. Живот барда был с ним согласен, возмущенно заворчал.

— Лучше бы я был не живой, — проворчал Кион, принимая сидячее положение. На улице уже вечерело и яркие лучи солнца сменились на рыжее освещение, которое удлиняло тени вокруг. Мягкий ветерок потрепал Киона по волосам и отправился дальше гулять по своим делам.

Перед собой бард увидел лохматого низкого старичка с седой бородой, а позади него на дороге стояла телега с сеном. Тощая лошадка, дожидаясь своего хозяина, щипала травку у обочины узкой дороги. Кион смерил старика долгим взглядом, а тот в ответ разглядывал его.

— Ты кто? — спросил бард.

— Да я тут постоянно езжу, — махнул рукой старик. Кион заметил, что во рту у него не хватало парочки зубов, — Сено продаю, овощи скупаю в соседней деревне. Да вот только в этот раз бедолаги без урожая остались, пришлось с пустыми руками назад возвращаться.

Старик махнул рукой за спину в сторону телеги с сеном. Кион сразу смекнул, что он говорил о той деревне, где бард поживился овощами. Ну и поделом им! Помогли бы Киону, не остались бы голодными.

— А далеко твоя деревня? — спросил рыжий бард.

— Да вон, за поворотом, — снова махнул рукой старик и Киону уже начало казаться, что это его любимое занятие — махать руками.

Бард проследил за его жестом и заметил впереди, что дорога и правда поворачивала. Деревню отсюда было еще не видать, только равнины, раскинувшиеся впереди, да лес на горизонте, но если верить словам старика, Кион буквально совсем немного не дотянул до деревни.

— Слушай, дед, есть у тебя чего-нибудь поесть? — неожиданно для себя поинтересовался Кион.

Старик смерил его понимающим взглядом и, вернувшись к телеге, пошарил руками среди сена, после чего вытащил оттуда практически пустой мешок, из которого достал последний кусочек хлеба и протянул его барду. Кион набросился на угощение, как голодный волк. Не прошло и минуты, а от хлеба уже ничего не осталось. В животе недовольно заурчало, требуя еще еды, но старик только вывернул свой мешок наизнанку, показывая, что в нем ничего не осталось.

— По дороге выйдешь в нашу деревню, — снова махнул рукой старик и забросил пустой мешок в телегу, а затем забрался на нее сам и взял поводья в руки, — Извини, моя кляча нас двоих не довезет, она у меня слабенькая, лошадка моя. Но ты быстро дойдешь до деревни, она буквально за поворотом.

— Спасибо, — кивнул Кион, — И за хлеб тоже.

— Да ерунда, — махнул рукой старик, укрепляя подозрения Киона в том, что дед обожает махать руками, — Как придешь в деревню, разыщи Татьяну. У нее своя таверна, она тебя накормит. Женщина она добрая. Те, кто не могут заплатить ей деньгами, могут помочь по хозяйству в обмен на ужин. Наколешь ей дров или воды из колодца принесешь и будешь сытым.

Старик щелкнул поводьями и лошадка послушно повезла телегу за собой. Кион скривился. Оплачивать ужин физическим трудом? Этого еще не хватало! Но у барда не было ни гроша, так что чем-то расплачиваться все же придется. Кион хмыкнул, закинул на плечо свой пустой мешок и пошел по дороге навстречу заходящему солнцу. Бард вполне способен

будет заплатить за еду, даже если расплачиваться придется не монетами или физическим трудом. Хотя, если подумать, именно физическим трудом он и собрался заплатить этой Татьяне за ужин, просто этот труд будет куда приятнее, чем тащить ведра с водой.

Как и говорил старик, едва Кион завернул за поворот, как перед ним тут же выросла деревня. С виду она была небольшая, вокруг нее протянулся деревянный забор, заканчивающийся широко распахнутыми воротами. Кион прошел мимо них, разглядывая поселение. Все дома были деревянными, кое-где бард заметил домашний скот в виде парочки коровок, куриц и стайки гусей. Этих белых засранцев Кион всей душой ненавидел, вспомнив о том, как в детстве ему часто доставалось от гусей, а в ответ мальчишка гонял их с длинной палкой. К счастью, сейчас гуси находились за оградой на чьем-то участке, но Кион заметил, как они недобро на него посмотрели. Теперь что, все гуси будут хотеть его ущипнуть?

Кион отвернулся и продолжил идти. По дороге он встретил того старичка с сеном, который снова махнул рукой и указал на длинное здание впереди. Кион кивнул и направился в таверну. Перед тем, как войти, бард рукой зачесал свои потрепанные волосы и почесал щетину на щеках. К сожалению, от нее он не избавится, так что придется грязным нищим заходить в таверну. Но старик обещал, что Татьяна накормит его, так что Кион, не теряя больше времени, ввалился внутрь. Зал таверны был заполнен наполовину и бард понял, что как только стемнеет, тут станет еще больше народу. Он сразу подошел к полной женщине за стойкой и очаровательно ей улыбнулся.

— Мне бы чего поесть, — нагло произнес Кион, — Только у меня нет денег.

Трактирщица смерила его оценивающим взглядом и вытерла руки о тряпку, висевшую у нее на поясе.

— Ничего, заплатишь трудом, — ответила она и подбородком указала на один из свободных столов, стоящих у стены, — Присаживайся, я сейчас принесу тебе поесть.

Кион едва ли не вприпрыжку добрался до указанного места и плюхнулся на стул, бросив пустой мешок на стол. Когда трактирщица принесет ему еду, он ее очарует и сделает так, что она пригласит барда в качестве платы в свою комнату. Тогда Киону не придется таскать тяжелые ведра. Рыжий бард довольно почесал под носом и прикрыл глаза от ожидания. Фигурой трактирщица вышла, что надо, есть за что ухватиться, в отличие от всех этих столичных аристократок, которые зачем-то морили себя голодом и боялись растолстеть. В итоге все как одна выглядели словно драная швабра. То ли дело крестьянки — пухленькие, сочные и румяные. Давненько Кион не ощущал в руках настоящую женскую грудь.

Он едва сумел дождаться прихода трактирщицы, постоянно ерзая на стуле. Когда же женщина принесла ему просто огромную миску похлебки, а рядом щедро положила половину от буханки хлеба, Кион принялся строить ей глазки и всячески намекать, что в ее комнате он справится с оплатой лучше, чем если она отправит его за водой к колодцу. Но к удивлению барда, женщина просто звонко рассмеялась, игнорируя все его чары.

— Для таких дел у меня муж есть, — сказала она, — Он у меня тот еще ненасытный кобель. Так что лучше сходи-ка за водой, сынок.

Трактирщица ободряюще похлопала Киона по спине и рассказала, где именно находится колодец в деревне. Бедный бард понял, что тащить тяжелое ведро ему придется очень долго. Женщина вернулась за стойку, а Кион принялся угрюмо поглощать свою похлебку. Сильный голод не дал его гордости проигнорировать практически бесплатную еду и выйти из таверны. Вместо этого хитрый мозг Киона придумал коварный план и бард весь

повеселел. Он быстро доел свой ужин, взял ведро, которое ему принесла трактирщица и вышел обратно на улицу, где уже наступили сумерки.

Кион с пустым ведром направился в сторону колодца, при этом сам он зорко осматривался по сторонам. На улице практически никого не осталось, все жители вернулись в свои дома и разожгли свечи, чей свет с окон освещал дорогу барду.

Кион подошел к колодцу, вновь осмотрелся по сторонам и, бросив ведро на землю, поспешил покинуть деревню. Для этого ему пришлось перелезть через деревянный забор, стоящий по кругу этого поселения. Если трактирщице так сильно нужна вода, пусть сама идет за ней к колодцу.

Кион в ночи пустился наутек прочь от деревни и с сытым пузом. Ему хотелось громко рассмеяться, но вместо этого он просто озорно хихикал, пока бежал дальше по дороге, сверкая пятками. На тот момент Киону казалось, что он самый умный в этом королевстве и сумел провести трактирщицу вокруг пальца, но когда после ночевки под открытым небом где-то в овраге он проснулся на следующее утро и понял, что снова голоден, до Киона дошло, что он в очередной раз сотворил глупость. В деревне эта Татьяна могла бы его подкармливать, а в ответ все, что нужно было делать Киону — это приносить ведра с водой из колодца. Вполне себе честный обмен и живот барда сейчас громко отчитывал Киона за его промашку. Однако вернуться назад барду не позволила его гордость. Он не собирался извиняться перед женщиной за свою выходку. И вообще, она сама виновата, ей следовало принять предложение Киона, связанное с ее спальней, а не делать вид, что она вся такая из себя верная женушка.

Кион спустился с пригорка и зло пнул камешек, попавшийся ему на пути. В какой момент своей жизни он сделал что-то не так? Вместо того, чтобы сейчас улепетывать с голым задом от мужа очередной аристократки, Кион шляется не пойми где, постоянно борясь с голодом. До этого момента он никогда не голодал и даже не знал, что это такое, но сейчас его охватило такое сильное отчаяние, что Кион упал на землю и зачерпнул ее в ладони, словно старался удержаться на поверхности. Ему казалось, что он падает куда-то, но не буквально, а словно бы его сознание уносится куда-то вниз в черную яму. Может, стоило позволить Сэре сделать свое дело?

Кион с силой шлепнул себя по щекам за подобные мысли. Ну уж нет, он выкарабкается из этой ситуации. У всех бывают моменты, когда они буквально падают куда-то, но люди же как-то находят в себе силы выбраться обратно. Вот и Кион тоже выберется.

Бард поднялся на ноги и продолжил идти вперед, стараясь держаться в стороне от дороги. Он не хотел наткнуться на одного из жителя деревни, в которой жила трактирщица, а потому уже довольно скоро завернул в редкий лесочек и пошел вдоль узкого ручейка. К концу дня ручеек вывел Киона на высокий холм. Впереди перед ним раскинулись луга, а еще дальше бард заметил целый город. Не деревенька, не село, а город. С каменными домами и такими же дорогами. До столицы, правда, этому городу было далеко, но Кион все равно пришел в бурный восторг. Раз это большой город, то наверняка в нем живут аристократы. А раз там живут аристократы, то Кион сумеет поживиться их кошельками.

Рыжий бард в предвкушении потер ладони и даже облизнулся, а затем стал аккуратно спускаться с холма. В какой-то момент его нога соскользнула и Кион кубарем покатился вниз, собирая собой все кочки и камни по пути.

Остановиться ему удалось только у самого подножия. Кион поднял голову и ощупал ее. Какой ужас! В его волосах запутались ветки и листья. Кион сел и стал яростно отряхивать с

головы весь этот лесной мусор. То, что при падении он ничего не сломал и не вывихнул, было настоящей удачей, но барда сейчас больше заботили его рыжие волосы.

Полностью отряхнувшись, Кион, продолжая сидеть в траве, осмотрелся по сторонам. Город возвышался впереди и по прикидкам барда, если он выдвинется в путь сейчас, то пройдет через ворота примерно вечером. Оставалось только надеяться, что стражники пропустят его внутрь, так как выглядел Кион, мягко говоря, не очень.

— Надо было еще и ванну у трактирщицы запросить, — недовольно проворчал Кион.

Он хотел было подняться на ноги, но вдруг заметил, как что-то блеснуло под корнями ближайшего дерева. Кион на коленях подполз поближе и заглянул в образовавшуюся щель между корнями и землей. То, что увидел там бард, поразило и обрадовало его до глубины души. Он принялся усиленно копать руками, желая поскорее достать заветную коробочку наружу.

Когда Кион раскопал достаточно, он вытащил наружу увесистый сундук, чья крышка была слегка приоткрыта. В сундуке оказались всевозможные драгоценности и золотые монеты и именно их блеск и привлек барда. Кион засмеялся, не веря своим глазам. Да этого добра в сундуке ему до конца жизни хватит! Потом бард скептически осмотрел найденные сокровища. Ладно, не до конца жизни, но на полгода, как просила Эльвира, хватит точно. Интересно, что этот сундук делает под деревом? Кто-то из разбойников прячет здесь свою добычу? Ну, его же промах.

Кион хмыкнул и начал складывать в мешок монеты. Драгоценности и украшения он решил пока оставить в сундуке. Он за ними еще вернется, но сначала на эти монеты купит себе приличного вида одежду и, главное, меч. Киону надоело ходить безоружным. Стоило только оставить меч в комнате Эльвиры, как тут же в жизни барда началась череда событий, где с мечом было бы лучше. Кион зачерпнул руками очередную горсть монет и бросил ее в мешок.

* * *

В таверне гуляли блики от свечей, освещая всю залу. На улице было темно и внутрь больше никто не заходил, так как было уже слишком поздно. Кое-кто в зале откровенно храпел, кто-то спокойно допивал свой эль, но теперь рассказы барда слушало чуть больше народу, чем изначально.

— Так чьи это были драгоценности? — нетерпеливо спросил один из слушателей барда.

Кион ухмыльнулся и в очередной раз закинул ногу на ногу, сидя на табуретке в центре зала. Он сложил руки на груди и покачал ногой.

— Так не терпится узнать, да? — расплылся в наглой улыбке бард.

— Хотя бы расскажи, все ли сокровища потратил? — попросил другой забулдыга.

Кион вновь вскочил на табуретку, как сделал это тогда, когда только собрался рассказывать этой пьяной толпе свои истории. Бард дождался, когда полностью завладеет вниманием хотя бы половины зала, после чего изящно поклонился, идеально соблюдая баланс на табуретке.

— А это уже будет вторая история, — наконец произнес он и, спрыгнув на пол, снова уселся на табурет, — История эта о том, как я нашел сокровища.

— Да мы это уже поняли, — воскликнул один из пьянчуг и рыгнул.

— А также, это история о том, как я все потерял, — добавил Кион и половина зала, чьим вниманием ему удалось завладеть, принялась его внимательно слушать.

ГЛАВА 5

Набив свой пустой мешок, украденный им в недружелюбной деревне, Кион закрыл крышку сундука и спрятал его обратно под корень дерева, обильно присыпав тайник землей. Внутри осталось еще много монет, не говоря уже о драгоценных камнях и украшениях. Как появится нужда, бард за ними еще вернется, а пока придется обойтись тем малым количеством денег, которые сейчас звенели у Киона в мешке. Он не рискнул взять побольше монет, Кион опасался, что стражники у ворот начнут в таком случае задавать лишние вопросы.

Бард закинул мешок за спину и направился к городу. Отсюда с возвышенности он видел, как другие путешественники шли по дороге. Кто-то входил в город, кто-то покидал его, у кого-то была повозка или хотя бы лошадь, а кто-то шел пешком. Сам Кион войдет в город только под вечер. Дорога петляла так, будто пыталась запутать следы, а напрямую пройти Кион не решился — кругом были либо деревья, либо глубокие овраги, бард попросту из сил выбьется гораздо раньше, чем если пойдет по дороге.

Кион начал вышагивать в сторону дороги и уже скоро оказался в толпе таких же путников. Разве что все они были одеты по случаю, с плащами и с дорожными сумками, набитыми всем необходимым, что только может пригодиться в пути. Некоторые из путешественников даже носили кольчугу, другие же выглядели так, словно бы они являлись аристократами, вышедшими на прогулку в специальных костюмах, которые по такому случаю надевали знатные люди. Кион незаметно в толпе подкрался к одному такому и стащил у него кошелек. Правда, пришлось ему попытаться это сделать три раза, прежде чем заветный кошелек оказался у барда в руках. Кион скрылся в толпе, а сам с досадой подумал, что теряет хватку. Ну или он попросту слишком ослаб от вечного недоедания.

Бард провел рукой по своим рыжим волосам. Ничего, он скоро наведается в таверну и поест, а пока придется потерпеть. Живот возмущенно заворчал, но сейчас Кион ничего не мог поделать. К тому же, сначала ему все же придется сходить к местному портному. Кион боялся, что бродяжку и оборванца никакая таверна не впустит.

— Говорят, иногда здесь пропадают люди, — услышал Кион впереди себя чей-то голос.

Бард посмотрел в ту сторону и увидел в нескольких шагах от себя двух мужчин. На вид они были бывальыми путешественниками, плащи их истрепались от долгого времени, проведенного в пути, а дорожные сумки явно были набиты только нужными вещами. У одного из них Кион увидел сложенные спальные мешки, которые мужчина прикрепил ко дну сумки. Один из них накиннул капюшон на голову, а у второго ветер трепал пшеничного цвета волосы.

— Я тоже слышал, — кивнул головой тот, что был в капюшоне, — Но сколько не ходил по этой дороге, ни разу не встречал никакой угрозы. Даже разбойников поблизости не наблюдалось.

— Даже разбойников нет? — удивился его собеседник, — Но это ведь такое отличное место, чтобы подкараулить и ограбить кого-нибудь.

— В открытую они не действуют. Боятся гнева местного правителя. А вот втихую срезать кошелек вполне могут, да еще прикинутся при этом обычными странниками. Так что приглядывай за своими вещами.

Его собеседник со светлыми волосами принялся ощупывать свою сумку, после чего с облегчением выдохнул. Кион отстал от них на несколько шагов и задумался. Местные разбойники не действуют открыто? Вместо этого все как один заделались карманниками?

Интересно, тот тайник принадлежит кому-то из них? Кион почесал заросшие щетиной щеки. Получается, рыжий бард грабит грабителя, как иронично.

Кион перехватил мешок в руках поудобнее, не выпуская при этом из ладоней еще и срезанный им ранее чей-то кошелек. Вряд ли его захотят ограбить по пути в столицу, он выглядел так жалко, что легко походил на нищего. Если бы он не влип в историю с принцессой Ангелиной, сейчас Кион охмурял бы очередную барышню в столице. А быть может, проводил бы свои дни в компании девочек Эльвиры. И абсолютно точно он бы не выглядел так потрепанно, как сейчас.

Кион снова почесал щетину. Раньше он никогда не отращивал полноценную бороду и сейчас его щеки постоянно чесались с непривычки. Наверняка ему не идет щетина, но пока что бард ничего не мог с этим сделать. Придется подождать, пока он не снимет комнату в каком-нибудь постоялом дворе и смоет с себя всю грязь и пыль, что скопились на нем за это время.

Кион задумался о событиях, произошедших с ним за последние дни. Все же не зря он хотел отступить, как только узнал в Ангелине дочь короля еще тогда, в ювелирном магазине. Сейчас бы он просто жил дальше в свое удовольствие, вместо того, чтобы постоянно бороться с голодом и с заросшей щетиной. Кион взвесил в руке мешок и довольно ухмыльнулся. Впрочем, совсем скоро он снова станет жить в свое удовольствие, просто теперь, к сожалению, будет жить не в столице. А ему так нравилось это место! Столица была огромной, каждый день приезжих был пруд пруди и Кион мог спокойно срезать их кошельки при свете дня. Впрочем, сам бард промышлял куда более тонким, по его мнению, ремеслом. Он любил охмурять дамочек и потом, помимо кражи безделушек в их спальнях, получать от них сверху еще какие-нибудь цацки. Это было намного увлекательнее и веселее, чем просто обворовывать случайных прохожих на площади. К краже кошельков Кион прибегал только в крайних случаях, когда ему срочно нужны были деньги.

За размышлениями о своей теперь уже прошлой жизни в столице бард не заметил, как подошел уже довольно близко к воротам города. К его удивлению, на улице все еще стоял день, хотя Кион думал, что он попадет в город только к вечеру. Впрочем, вычисление расстояний никогда не были его сильной стороной. Да и что уж греха таить, Кион этим никогда и не занимался. В столице ему это было совершенно ни к чему.

Бард поудобнее перехватил мешок в руках, заслонив им чей-то украденный кошелек с монетами. Путешественники начали выстраиваться в очередь перед воротами и Кион последовал их примеру. Стражники тщательно осматривали каждого путника, проверяя их сумки или повозки, если таковые имелись. В толпе шепотом начали гадать, для чего такая усиленная проверка и не ищут ли стражники какого-то сбежавшего преступника.

Кион весь похолодел. А что, если король в курсе, что один из пленников сбежал вместо того, чтобы быть съеденным ведьмой-людоедкой? И теперь его разыскивают по всему королевству. Но затем бард слегка расслабился, продолжая потихоньку продвигаться вперед в очереди. Вряд ли король в курсе сбежавшего преступника. Тот стражник, что вел Киона в пещеру к ведьме, наверняка никак с ней не контактировал. Он в прошлый раз так старался поскорее уехать, что даже едва не проткнул Киона мечом. Скорее всего он тоже опасался людоедки, поэтому вряд ли он будет спрашивать у нее, как прошла ее очередная трапеза.

Кион продвинулся в толпе еще немного в сторону ворот. Впереди стражники осматривали вещи тех путников, чей разговор ранее подслушал рыжий бард. Изрядно порывшись в их вещах и не обнаружив ничего подозрительного, стражник лениво махнул

рукой в сторону города, пропуская тех болтливых странников.

Вскоре очередь дошла и до самого Киона. Едва только бард приблизился, как страж у ворот поморщился от одного только его вида.

— Нищих нам тут еще не хватало, — проворчал он.

— Негоже говорить так о тех, кто совсем недавно пережил сильное горе, — насупился Кион и принялся нагло врать, выдумывая все на ходу, — Видите ли, мой дом сгорел в пожаре, а моя жена сгинула в пламени. Теперь вот иду в город в поисках работы и жилья.

Стражник смерил его долгим взглядом и Кион начал задаваться вопросом, не перегнул ли он палку со своим выдуманным рассказом. Под пристальным взглядом стража бард принял максимально несчастный вид, благо события последних дней позволили ему выжать для этого все нужные эмоции до капли. Стражник вздохнул и кивнул.

— Но вещи мне придется осмотреть, такова процедура, — с сочувствием в голосе произнес он.

Кион подошел к нему поближе и протянул украденный им ранее кошель, загородив своим телом этот не совсем честный обмен от остальных путников, ждущих своей очереди позади.

— Вот, кое-что из моих сбережений, — сказал Кион, — Специально копил, чтобы заплатить пошлину за вход в город.

Кион прикинулся наивным крестьянином, хотя сам уже понял, пока наблюдал в очереди за остальными, что никакая пошлина за вход в город не берется. Это не столица, чтобы переплачивать за въезд и даже выезд. Но стражник с жадным блеском в глазах охотно забрал кошель и спрятал его в карманы брюк, после чего лениво махнул рукой в сторону ворот.

— Проходи.

Кион, прижав мешок к груди, поспешил последовать его приказу, пока страж не передумал и не осмотрел его ношу. Едва он сделал несколько шагов, проходя через ворота, как город предстал перед ним во всем своем великолепии. Дома стояли плотно друг другу даже в такой близости от главных ворот, все они были построены из белых камней. Дорога, по которой сейчас шел Кион, тоже была вымощена камнями. Телега, проехавшая мимо барда, звонко отбивала по дороге ритм с помощью колес и копыт впряженной в нее лошади. Люди сновали туда-сюда. Кто-то явно только вошел в город, кто-то направлялся к воротам, чтобы его покинуть, а другие, меньшая часть от общего числа встреченных Кионом людей, шагали по городу, занимаясь своими делами. В руках они обязательно что-то несли, либо корзину с овощами или фруктами, либо ведра, наполненные водой.

Кион направился дальше по улице, но теперь больше поглядывал на здания и вывески, нежели чем на людей. Ему бы следовало для начала купить приличного вида одежду, потом стоило бы поискать кузнеца и заказать у него меч, после чего Кион может топтать в таверну, где он наестся от пуза и вымоется в ванне. Об этом рыжий бард сейчас мечтал больше всего.

Улицы города разветвлялись в разные стороны и Киону пришлось изрядно походить, прежде чем он сдался и спросил случайного прохожего о местонахождении портного и кузницы. Тот долго и подробно объяснял барду, как пройти к этим лавкам, что у Киона от его рассказов даже голова закружилась. Но в итоге он все же понял, как пройти к желаемым зданиям и даже обнаружил, что мимо лавки портного он уже проходил.

Поблагодарив местного жителя за помощь, Кион вернулся назад и вошел в неприметное с виду здание, которое затерялось среди остальных. Теперь понятно, почему Кион его пропустил, лавка портного «пряталась» в переулке среди других домов и вывеску отсюда

было практически не видать. Неудачное место для торговли, пусть и одеждой.

Кион поднялся по невысокому крылечку и толкнул дверь, которая оказалась неожиданно тяжелой. Дверь шаркнула по полу, оставив и без того въеденный след полукруга на досках. Внутри все помещение было забито многочисленными тканями и Кион с удивлением обнаружил, что в лавке не было ни одного манекена с костюмами, равно как и покупателей. В столице это считалось бы дурным тоном, продавец обязан был показывать свой товар, иначе знатные люди даже и не подумали бы у него закупаться.

— Есть кто? — спросил Кион в тишину комнаты и через секунду услышал торопливые шаги.

Из соседнего помещения выплыла роскошного телосложения дама. Ее тонкие черные волосы были стиснуты в пучок на затылке, на носу дама носила очки, а на шее — не одну мерную ленту. На фартуке в кармашке Кион заметил у нее толстую тетрадь.

— Хм, вижу не зря ко мне пришли, — хмыкнула женщина, едва только кинула взгляд на потенциального покупателя.

Кион в неверии уставился на нее в ответ. Она что, ему сейчас нагрубилась? Да в столице ее за такое лишили бы всех прав вести торговые дела! Впрочем, Киону сейчас не досуг было пререкаться, он хотел поскорее закончить с одеждой и оружием, а потом отправиться в таверну и сытно поесть, после чего весь оставшийся вечер бард будет откидаться в горячей воде.

— Мне нужно что-нибудь изысканное и не слишком вычурное, — попросил Кион. Дама смерила его внимательным взглядом поверх очков.

— Изысканное? — наконец переспросила она.

— Ну да, изысканное. Что-нибудь, что подчеркнет мою природную красоту и обаяние.

Со стороны портнихи донеслось какое-то фырканье и Кион, посмотрев на нее, заметил, что дама даже не пытается скрыть свое неуважительное отношение к клиенту. Да, Кион сейчас выглядел, как тот еще попрошайка, но это не значило, что его нужно было смешивать с грязью прямо с порога.

— Денег-то хватит? — грубо поинтересовалась тетка.

Теперь уже настала очередь хмыкнуть Киону. Бард запустил руку в мешок и вытащил оттуда золотые монеты, которых с лихвой хватило бы купить у грубой портнихи не только приличный наряд, но и обеспечить одеждой целую деревню, наподобие тех, через которые довелось пройти Киону.

Едва завидев монеты, женщина вцепилась в них жадным взглядом, ее пальцы нетерпеливо зашевелились, ожидая приятного момента, когда деньги перекочат к ней в руки. Но Кион не торопился отдавать их портнихе, он решил проучить ее.

— Одежда мне нужна прямо сейчас, — высокомерным тоном произнес рыжий бард, строя из себя знатного лорда, — Мне надоело притворяться нищим и ходить в этих обносках. У тебя есть пятнадцать минут на то, чтобы пошить мне изысканный и не слишком вычурный костюм. Не успеешь — денег свыше стоимости костюма не получишь.

— Но милорд, я не успею за такой короткий срок пошить Вам костюм с нуля, — принялась оправдываться портниха, — За пятнадцать минут мы только мерки успеем снять.

Кион усмехнулся про себя. Оказывается, у нее есть манеры. Но просто так отпускать портниху он не собирался.

— Тогда не получишь двух золотых, — отрезал Кион и женщина жадно закусила губу.

— Может, я Вам принесу то, что у меня уже готово? Выберете на свой вкус, я быстро

подгоню костюм под Вашу фигуру и мы оба останемся довольны проделанной работой.

Кион сделал вид, что задумался. Все это время дама не спускала жадных глаз с монет в его руке. Рыжего барда вполне устраивал такой вариант, который предложила портниха, но ему хотелось повеселиться еще немного.

— Что ж, хорошо, неси свои вещи. Твое время пошло. Не успеешь управиться за пятнадцать минут, денег тебе будет не видать, — Кион потряс зажатými между пальцами золотыми и глаза портнихи проследили за его жестом.

Облизнувшись, как кот на сметану, женщина бросилась в соседнюю комнату, а уже через минуту, спотыкаясь, выскочила обратно. В руках она несла гору одежды, портниха практически ничего перед собой не видела, но упорно шла вперед. Женщина бросила тряпки на один из столов и, убрав выбившуюся прядку волос за ухо, любезно указала рукой на принесенное добро.

— Прошу, милорд, выбирайте.

Кион подошел к куче одежды и начал нарочито медленно рассматривать каждую вещь и придиричиво вертеть их в руках. Женщина стояла рядом с заискивающей улыбкой, ее руки не находили спокойствия и то лезли в карман на фартуке, то потирали тыльные стороны ладоней друг друга. Кион краем глаза наблюдал за ней, едва сдерживаясь от смеха. Он специально тянул время, ему было любопытно, станет ли портниха подгонять знатного лорда в надежде успеть получить свои два золотых. Но женщина только нервно кидала взгляды в сторону рыжего барда, не осмеливаясь его поторапливать.

Кион добрых десять минут потратил только на то, чтобы выбрать себе одежду по вкусу, после чего еще две он потратил на переодевание. Когда женщина начала помечать ниткой участок на брюках, который явно стоило бы ушить, Киону внезапно они разонравились и он решил надеть другие. В итоге пятнадцать минут портниха истекли и она злобно запыхтела, однако ей хватило ума не показывать своего неудовольствия знатному аристократу.

«Будет знать, как грубить обычным людям», — хмыкнул Кион, оставшись полностью довольным собой. Брюки, которые он передел, сидели на нем идеально, рубашку тоже не нужно было подгонять по фигуре и Кион порадовался, что может покинуть это негостеприимное место. Но сначала еще один урок этой пышной портнихе.

— У меня нет с собой мелких монет, — соврал Кион, чей мешок содержал в себе монеты разной величины и ценности, — Поэтому прошу отсчитать мне сдачу с этих двух золотых.

Портниха нехотя выудила на свет глиняную банку и высыпала ее содержимое на стол. Различные монеты веселым звоном собрались на нем горочкой. Портниха начала с явным неудовольствием отсчитывать нужную сумму. И хоть из-за обилия мелких монет мешок Киона теперь потяжелеет, бард все равно был очень доволен своей выходкой. Видеть надутое лицо и без того пышнотелой грубой женщины было сейчас просто верхом удовольствия.

Наконец монеты были посчитаны и Кион, развернувшись на каблуках только что приобретенных мужских туфель, с гордой осанкой покинул лавку портнихи. Он был уверен, что в спину ему полетела не одна тысяча проклятий, но Киону было все равно. Он знатно повеселился и это было главное. Теперь на очереди меч, а потом можно будет полностью отдаться горячей еде и приятной ванне.

Вспоминая подсказки опрошенного им ранее местного жителя, Кион принялся петлять по улицам города в поисках кузницы и совсем скоро понял, что заблудился. Тогда он

отловил еще одного жителя в простой обычной одежде и расспросил его о нужном направлении. Тот красноречием не отличался, поэтому долго, запинаясь едва ли не на каждом слове, пытался выдать Киону верный путь. Бард продолжал терпеливо его слушать, но руки его так и чесались придушить заикающегося прохожего. К счастью, до трагедии дело не дошло и мимо проходящий дядечка в приличной дорогой одежде любезно подсказал Киону верное направление.

Бард поблагодарил этого дядечку и тот в ответ сдержанно кивнул и продолжил свой путь. Первый прохожий, которого остановил Кион, тоже расплылся в довольной улыбке, решив, что благодарности Киона адресовались и ему. Рыжий бард не стал больше тратить на него свое время и направился по указанному дядечкой направлению. Для этого ему пришлось пройти через несколько переулков, потом выйти на широкую улицу, снова пройти по длинному узкому переулку, который в итоге и привел Киона к кузнице. Воздух вокруг нее был горячим, лысый мужчина крепкого телосложения с легкостью управлялся тяжелым молотом, словно этот инструмент ничего не весил, но судя по тому, как он легко придавал металлу нужную форму, весил молот очень много. Кион вряд ли сумел бы его поднять.

Кузнец провел одной рукой в толстой перчатке по мокрому от пота, тяжелой работы и горячего воздуха лбу и только сейчас заметил барда, скромно стоящего в стороне и переминающегося с ноги на ноги.

— День добрый, — кивнул ему кузнец. Голос у него оказался звучный, хоть и низкий. И в отличие от портнихи, в нем просквозили нотки доброжелательности, — С чем пожаловали в мою кузницу?

— Мне нужно оружие, — ответил Кион и кузнец беззлобно усмехнулся.

— Это я уже понял. Какое предпочитаете? Обычный меч? Или клеймор? Или, может, любите нечто более экзотичное? Алебарду, например. Или хотите что-то изысканное? Кинжалы, каму. Может быть, пращу? Только это уже стрелковое будет.

— Обычный меч вполне подойдет, — поспешил уверить его Кион, пока кузнец не принялся снова перечислять виды оружия. Некоторые из них бард вообще слышал впервые и как они выглядят, даже понятия не имел.

Кузнец отложил свой молот в сторону и отошел куда-то за стену кузницы, после чего вернулся к Киону с чем-то длинным, завернутым в ткань. Освободив соседний стол от разного вида железок, мужчина положил на него сверток и развернул его. Перед Кионом предстало несколько мечей, все они по виду были выполнены качественно и барду даже захотелось пощупать каждый из них.

— Мечи у меня часто заказывают, поэтому я всегда изготавливаю их чуть больше, чем нужно, — пояснил кузнец, — Чтобы покупателю не пришлось ждать, когда будет готов его заказ.

— Можно их проверить? — попросил Кион и мужчина утвердительно кивнул.

Бард подошел к свертку поближе, когда кузнец отошел на шаг назад, давая ему место, чтобы получше осмотреть оружие. Кион взял в руки один меч, на вид совершенно невзрачный, но бард давно уже уяснил, что внешний вид оружия практически никак не влияет на его баланс и удобство. Аристократы обожали украшать свои мечи и ножны золотом или драгоценными камнями, но сколько не украшай свой меч, лучше он от этого не станет. Кион повертел оружие в руках, пару раз взмахнул клинком в воздухе и понял, что для него этот меч тяжеловат. Свое прошлое оружие, которое осталось у Эльвиры в доме, Кион

делал на заказ под свою руку. Скорее всего сегодня ему придется оставить подобный заказ у этого кузнеца.

Рыжий бард на всякий случай перепроверил все мечи, что лежали на столе, но каждый из них был чем-то неуютен Киону. То слишком тяжелый, то слишком длинное лезвие, а Кион привык к клинку покороче. То еще что-то и в итоге бард просто покачал головой и отошел от стола.

— А могу я сделать заказ? — спросил он.

— Ну разумеется, — кивнул кузнец. Он накрыл тканью мечи и вернулся к молоту, продолжив свою прерванную работу, — Что именно вам требуется от оружия?

— Легкость, баланс, клинок покороче и поострее, — тут же принялся перечислять Кион.

Кузнец перестал стучать молотом и бард уж было испугался, что за его заказ он не возьмется, но мужчина подошел к темной дощечке, висящей на одной стене кузницы, взял в руку привязанный к ней мел на веревочке и начал что-то выводить пониже уже имеющегося на доске текста. Кион пригляделся и понял, что это что-то вроде доски с заказами. Бард был не единственным, кто заказывал оружие у кузнеца, перечисляя все желаемые функции. В одном из заказов Кион прочитал, что кто-то хотел себе двуручный меч с тонким, но крепким лезвием. Разве можно делать тонкое лезвие у двуручного меча? Кион почесал в затылке и пожал плечами. Он не был кузнецом и у него не было ответа на этот вопрос, а у мужчины бард спросить не решился.

Кузнец отошел от доски и продолжил бить молотом по металлу, а потом бросил его в чан с водой.

— Я ваш заказ выполню примерно дней через пять, может, раньше, — произнес он и снова утер лоб толстой перчаткой, — Приходите ко мне дня через три. Если повезет, то меч уже будет вас ждать.

— Так быстро? — Кион удивленно вскинул свои брови.

— Я мастер своего дела, — заговорщицки подмигнул ему кузнец и продолжил работать уже с другим металлом.

Кион кивнул и хотел было развернуться и уйти, но от одной только мысли, что придется опять выслушивать какого-то запинающегося жителя, решил спросить дорогу у кузнеца.

— А не подскажете, где здесь ближайший постоялый двор или таверна какая, — спросил Кион, — Чтобы можно было и поесть, и в ванне посидеть и комнату снять.

— Отчего же не подскажу, — охотно отозвался кузнец, — Выйдете из моего проулка обратно на улицу, пройдете вперед буквально шагов десять и заметите яркую вывеску с петухом. Вот вам и ближайшая таверна, где можно поесть, в ванне посидеть да комнату снять.

Кион ухмыльнулся и поблагодарил кузнеца за указанное направление, после чего пошел прочь от кузницы вдоль переулка.

— И не забудьте зайти ко мне через три дня, — вслед ему напомнил кузнец.

Кион, не оборачиваясь, помахал рукой и продолжил шагать. Он поверить не мог в то, что уже скоро поест чего-нибудь горяченького, а потом будет отмывать в ванне после стольких дней в пути. Надо будет еще щетину сбрить, барду надоело, что его щеки постоянно чесались.

Кион вышел из проулка на широкую улицу и, следуя подсказкам кузнеца, начал высматривать яркую вывеску с петухом. Кузнец оказался прав — таверна и правда была в

десятке шагов от переулка. Кион повеселел и приободрился. Тут он снимет комнату, а как придет время забирать свой заказ, до кузницы ему добираться долго не придется.

Бард толкнул деревянную дверь и вошел в помещение. В зале таверны было светло и уютно, сам зал представлял собой типичную комнату подобных заведений — тут имелась и стойка, за которой трактирщица протирала кружки, позади нее стояли бочонки с пивом и элем, а чуть дальше виднелась дверь, по обыкновению ведущая на кухню. Сам зал был небольшой и вмещал в себя только пять круглых деревянных столов, но обставлено все было так, что создавался уют без какого-либо намека на тесноту комнаты. Рядом со стойкой трактирщицы наверх вела деревянная лестница с массивными перилами. Скорее всего, там находились комнаты, которые хозяйка сдавала приезжим в этот город. Сейчас были заняты только два стола и Кион, пройдя мимо них и маленького не зажженного камина у дальней стены, сел на высокий круглый табурет у стойки, положил мешок себе на колени, при этом монеты внутри тихонько звякнули, а затем бард посмотрел на трактирщицу и мило ей улыбнулся.

Вблизи оказалось, что женщина была маленького роста, едва доставала Киону до груди, хотя он сам не слыл высоким ростом, а по ее морщинкам на лице бард догадался, что она намного его старше, хотя свои волосы женщина сохранила в идеальном порядке, ни одного седого волоса в каштановой толстой косе.

— Чего подать? — спросила трактирщица, отвлекаясь от своего протирания кружек. Несмотря на дежурный тон, в ее голосе бард тоже не уловил ни одной нотки грубости.

— Мне бы чего поесть, добрая женщина, — произнес Кион.

— У нас есть рыбный суп и кукурузный салат. Чего изволите?

— И то и другое. И можно без хлеба.

Женщина посмотрела на Киона и уже через секунду звонко рассмеялась его шутке. Она оставила тряпку где-то на стойке, а сама скрылась за дверью, ведущую на кухню. Трактирщица вернулась примерно через минуту, в руках она ловко несла чашку с супом, тарелку с салатом и при этом даже выдала Киону несколько кусочков хлеба. Живот барда в нетерпении заворчал, призывая своего хозяина как можно скорее приступить к еде. Трактирщица снова засмеялась и доброжелательно похлопала Киона по плечу.

— Приятного аппетита, — сказала она.

— Шпашибо, — отозвался бард, который уже успел откусить кусочек хлеба.

Он принялся поглощать еду, а хозяйка вернулась к кружкам. Она несколько раз бросала на Киона взгляды, после чего возвращалась к своему занятию с улыбкой на устах. Видимо, ей очень нравилось то, с каким аппетитом поглощали ее стряпню. Это был такой своеобразный комплимент повару.

Уже через несколько минут вся еда была уничтожена и Кион довольно потянулся за стойкой, не слезая с табуретки. Трактирщица снова кинула на него довольный взгляд и унесла пустые тарелки на кухню, а потом вернулась обратно в зал.

— Давненько я не видела, чтобы так ели, — улыбнулась она.

— Просто было очень вкусно, — на этот раз Кион говорил абсолютную правду, несколько не привирая. Ему и правда понравилась стряпня этой женщины.

— Что ж, за такой комплимент возьму с тебя только половину стоимости обеда, — подмигнула ему женщина, чем немало обрадовала рыжего барда.

Он залез в мешок, выудил оттуда чуть больше монет, чем просила за еду трактирщица и положил их на стойку перед женщиной.

— Мне бы еще комнату снять на несколько дней, а также было бы неплохо организовать ванну, — попросил Кион и трактирщица кивнула, ловко спрятав деньги в кармане своего платья.

— Свободная комната наверху, самая последняя дверь, — сообщила она, — Я попрошу свою помощницу нагреть воду.

Кион кивнул и соскочил с табуретки. Он подошел к лестнице и начал подниматься наверх, при этом ступеньки под его ногами закрипели. Кион и половину лестницы не преодолел, как трактирщица внизу его окликнула.

— Кстати, я Марта, — представилась она, — Будет что-то нужно, сразу обращайтесь ко мне.

— Благодарю, — отозвался Кион, преодолел последние скрипучие ступеньки и оказался в небольшом, но светлом коридоре. Двери здесь были только по левую руку и всего комнат было четыре. Наверняка одну занимает трактирщица, так что сдается, скорее всего, только три комнаты. И две уже заняты, судя из разговора с Мартой.

Кион подошел к последней двери, открыл ее и оказался в небольшой комнатухе со скошенным потолком, переходящим в крышу. Из мебели здесь имелась только соломенная кровать с аккуратно сложенным на ней одеялом и подушкой, чуть дальше от кровати стояла узкая тумбочка с подсвечником из трех свечей, но сейчас они не горели. В самом углу, где потолок не срезал часть комнаты, стояло старое кресло с порванным подлокотником, а позади него в стене обнаружилось узкое окно с чистыми стеклами. Кион осмотрелся и понял, что в комнате нет ни пылинки. Видимо, хозяйка очень тщательно следит за чистотой своего трактира. Бард кинул на кровать свой мешок, а сверху упал сам, свесив ноги вниз. Ему было лень снимать свои туфли, а лечь на кровать в обуви ему не позволила чистота комнаты. Кион только сейчас заметил в другом углу большую деревянную бочку. Он встал с кровати и с любопытством подошел к обнаруженной вещи. Бочка была хорошенько просмолена изнутри и бард понял, что она представляла собой ванну.

Кион почесал кончик носа, не спуская с бочки глаз. В столице все мылись в ванне — в деревянной, керамической или отделанной золотом, но такие зачастую были только у самых влиятельных аристократов, хотя барду пару раз все же довелось посидеть в богатой ванне. В бочке он будет мыться впервые и почему-то вместо разочарования или отвращения Кион испытал только дикое любопытство. Интересно, удобно ли будет в бочке? На вид она была довольно большая, Кион в ней легко поместится. Но форма ванны казалась ему куда удобнее, чем форма бочки.

Кион поразмыслил несколько секунд, затем, не выдержав, влез в бочку с ногами и присел. А ничего, вполне удобно. Налить еще сюда горячей воды и можно будет спокойно нежиться в ней, как и в любой ванне.

Внезапно в дверь постучали и, прежде чем Кион успел выскочить из бочки, дверь открылась и в комнату вошла светловолосая девушка с веснушками на лице и в выцветшем голубом платье из грубой ткани, в руках у нее было большое ведро с водой, от которого тянулся вверх пар.

— Извините, я принесла горячую воду, — начала было девушка, но, затем стоящего в бочке Киона, осеклась на полуслове.

Бард ловко выскочил из бочки и принял невозмутимый вид, поправляя на себе одежду.

— Я просто проверял, подойдет ли мне размерчик, — пояснил он.

Девушка с веснушками несколько секунд на него таращилась, но потом не выдержала и

рассмеялась громким звонким смехом, при этом она едва не выронила ведро, но вовремя успела поставить его на пол.

— Господин, это же обычная бочка для мытья, — хихикал девица, — Она подходит для любого роста и телосложения.

Девушка подхватила ведро и подошла к бочке, после чего вылила горячую воду внутрь. Она сообщила, что скоро принес еще ведро с водой, которое сейчас грелось на кухне и после этого Кион сумеет принять ванну. Девушка направилась уже с пустым ведром к двери, но на пороге обернулась и весело посмотрела на барда.

— Не садитесь в бочку, пока я не принесу еще воды. Тем более, в одежде. Высыхать будет долго.

Девушка вышла в коридор и прикрыла за собой дверь. Кион услышал ее приглушенное хихиканье и почесал в затылке. Неужели было так смешно, что он решил проверить эту бочку для мытья? Кион их никогда не видел и наивно полагал, что все королевство моется в ваннах. В чугунных или украшенных золотом, но не в бочках. Бард почесал кончик носа и махнул рукой, после чего свалился обратно в кровать, на этот раз сняв с ног туфли.

Вскоре девушка с веснушками вернулась в его комнату и наполнила бочку вторым большим ведром с горячей водой. Еще она принесла с собой полотенце и мыло и, пожелав приятного времяпрепровождения, скрылась за дверью, плотно закрыв ее за собой и не забыв забрать ведро.

Кион тут же сбросил с себя всю одежду, влез обратно в теперь уже заполненную бочку и с наслаждением погрузился в горячую воду. Он посидел так несколько минут, после чего начал мылить волосы. На полотенце Кион обнаружил еще и нож для бритья, каким пользовались обычные люди, не аристократы. Впрочем, крестьяне зачастую отращивали бороду и ни о каких бритвах или специальных ножей даже и не слыхивали.

Кион осмотрелся в комнате, сидя в бочке, и заметил маленькое зеркальце рядом с подсвечником на тумбочке у кровати. Бард раздраженно фыркнул, выскочил из бочки и босыми ногами прошлепал по полу, забрал с собой зеркало, а потом вернулся обратно к горячей воде. Решив оставить бритье напоследок, Кион сложил свою добычу рядом с полотенцем, а сам принялся откисать в бочке. Этого ему так не хватало все те дни, что пришлось провести в дороге. Кион вспомнил пещеру с ведьмой и его всего передернуло от страха. Хорошо, что ему удалось от нее сбежать, хотя он тогда уже сам не верил, что он сможет выжить.

Кион вытащил одну ногу из воды и внимательно ее осмотрел. Интересно, как там Эльвира? Наверняка думает, что Киона казнили. Может, отправить ей анонимную весточку? Бард немного подумал, а потом погрузил ногу обратно под горячую воду. Пожалуй, не стоило ему как-то выдавать себя, даже Эльвире. Уж лучше пусть все думают, что он сгинул, а сам он начнет новую жизнь в новом городе.

До Киона только сейчас дошло, что он понятия не имел, где находится. Спрашивать о названии города бард побоялся. Вдруг жители решат, что он сбежавший преступник и сообщат о нем страже? Те не будут долго церемониться с бардом, скрутят и отправят его в темницу. Нет, Кион не будет задавать людям такие странные вопросы. Рано или поздно он сам услышит название города, особенно если будет по вечерам торчать в таверне. Обычно в таких заведениях и собирались сплетники, так что это будет идеальное место, чтобы подслушать незаметно, о чем судачат посетители. Да и не так уж сильно Киону было нужно название города. Главное, что он был не в столице, а это Кион и без названия понял.

Бард принялся намыливаться, чувствуя кожей, как дорожная грязь, скопившаяся на нем за все это время, буквально отваливается от него чуть ли не кусками. Было так приятно снова почувствовать себя чистым и живым. Кион растекся в воде и довольно прикрыл глаза. Как-то в столице, на другом ее конце от мест, где обычно обитал бард, ему довелось посетить баню — некие купальные процедуры, привезенные с собой одним человеком из соседнего королевства. До этого Кион даже подумать не мог, что можно наслаждаться горячим паром. Тогда ему понравился тот поход в баню, хотя бард еле выполз оттуда с непривычки. Но, к сожалению, больше попасть туда ему так и не удалось — баня была на другом конце огромной столицы, а в тот раз Киона привезла с собой знатная леди, которая просто обожала всякие диковинки из других королевств. К слову сказать, эта леди выдержала парилку намного лучше, чем Кион, в ту ночь он так и не смог ее развлечь, вместо этого бард просто провалился без движения на ее большой и удобной кровати до самого утра.

Кион усмехнулся про себя, вспоминая тот случай. К счастью, та барышня привела его не в основное поместье, а в тайное, куда она водила всех своих любовников, чтобы муж ни о чем не догадался. Так что утром никто не гнался за Кионом. Но ему все равно пришлось покинуть поместье и единственное, о чем жалел бард, так это то, что накануне он был явно не в форме и в итоге остался без цапек и украшений.

Кион еще долго отмокал в воде, вспоминая свою теперь уже прошлую жизнь в столице. Ему хотелось бы вернуться обратно и снова промышлять своим красивым личиком, привлекая аристократок, но бард боялся возвращаться. Он боялся гнева короля и что Киона мгновенно узнают. Не стражники, так обычные люди, видевшие его «казнь» на площади. Кион на секунду погрузился под воду, насколько это вообще позволяла бочка, а потом вынырнул на поверхность и провел рукой по лицу, смывая воду с глаз. Как бы барду того ни хотелось, назад ему теперь нельзя.

Кион вспомнил про зарытое под деревом сокровище и расплылся в улыбке. Этих денег ему надолго хватит, особенно если обменять драгоценные камни и украшения на монеты. Скорее всего, хватит даже на то, чтобы купить дом в этом городе, а то и два. Кион решил позже наведаться к сундуку и внимательнее осмотреть его содержимое, чтобы хотя бы примерно знать, сколько там ценностей. И уже исходя из этого Кион будет точно знать, сумеет ли он осесть в этом городе.

Бард провел в горячей воде долгое время, пока она окончательно не остыла. Тогда он побрился и переоделся, а затем спустился вниз в зал и заказал у Марты ужин. Сегодняшним вечерним блюдом была картошка с кусочками жареной курицы и Кион съел все так быстро, будто это была последняя вкусная трапеза в его жизни. Хотя будь она последней, Кион бы растягивал ее, как мог.

Рыжий бард вышел на улицу, предварительно напихав в карманы брюк несколько монет с мешка, а его спрятал под кровать в снятой им комнате. Кион не собирался тратить деньги, по крайней мере, не сегодня, но прихватил с собой немного на всякий случай. Он хотел прогуляться по городу и получше ознакомиться с его запутанными улицами, а если на обратном пути Кион устанет ходить, то просто наймет повозку или карету, чтобы та отвезла его обратно к трактиру.

Кион шагал по извилистым улицам и наслаждался теплым ветром. Уже вечерело и солнце, касаясь крыш домов, словно бы поджигало их и они становились намного ярче, отражая лучи света. Кион смотрел вперед, на ходу он оценивал прохожих, что встречались ему на пути. К сожалению, богатеньких дамочек было намного меньше, чем обычных

горожан. И уж тем более меньше, чем в столице. Так Кион надолго не развлечется. Разве что в этом городе был район аристократов, где стояли поместья знатных людей. Вот там рыжий бард сумел бы надолго остаться, кочуя из одного особняка в другой.

Кион и сам не заметил, как ноги привели его к главным воротам, через которые он прошел в город полдня назад. Здесь все также была очередь из желающих войти в город, но на выходе практически никого не осматривали. Кион решил наведаться к тайнику. Тем более, скоро стемнеет, а значит, никто издали не увидит барда и то, как он копается в земле.

Кион без проблем вышел за ворота, стражник только кинул на него ленивый взгляд и продолжил осматривать других прохожих. Бард зашагал по мощеной камнем широкой дороге, но теперь ходить по ней было намного приятнее, ведь Кион сейчас был в обуви. К вечеру путников было не так много, как днем, но все еще довольно большое количество. Кион только надеялся, что когда он будет возвращаться обратно в город через несколько часов, эта очередь перед воротами рассосется.

Бард прошагал по дороге приличное расстояние, а как начало смеркаться, свернул в сторону и начал подниматься по возвышенности, с которой сегодня он впервые увидел город, окруженный большой каменной стеной. Еще выше склона будет крутой спуск, с которого бард знатно навернулся, но если бы он не упал прямо к дереву, то вряд ли бы Кион заметил зарытое сокровище.

Подниматься на склон оказалось труднее, чем думал Кион. Подошвы его туфель постоянно скользили по траве и Кион уже не раз выругался сквозь зубы. Хорошо хоть место это было в стороне от дороги, да еще и сумерки опустились на землю, дополнительно скрывая барда от посторонних глаз. Кион продолжал упорно идти вперед, иногда он цеплялся руками за траву, чтобы не скатиться кубарем обратно вниз, хотя этот склон не был таким уж крутым, как тот, с которого днем свалился бард. Просто Киону было не слишком удобно идти по траве в этих туфлях, они вечно скользили и в какой-то момент Кион уже хотел было их снять, но неожиданно для себя приловчился к восхождению на склон.

Бард долго шел по траве, солнце уже совсем скрылось за горизонтом, забирая с собой свой свет. Вскоре Кион оказался перед нужным деревом. Он прислонился к стволу и отдышался, после чего присел у корней и стал руками раскапывать сундук. Дело двигалось не слишком быстро, на небе уже вошла луна, когда бард наконец-то вытащил сундук наружу. Кион открыл крышку и пожалел, что не взял с собой чего-нибудь, во что можно было бы насыпать монет с сундука. Кион запихнул в карманы брюк несколько крупных драгоценных камней и внимательно осмотрел содержимое сундука. Как он и предполагал, украшений и монет вполне хватит, чтобы купить в городе не один, а два дома. Причем, довольно больших и просторных. До особняков аристократов сумма явно не дотягивала, но большой двухэтажный дом вполне можно было приобрести на эти деньги.

Кион нехотя закрыл крышку сундука и начал обратно закапывать его под корень дерева. Сундук не был наполнен до конца и Кион только надеялся, что кто бы его здесь не оставил, он не вернется за своим добром в ближайшее время.

Бард закончил прятать сундук в земле под корнями дерева, после чего поднялся с колен и отряхнулся. Он с досадой заметил, что его одежда была вся испачкана и покрыта грязью. Придется снова наведаться к грубой портнихе за вторым комплектом одежды. Киона всего аж передернуло от мысли о скором визите к грубой женщине и бард решил, что сначала расспросит у Марты, есть ли в городе другие портные или хотя бы лавки, где продают одежду, а не шьют на заказ. Кион осмотрел свои грязные ладони и с досадой вздохнул. А

ведь он только недавно принимал ванну!

Бард поспешил обратно в город и через ворота прошел уже глубокой ночью. Вместе с ним в город въехала повозка с каким-то торговцем и благодаря его добру Киона не стали осматривать, отдавая предпочтение повозке пузатого купца. Бард не стал спорить и заторопился в таверну. Он несколько раз терялся в запутанных улицах города, но в итоге все же сумел выйти к нужному зданию. Кион вошел внутрь, попросил Марту принести ему в комнату ведро с теплой водой, чтобы умыться, а сам поднялся наверх.

Оказавшись в снятой им комнате, бард первым делом проверил мешок с монетами под кроватью. Все еще там. Кион высыпал содержимое карманов брюк в мешок и спрятал его обратно. Надо будет утром найти более скрытое место, бард был уверен, что под кроватью его мешок найти не составляло труда.

Бочка, в которой сегодня мылся Кион, уже была опустошена, но ему в комнату Марта вскоре принесла ведро с водой, как он и просил. Когда женщина ушла, Кион скинул с себя рубашку и принялся мыть руки и лицо, а затем лег в кровать, перед этим он прилежно снял туфли.

Кион поворочался на соломенной кровати, принимая удобное положение. Тех монет, что сейчас лежали в мешке, ему хватит еще надолго, если он не станет тратить их на всякую ерунду. Кион решил, что главное сейчас — купить одежду и кошель, чтобы не прятать деньги по карманам, а с гремящим мешком по улице лучше бы не ходить. Бард протяжно зевнул, повернулся на бок и вскоре заснул.

Утром его никто не разбудил и Кион проспал едва ли не до полудня. Он сел в кровати и потянулся, прогоняя остатки сна. Обычно в трактирах гостей будили к завтраку, но видимо, Марта придерживалась других взглядов и просто позволяла своим гостям спать столько, сколько они захотят. Кион почесал свои взъерошенные волосы и зевнул. Если попросить Марту, то она разбудит постояльца в нужный час, Кион в этом не сомневался.

Бард слез с кровати и босыми ногами прошлепал до ведра с водой, оставшегося после его вчерашнего мытья рук. Вода уже остыла, но это не помешало Киону умыться. Даже более того — холодная вода помогла ему окончательно взбодриться и проснуться.

Кион вернулся к кровати и схватил рубашку, намереваясь ее надеть, но заметил, что она вся покрыта землей. Да уж, вчера он слишком усердно копал. Кион накинул рубашку на тело, другого он все равно ничего не мог надеть, у него больше не было вещей, но бард собирался сегодня исправить это недоразумение.

Кион печально вздохнул, вспомнив о том, что изначально вчера он собирался пройтись по городу, чтобы ознакомиться с его улицами, а в итоге пошел смотреть на зарытое сокровище. Может, стоит перепрятать сундук, пока его хозяин не вернулся и не забрал с собой все монеты и драгоценности? Но куда его спрятать? И вообще, Кион взял оттуда совсем немного денег, на первый взгляд и не заметно, что кто-то обворовал сундук. Так что пусть этот разбойник или кто он там несет побольше монет в свой тайник, а Кион будет потихоньку его опустошать.

Рыжий бард позавтракал в зале и расспросил Марту о портных в городе. Хозяйка охотно рассказала Киону о нескольких лавках и даже нарисовала ему примитивную карту на клочке бумаги, которую затем протянула Киону.

— Самая ближайшая лавка вот здесь, — ткнула пальцем трактирщица в свою карту, — Но я бы не советовала туда идти. Хозяйка, знаешь ли, очень грубая женщина. Юлит только перед знатными людьми, стараясь набить себе цену побольше. А еще берет за свои услуги в

два раза больше.

Кион кивнул. Значит, в прошлый раз ему не показалось, что за такую обычную одежду портниха взяла с него больше, чем должно. Бард вспомнил того портного, к которому он пару раз навещался в столице и который не задавал никаких вопросов. Хочет клиент себе пошить наряд шута или костюм нелепой расцветки — пожалуйста. Все, что угодно, пока клиент способен был заплатить. Кион даже поймал себя на мысли, что он начал скучать по столичному портному с моложавым личиком, хотя возраст того перевалил уже за четвертый десяток.

— А остальные примерно все одинаковые, — продолжила Марта, — Сошьют нужный костюм и возьмут с тебя столько, сколько потратили ткани на это дело. Не больше, не меньше.

— Значит, лучше пойти к кому-то из них, — Кион повертел бумажку с примитивной картой трактирщицы, а затем вилкой проколол место, где находилась лавка грубой портнихи. К ней бард точно уже не сунется, ему не хотелось заходить в ее лавку даже для того, чтобы еще раз проучить эту грубиянку.

— Кстати, я раньше тебя в городе не видела, — заметила Марта, — Что привело тебя сюда?

— Да вот думаю, а не осесть ли мне здесь, — улыбнулся Кион. От него не ускользнул тот факт, что Марта теперь обращается к нему на «ты», но бард совсем не был против, — Места тут красивые, уж больно мне нравятся.

— Ха, посмотрим, как ты заговоришь, когда на тебя случайно выльют помои, пока будешь спокойно проходить по улице, — хмыкнула трактирщица.

— Тут такое бывает? — удивился Кион. Будь это столица, король бы уже всех перевешал за такое. Поэтому в сердце королевства всегда было чисто и опрятно.

— Только в самых нищих районах. К счастью, они расположены на восточной стороне города. В других районах люди себе такого не позволяют, стараются придерживаться столичной моды за чистоту.

Кион кивнул. Значит, молва об опрятной столице разошлась уже по всему королевству. И что более важно — ее поддержание чистоты начинают перенимать уже и другие города. Что же, это всем пойдет только на пользу, негоже было жить по уши в грязи и помоях.

Кион поблагодарил Марту за карту и покинул ее трактир, широким шагом выйдя на улицу. Бард повертел в руках бумажку трактирщицы, сориентировался в направлении и отправился к ближайшей на карте лавке портного. В кармане тихонько звякнули монеты. Кион был уверен, что этой суммы ему хватит и на новую одежду и на покупку небольшого кожаного мешочка со шнуровкой, который обычно использовали, как кошель. Сочиняя в голове сложные и вычурные рифмы, Кион направился вдоль улиц, не забывая постоянно сверяться с примитивной, но полезной картой трактирщицы.

ГЛАВА 6

Карта Марты помогла Киону добраться до нужного здания практически без проблем, хотя пару раз рыжий бард все же заплутал в извилистых улицах. Этот город напоминал ему муравейник — такой же запутанный и сложный и днем по его улицам ходило много народу, особенно в той его части, где было больше всего лавок и магазинов.

Кион пружинистой походкой шел по мощеной дороге и откусывал огромные куски от яблока, которое он незаметно прихватил у торговца фруктами несколько поворотов назад.

Город был довольно чистым, но до столицы ему все еще было далеко — то и дело где-то на улице Киону попадались то старые грязные тряпки, лежащие по краям дороги, то гнилые фрукты и овощи, которые кто-то выкинул мимо специальной урны под мусор. Бард пожегся от омерзения и затосковал по столице еще больше.

Он подошел к зданию, которое, судя по примитивной карте и вывеске над крыльцом, являлось лавкой портного. Кион поднялся по трем низким ступенькам и толкнул дверь. Над головой раздался мелодичный звон колокольчика и из соседней комнаты тут же выскочил опрятного вида мужчина.

— Добро пожаловать, — поприветствовал он Киона. Портной носил белую рубашку и темно-коричневую жилетку, брюки были под цвет жилетки, а черные туфли начищены до блеска.

Кион осмотрелся в просторном помещении. По размеру оно было примерно как зал в таверне Марты, но если для таверны такая площадь считалась небольшой, то для лавки с одеждой ее было более чем достаточно. Портной использовал всю комнату по назначению — у одной стены стояли деревянные манекены, наряженные в различные костюмы и платья, демонстрирующие умения портного в шитье, а у другой на многочисленных полках и тумбах лежали различные сложенные ткани едва ли не всех цветов радуги. Ничего лишнего в этой комнате не было. Даже огромное зеркало, стоящее в углу, только говорило о том, что портной продумал все детали в своей лавке до мелочей. Хозяин лавки подошел к стойке, похожую на ту, за которой стояла Марта в своей таверне, только здесь она была завалена тканями, выкройками и мерными лентами с толстым блокнотом.

— Мне нужна одежда, — произнес Кион и только после этого понял, как глупо прозвучала его фраза. Он откашлялся и поспешил уточнить, — Что-нибудь обычное, не слишком выделяющееся.

— Повседневное, — подсказал портной и Кион воодушевленно кивнул.

— Точно, повседневное.

— Предпочитаете что-то на заказ или желаете осмотреть то, что уже имеется?

Кион задумался на минуту. Ему не слишком хотелось потом снова возвращаться за заказом по этим запутанным улицам, но то, что имелось в закромах портного, могло Киону не подойти либо по размеру, либо по вкусу. Впрочем, бард этого наверняка не узнает, пока не попробует.

— Желая осмотреть то, что есть, — наконец произнес он.

Портной кивнул и повел Киона за собой в соседнюю комнату. По размеру она не уступала предыдущей, только теперь была буквально вся завалена тканями — они лежали на полках и на столах. Однако центр комнаты был освобожден. Возможно, здесь портной снимает мерки со своих покупателей.

Мужчина подошел к одному из широких шкафов из темного дерева, открыл дверцу, порывшись в нем немного, а затем выудил просто кучу одежды. Ее он аккуратно сложил на соседний стол и отошел на шаг.

— Можете примерить все, что приглянется, — сообщил портной, — В основном зале есть зеркало. Как переоденетесь, выходите обратно и мы посмотрим, не нужно ли будет подогнать одежду.

Мужчина вышел из комнаты, предварительно задернув за собой шторку на дверном проеме. Кион повернулся к стопке сложенной одежды и принялся в ней ковыряться. Первую

рубашку он тут же отшел в сторону, даже не делая попыток ее как-то примерить. Она была яркого желтого цвета, а Кион старался выглядеть как можно более неприметно в этом городе.

Вторую и третью рубашки постигла та же участь. В итоге бард провозился у стола с одеждой гораздо больше времени, чем он сам рассчитывал, но ему все же удалось найти парочку вполне приличных и не слишком броских рубашек. Одна из них надевалась через голову, а вторая была на больших пуговицах.

Кион принялся за вторую стопку одежды, уже с брюками. На этот раз выбирать было из чего — все штаны, что выдал для примерки портной, полностью устраивали барда, а потому он взял наиболее приглянувшиеся, снял с себя свою не слишком чистую после вчерашней прогулки одежду и переделался в обновки портного. Кион осмотрел себя и покрутился вокруг своей оси. Вроде ничего. Тогда он вышел в зал к зеркалу и к нему тотчас подлетел портной, осматривая своего клиента придирчивым взглядом.

— Рукава слегка длинноваты, — заметил мужчина, но Кион только рукой махнул.

— Ничего, мне даже нравится.

— Как скажете.

Портной принялся осматривать одежду на Кионе, периодически поправляя складки. Удача сегодня была на стороне рыжего барда и если не считать длинных рукавов, то рубашка и брюки сидели на нем идеально.

— Я хочу еще одну рубашку примерить, — сказал Кион и скрылся в комнате за шторкой. Он быстро снял одну рубашку и надел другую, с пуговицами. Рукава были нормальной длины, а сама рубашка тоже сидела на Кионе идеально. Бард вышел обратно в зал и повертелся у зеркала. Вполне неплохо.

— Сидит хорошо, — заметил портной и разгладил несколько складок на одежде Киона, придирчиво все осматривая.

— Я куплю то, что на мне и ту рубашку, которую мерил до этого. Сколько это будет стоить? — спросил Кион.

Портной заглянул в толстую тетрадь, что-то там проверил и назвал сумму. Киону хватало тех денег, что он принес с собой, но он ведь еще собирался прикупить кошель.

— У меня целая коллекция кошельков, — воодушевился портной, когда бард спросил о них, — Есть кожаные, есть матерчатые, но по прочности они несколько кожаным не уступают.

Мужчина нырнул куда-то под стойку, а потом снова появился перед Кионом, но на этот раз в руках у него была большая деревянная шкатулка. Когда портной открыл ее, рыжий бард увидел внутри всевозможные мешочки и кошельки из различных материалов. Многие из них были расшиты шелковыми нитями, но большинство все же придерживалось строгого классического стиля.

Кион с позволения хозяина лавки выудил один и повертел в руках. Кошель был выполнен из темной кожи, а шнурок, которым он завязывался, был бежевого цвета. Сам кошель был небольшой, легко помещался в ладонях барда и вряд ли в нем можно было хранить много монет, но Киону он слишком уж понравился.

— Я возьму этот, — произнес бард, потрясая кошельком в руке перед портным.

— Уверены? Здесь есть экземпляры и получше, — заметил мужчина.

— А мне этот нравится, — улыбнулся Кион.

Портной кивнул, защелкнул шкатулку и убрал ее обратно куда-то под стойку, после чего

назвал сумму за все покупки барда. Кион пошарил в карманах новых брюк, куда он закинул все свои монеты после того, как переоделся, отсчитал нужную сумму и положил деньги на стойку, словно он был в таверне. Портной убрал монеты, скрылся в соседней комнате, а затем вернулся к Киону с двумя свертками.

— В одном из них та рубашка, что вы раньше примеряли, — пояснил он и протянул свертки барду, — А в другой — ваша одежда, в которой вы пришли.

— Благодарю, — Кион забрал свертки и покинул лавку портного.

Пока мужчина упаковывал его заказ, Кион успел переложить все монеты из карманов в новый кошель и прикрепить его к поясу и сейчас кожаный мешочек покачивался в такт его шагов. Бард принялся на ходу размышлять, что еще ему может понадобится и вспомнил вчерашний вечер, а точнее, ту его часть, где он провел за открыванием сундука. Каждый раз раскапывать тайник голыми руками — не самая лучшая идея. Нужно бы прикупить какую-то небольшую лопатку или вроде того. Кион вспомнил, что когда забирал мешок в той недружелюбной деревне, он как раз вытащил с него все инструменты для ковыряния в земле. Сам Кион понятия не имел, зачем они, но среди них явно была маленькая лопатка. Если бы бард тогда забрал ее с собой, сейчас не пришлось бы тратить денег на нечто подобное.

Кион направился дальше по улице пружинистым шагом. Впрочем, он все равно не свои деньги тратит, так что можно было не переживать. Бард усмехнулся от этой мысли и похлопал по полупустому новенькому кошельку. Он хотел было направиться в лавку, которая торгует огородными приспособлениями и даже расправил листок с нарисованной картой, как вдруг до него дошло, что он не спрашивал у Марты о подобных лавках, только про портного. Кион досадно закусил губу и спрятал карту обратно в карман. Что ж, придется действовать по-старинке.

Кион пропустил мимо себя нескольких прохожих, оценивая их внешне. Кто бы из них мог знать, как и чем ковыряться в огороде, а значит, часто посещать лавку, продающую лопаты, грабли и прочую ерунду? Богато одетые прохожие явно в эту категорию не входили и Кион с грустью пропускал их мимо себя — все же, общаться с аристократами ему было интереснее, чем с обычными людьми, которые еще умудрялись запинаться в речи.

Кион прошел еще несколько шагов и вышел на небольшой рынок. Открытые лавки зазывали покупателей со всех сторон, а те, в свою очередь, толпились у каждой из них и вся эта толпа создавала шум и гам, а иногда и откровенную давку. Здесь что, какая-то распродажа?

— Здесь всегда так, — ответил Киону мальчишка, которому на вид было лет двадцать, когда бард остановил его и спросил про эту толчею. Затем, не дожидаясь еще вопросов, мальчишка невежливо растворился в толпе.

Кион почесал в затылке, но на всякий случай решил проверить этот небольшой рынок и посмотреть, не продает ли кто из торговцев огородный инвентарь, как назвал про себя Кион скопление грабель и лопат. К его сожалению, в основном все торговали едой — фруктами, овощами, сыром или мясом с колбасами. В каждой лавке продавали что-то съедобное. Возможно, именно поэтому здесь всегда было так много народу, как говорил тот мальчишка.

Кион приуныл и от этого даже купил себе грушу вместо того, чтобы в этой давке просто незаметно ее стащить. Бард вышел на другую улицу, прорывая себе дорогу через людей с помощью локтей, при этом Кион не забывал и про грушу, а когда закончил ее есть, то бросил огрызок прямо в урну, как и любой другой столичный житель.

Бард продолжил неторопливо шагать по улице. Постепенно рыночный шум становился

тише и вскоре он практически совсем утих. Кион задумался, что ему следует делать дальше. Может, вернуться к Марте и спросить ее о лопате? Но барду совсем не хотелось объяснять, для чего ему лопата. Тогда стоило бы отловить какого-нибудь местного жителя и спросить у него, где можно прикупить вещи для огорода.

Кион почесал кончик носа и снова принялся оценивать мимо проходящих людей. Теперь обычно одетых было больше, чем явных аристократов и знатных господ. А значит, кое-кто из них наверняка знал, как ковыряться в огороде и где в городе можно купить лопату.

Кион остановил первого прохожего в обычной одежде, похожей на ту, что носил сам бард. Кион поинтересовался у него, есть ли где поблизости какие-нибудь лавки, продающие инструменты для огорода.

— Инструменты? — переспросил мужчина и почесал заросшую щетиной щеку, неприятно напомнив Киону о том, как сам бард обрастал этими колючками на лице, — В смысле, грабли? Да у нас свои у всех есть, нам ни к чему такая лавка.

— Пряма так у всех? — не поверил Кион.

— У всех, — уверенно кивнул мужчина.

Кион отпустил его и прислонился к стене ближайшего дома. Значит, подобной торговой лавки в этом городе не было, если, конечно, можно было верить словам того прохожего. Кион провел пальцем по брови, не совсем понимая, что ему теперь делать с тайником всякий раз, как он решит к нему наведаться и пополнить карманы. Постоянно откапывать сундук руками Киону быстро надоест. Да и долго это было, хоть сундук, по сути, был спрятан под корнями дерева и всего лишь присыпан землей.

Кион отлепился от стены и снова продолжил идти без четкого маршрута, просто прогуливаясь. Ему до жути не хотелось копать руками. Бард остановил еще одного местного жителя и расспросил его о лопатах, но ответ был такой же, как и в прошлый раз — подобных лавок в городе не было, а у всех жителей, которые отхватил себе участки с огородами, имелись свои инструменты для такого дела.

Кион поблагодарил мужчину и зашагал дальше по улице. Хитрому барду в голову пришла замечательная идея — нужно найти дом с огородом, расположенный неподалеку от главных ворот. И всякий раз, как на ночь глядя Кион будет отправляться к тайнику, он сначала наведается на этот участок и заберет оттуда лопату, а на обратном пути вернет ее хозяевам на место.

Рыжий бард уже всю ликовал, направляясь в ту часть города, где находились главные ворота, но внезапно его поразила еще одна мысль и он даже резко остановился. Лопата будет слишком заметна и стражники у ворот наверняка начнут задавать неудобные вопросы барду, который то и дело постоянно станет шнырять туда-сюда каждые несколько дней с лопатой в руках. Может, лучше выкрасть лопату и закопать ее рядом с тем деревом и сундуком? А жители пускай мучаются от того, что в городе нет ни одной лавки, где продавали бы садовые инструменты. Главное, что Кион мучиться не будет.

Бард тихонько захихикал и даже поймал на себе удивленные взгляды прохожих. Кион откашлялся и продолжил идти. Пожалуй, ему стоит поискать вокруг стены города такое место, где можно было бы пробраться, минуя стражу. Иначе они наверняка запомнят лицо человека, выходящего из города каждые несколько ночей. Это как минимум будет подозрительно. А вдруг они решат проследить за Кионом? И тогда плакал его сундук с сокровищами.

Может, просто купить длинный плащ с капюшоном и незаметно покидать город через ворота, пока стражники осматривают вещи других путешественников? Кион был уверен, что он сумеет провернуть нечто подобное. К тому же, этот способ был проще, чем тот, о котором он изначально думал, ведь чтобы найти другой путь через стену города, Киону сначала придется потратить несколько дней на то, чтобы эту самую стену хотя бы осмотреть. А к тому моменту у барда могут закончиться монеты.

Остановившись на варианте с длинным неприметным плащом, Кион вновь достал помятую карту Марты из кармана, разглядел ее и долго не мог сориентироваться, где он находится и где найти ближайшую лавку очередного портного. Идти обратно Киону было лень, да и не хотел он лишний раз вызывать подозрений у того хозяина лавки, у которого сегодня закупался вещами. Если бы он сразу с одеждой купил бы и плащ, вряд ли портной бы это запомнил, а так Кион только лишний раз засветится своими действиями, а бард хотел пока что выглядеть как можно более незаметно, пока окончательно не убедится, что король не объявил его в розыск. И хоть сам Кион не верил в то, что его могут разыскивать, он все же предпочитал пока особо не высовываться.

Кион прошел еще несколько переулков, но в итоге не выдержал и в третий раз остановил случайного прохожего и спросил его о ближайшей лавке портного. Удача все еще была с бардом и местный житель указал направление к нужному зданию. Как оказалось, лавка портного была буквально за углом впереди стоящего дома.

Поблагодарив прохожего, Кион направился в указанную сторону, завернул за угол и наткнулся на желаемое здание. Внутри было несколько людей и одна далеко не молодая дама, которая сейчас заворачивала что-то в сверток, а затем протянула его покупателю. Тот расплатился и довольный покинул лавку. Кион понял, что эта дама и есть хозяйка этого здания. Бард немного поморщился и понадеялся, что она не будет такой же грубиянкой, как та, которую встретил Кион в первый день своего пребывания в этом городе.

Дама работала довольно шустро и уже совсем скоро очередь дошла до Киона.

— Я шью только на заказ, — предупредила женщина, — Любую одежду, какую пожелаете.

— А дорожные плащи? — спросил Кион и у портнихи брови поползли вверх от удивления.

— Дорожные плащи? — переспросила она, — Могу и их сшить. С капюшоном или без?

— Лучше с капюшоном, а то вдруг дождь польется, — ответил Кион. Истинную причину о том, зачем ему капюшон, он говорить, конечно же, не стал.

Женщина кивнула и указала рукой на элегантную ширму. На вопросительно приподнятую одну бровь Киона она пояснила, что ей нужно снять с него мерки, даже если она собралась пошить дорожный плащ.

— Я буду знать длину плаща и ширину ваших плеч, — добавила женщина.

Кион позволил ей сделать свое дело и портниха прилежно записала все мерки в толстую тетрадь. Она пообещала, что заказ Киона будет готов уже послезавтра и тут же начала заниматься следующим покупателем. Кион почесал в затылке и покинул ее лавку. Да уж, портниха была шустрая и быстрая и барду она даже напомнила крольчиху. Кион усмехнулся и двинулся по улице в сторону таверны Марты. Про себя он решил называть эту шуструю портниху крольчихой. К тому же, женщина и правда была немного похожа на этого зверька со своим слегка приплюснутым носом и быстрыми движениями.

В таверну Кион вернулся позже, чем думал. Пару раз он терялся среди запутанных улиц

города, а потом его ухо зацепилось в толпе за слухи со столицы и рыжий бард постоял рядом, грея уши и делая вид, будто он любит стену дома. В столице за эти дни король отправил на виселицу еще двоих преступников. Значит, Сэра не осталась голодной. Принцесса Ангелина сидит безвылазно в замке под запретом короля. Люди шептались о том, что девушка не так уж и невинна и Кион хмыкнул про себя. Та ночь была веселой, не считая стражников короля и потерю сапфировой звезды.

Бард тяжело вздохнул. За звезду ему было до сих пор обидно. С другой стороны, он вместо нее получил целый сундук сокровищ, так что Кион не сильно горевал по этому поводу.

Его ухо выхватило среди сплетников знакомое имя и бард снова принялся усиленно делать вид, что разглядывает поросшую травой стену чьего-то дома. Люди болтали о том, что хозяйка борделя запретила людям короля появляться в своем заведении аж на целую неделю. Все сплетники как один считали, что это был такой безопасный способ показать королю, что не все в столице согласны с его методами, но Кион считал иначе. В доме Эльвиры остались его вещи и наверняка это было бы подозрительно, если бы в борделе, полном девочек, нашли бы мужские вещи и меч, не говоря уже об украшениях аристократок, которые притаскивал Эльвире Кион. Скорее всего она просто хочет спрятать вещи понадежнее и научить своих девочек, что следует говорить рыцарям короля, когда они явятся с обыском в бордель. Или не с обыском, но так или иначе явятся.

Кион вздохнул и поплелся дальше по улице. Его уже давно не было в столице, а он все равно причиняет неудобства Эльвире — единственному человеку со всего мира, который искренне заботился о барде. Женщина наверняка думает, что Кион мертв, могла бы просто выбросить его вещи или продать, чтобы не попасть в неловкую ситуацию перед стражниками короля. Но Кион знал, что у хозяйки борделя рука не поднимется выбросить его вещи и она оставит их себе на память о нем. Знала бы она, что он жив...

Кион снова услышал сплетни со столицы и на этот раз люди обсуждали нелепо одетого слугу какого-то знатного господина. Рыжий бард даже остановился и уставился на сплетников, которые стояли на краю дороги рядом с чьим-то домом и активно обсуждали очередную новость.

— Говорят, он обманом пробрался в замок, — произнес один из сплетников.

— А я слышал, что его за руку провела сама принцесса, — не согласился другой.

— Уж не знаю, как он попал в замок, но все в столице говорили только о его нелепом виде, — добавил третий, — Похоже, этот слуга надел вещи своего господина, чтобы выглядеть прилично, да вот только они были ему великоваты.

Люди продолжили спорить и Кион усмехнулся. Чего только в сплетнях не наслушаешься! Бард решил добавить свою абсурдную версию и подошел к сплетникам поближе.

— А я слышал, что у этого слуги был маленький кошачий хвост, — произнес Кион с абсолютно серьезным выражением на лице, хотя сам готов был расхохотаться в любую секунду, — Именно этим хвостом он и очаровал принцессу и сумел залезть к ней в постель.

— Кошачий хвост?! — в удивлении воскликнули двое из сплетников.

— Да быть того не может, — фыркнул третий.

— Возможно, — кивнул Кион, — Но как тогда объяснить то, что этот слуга ловко выпрыгнул из покоев принцессы и приземлился на ноги без единого синяка?

Сплетники притихли и бард сообразил, что об этом тоже судачили в столице. Что ж, по

крайней мере, люди обсуждали хоть одно его великое достижение той ночи. Сплетники начали выдвигать новые теории, порождая их в нелепые слухи и Кион под шумок удалился. Совсем скоро этот слуга в нелепой одежде превратится в какое-нибудь чудище с хвостом кота и рогом быка и Кион посмеялся над глупостью людей. Неужели все в это поверят? Ну откуда у человека кошачий хвост?

Кион вернулся в таверну, пообедал и поднялся в свою комнату. Он заглянул под кровать и вытащил оттуда мешок с монетами, тихонько звякнувший у него в руках. Надо бы его перепрятать на всякий случай, но куда? Бард осмотрелся в комнате, но она была так скудно обставлена, что вариант с хранением мешка под кроватью казался самым лучшим.

Кион почесал в затылке, потом пригладил свои волосы и вытащил несколько разных монет из мешка, а затем переложил их в свой новенький кошель. Кто знает, сколько ему денег понадобится за меч и плащ, лучше пусть у него имеется с собой их большее количество, чем обычно.

Закончив с кошельком, Кион повесил его обратно на пояс, но что делать с мешком, он так и не придумал. Два свертка с одеждой, которые с собой принес бард, сейчас лежали на кровати с унылым видом. Кион хотел было попросить Марту постирать его рубашку, испачкавшуюся в земле, когда он копал, но потом бард передумал — копать ему предстоит еще не один раз. А потому, как только он надумает снова наведаться к тайнику, Кион просто переоденется в эту одежду и все.

Бард заглянул под кровать и большим пальцем руки принялся поддевать доски в надежде, что хотя бы одна из них окажется податливой. Ему повезло и одна небольшая доска и правда легко отошла от остальных, открывая небольшую нишу, с которой пахло влажной землей и древесиной. Кион внимательно осмотрел и ощупал ее. Мешок с монетами легко мог бы поместиться внутрь и вряд ли кто-нибудь догадается проверить тайник под досками. Кион был уверен, что даже сама трактирщица не знала об этом, иначе она бы точно залатала дыру, учитывая то, как трепетно Марта относилась к своей таверне. Бард спрятал мешок в нишу и опустил доску обратно.

Кион, сбросив туфли с ног, плюхнулся в койку и растянулся на ней. Он принялся рассматривать ничем не привлекательный скошенный потолок, а в мыслях у него один за одним проносились все занятия, которые можно было бы поделать, чтобы прогнать скуку. Беда была в том, что все эти занятия барда подходили только для столицы, в этом городе вряд ли найдется нечто подобное, да и аристократов тут было не густо. По крайней мере, в той части города, где находилась таверна Марты. Бард зевнул, перевернулся на бок и уже совсем скоро незаметно для себя заснул.

* * *

Когда Кион открыл глаза, то обнаружил, что в его комнату попадал уже вечерний свет, а значит, бард проспал полдня. Кион сел в кровати, потянулся и зевнул. Его рыжие волосы, попавшие в лучи заходящего солнца, ярко загорелись на голове. Кион свесил ноги на пол, надел туфли и поднялся, после чего снова потянулся и вышел из комнаты. Он спустился в зал таверны, где теперь было гораздо больше народу, осмотрелся и занял место у стойки рядом с Мартой.

— Ужинать будешь? — спросила трактирщица, наливая кружку эля одному из посетителей.

— Нет, я пока не голоден, — ответил бард, — Но не откажусь от кружечки чего-нибудь такого.

Кион подбородком указал на кружку с элем, которую довольно начал пить потрепанного вида мужчина и Марта кивнула. Она достала откуда-то из-за стойки жестяную кружку со слегка погнутой ручкой, наполнила ее элем с одного из бочонков и протянула Киону, после чего отправилась обслуживать только что вошедших посетителей, которые заняли один из немногих оставшихся свободных столов.

Кион с кружкой в руках обернулся к залу. Он сделал глоток и в его голове сформировалась не слишком лестная рифма о виде этой таверны. В столице Киону довелось повидать куда более опрятные и богато обставленные подобные заведения, но учитывая, как Марта следит за чистотой в своей таверне, Кион постарался поскорее забыть рифмованный отзыв ее залу.

Бард сделал еще глоток, лениво рассматривая посетителей, которые уже набили собой практически весь зал. Большинство из них были словно вылеплены по единому шаблону — изношенные тряпки, которые гордо именовались одеждой, а также не менее изношенные тяжелым трудом лица. Ну или тяжелой ежедневной борьбой с элем у Марты в таверне. Другая же часть выглядела вполне прилично, хотя до знатных господ им было еще очень далеко. Таверна наполнилась шумом и гамом, где-то слышался громкий смех, а где-то раздраженные крики, которые, впрочем, тут же утихли, стоило только Марте пригрозить, что дебоширов она не потерпит в своей таверне.

Кион усмехнулся и одним глотком допил свой эль. Марта чем-то напоминала ему Эльвиру. Нет, не внешне, все же на вид они были абсолютно разные. Но характер у женщин был одинаково бойкий. Кион был уверен, что если бы они встретились, то наверняка стали бы отличными подругами.

Бард запросил еще одну порцию эля и положил монеты на стойку перед Мартой. Женщина спрятала их в карман, наполнила кружку хмельным напитком и протянула ее Киону. Тот в благодарность кивнул, но пить не торопился. Кион запросил кружку эля только для того, чтобы остаться сидеть в зале, рассматривая посетителей. В столице было заведено так, что если ты не ешь и не пьешь, то будь любезен расплатиться и покинуть заведение, ведь на твое место придут другие посетители, которые никогда не заканчивались. Кион не знал, придерживается ли Марта подобных взглядов по ведению дел, но на всякий случай решил не сидеть с пустыми руками.

— Я слышал, что иногда путники пропадают на дорогах, — донесся до Киона позади чей-то не совсем трезвый голос.

Бард вспомнил, что нечто подобное слышал, когда впервые шел в этот город. Он наострил уши и при этом не стал поворачивать голову в сторону говорящих, чтобы никак не выдать себя и то, что он нагло подслушивает чужой разговор.

— Да об этом уже давно новости расползаются, но никто ничего не делает, — рыгнул второй собеседник и продолжил, — Стража считает, что это, дескать, дикие звери утаскивают к себе людей и сжирают их потом.

— И при этом никто не видел, чтобы их утаскивали дикие звери, — скептически отозвался первый голос.

Раздался звон ударяющихся кружек и Кион все же повернул голову в ту сторону. За столом позади себя он увидел двух громил, спокойно распивающих эль. Судя по их одежде и сумкам, они прибыли в этот город недавно. Громилы еще раз чокнулись железными

кружками и принялись уплетать ужин, который им на стол поставила подошедшая Марта.

— Только кружки мне не помните, — попросила трактирщица, возвращаясь за стойку.

— Не бойсь, мать, мы легонько, — икнул самый нетрезвый из них и даже приподнял кружку в воздухе, словно бы собирался произнести тост, но затем он передумал и просто сделал глоток.

Кион отвернулся и тоже отхлебнул от своей порции эля. Он уже второй раз слышал о том, что люди пропадают на дорогах. Странно, что местный правитель ничего не делает. Хотя, зная этих правителей, скорее всего ему дела нет до тех, кто пропадает где-то там, за стенами города. А вот если кто-то начнет пропадать уже в самом городе, да еще при этом окажется каким-нибудь аристократом, то наверняка местный правитель зачесется, так как если он ничего не станет делать, то в этом случае пострадает его репутация.

Кион раздраженно отпил еще глоток с кружки. Взять бы всех этих правителей, королей да графов и заселить их куда-нибудь на маленький остров и пусть они там сами с собой разбираются, а простой народ спокойно проживет без них, без их войн и без их равнодушия, ни во что не ставящее жизни людей.

Кион гневно засопел и проходящая мимо Марта с пустым подносом в руках сильно и больно потрепала его за щеку.

— Если будешь так ноздри раздувать, то они лопнут, — засмеялась женщина и скрылась на кухне.

От ее звонкого смеха Кион успокоился и сам едва не рассмеялся. Наверняка со стороны он выглядел забавно. Кион отхлебнул очередной глоток с кружки и снова наострил уши, через шум таверны стараясь уловить еще какие-нибудь слухи. Двое громил, что сидели за столом позади него, пьяно обсуждали небезопасность местных дорог за городом. Когда они принялись размышлять, что за зверь утаскивает несчастных путников с дороги, то оба не сошлись во мнениях. Один из них считал, что виноват был медведь. Большой и злой и, скорее всего, черный. В то время как второй выдвинул версию поинтереснее — по его словам, путников утаскивало некое мифическое существо с телом льва и хвостом в виде змеи. Кион сразу понял, что речь зашла о химерах, но оба пьянчуги не могли вспомнить название этого животного.

— Их же не существует, — начал возмущаться тот громила, кто был уверен, что виноват во всем медведь.

— То, что их никто не видел, не значит, что они не существуют, — поспешил не согласиться с ним сторонник теории про химер. Кион про себя назвал одного из них «медведем», а второго «химерой».

— А я тебе говорю, их не существует, — продолжил настаивать медведь, — Ты, небось, в Деда Мороза до сих пор веришь?

— А вот его сюда не приплетай, — химера ткнул пальцем в своего собеседника, — Он точно существует, я его своими глазами видел!

— Да? И когда же?

— В детстве!

— Так то твой батя нарядился, чтобы создать тебе дух праздника, — отмахнулся медведь и осушил свою эль, после чего подозвал Марту и попросил наполнить их пустые кружки.

— Я что, батю своего в костюме переодетого не узнаю? — фыркнул химера, дождался, когда трактирщица принесет им уже полные кружки и с упоением сделал большой

глоток, — Ерунды-то не говори.

— Это я-то ерунду говорю? — удивился медведь. С кружкой в руках он поднялся со стола и обратился к уже переполненному залу, — Дорогие посетители, кто-нибудь из вас все еще верит в Деда Мороза и эту, как ее... Тварь такая, с телом льва и хвостом змеи.

— Химера, — подсказал Кион, едва сдерживаясь от смеха.

Медведь повернулся к нему и пьяно указал в его сторону пальцем, шатаясь на ногах. При этом из его кружки, которую он все это время не выпускал из рук, расплескался весь эль.

— Во, точно! — воскликнул он, — Хмера.

— Химер нам еще не хватало, — фыркнул кто-то в зале, — Мифы они и не более того.

— А я тебе говорю, они существуют! — заорал химера, резко вскочил на ноги и облил элем того посетителя, который посмел причислить химер в мифические существа.

Облитый элем посетитель не стал терпеть такой наглой выходки. Он тоже схватил свою кружку с элем и выплеснул напиток прямо в лицо химере, после чего хорошенько размахнулся, но кинуть кружкой в обидчика так и не успел.

— Хотите, чтобы я вас всех самолично вышвырнула на улицу?! — раздался по всему залу грозный голос Марты и Кион даже втянул голову в плечи, словно он был одним из виноватых пьянчуг.

Посетители замерли, а потом расселись обратно по своим местам. В зале на минуту воцарилась тишина, но потом привычный шум вернулся в таверну, но на этот раз обошлось без пьяных выкриков и ругательств.

— То-то же, — довольно хмыкнула Марта и подмигнула Киону, — Поэтому я всегда и прошу плату сразу. Чтобы не пришлось выпроваживать за дверь тех, кто не успел заплатить.

Марта продолжила протирать стойку и Кион сделал несколько глотков с кружки, оставляя немного эля на дне. Он снова сравнил трактирщицу с Эльвирой и укрепился в своем предположении, что они обе могли бы поладить. Гул голосов набрал прежние обороты и бард решил выйти на улицу и проветриться. Однако едва он ступил за порог, как порыв легкого прохладного ветра обдул его, заставляя передумать и вернуться назад. Тепло зала таверны приятно прогнало тот холод ночи, что успел зацепиться за Киона. Бард, поразмыслив немного, вернулся в свою комнату и отправился спать.

Всю ночь ему снилось, что химера с телом льва, хвостом змеи и головой медведя гналась за ним по мощеной длинной дороге. Дорога была прямая, а впереди маячил замок короля. Вместо солнца над замком возвышалась сапфировая звезда. Однако сколько Кион не бежал, он никак не мог добраться даже до ворот замка. Казалось, с каждым шагом замок только отдалялся. Зверь уже дышал в спину барда и вот-вот готов был прыгнуть на него и растерзать.

Кион сделал отчаянную попытку свернуть с дороги, но что-то помешало ему, зацепившись за его ноги. Рыжий бард глянул вниз и увидел, что их опутала крепкая густая паутина. Над самым ухом раздался рев медведя. Кион обернулся и увидел два блестящих ярких голубых глаза уже у самого своего лица, а затем он резко проснулся.

Раннее солнце уже освещало эти земли и его свет постепенно прогонял ночную темноту с комнаты. Кион провел рукой по лицу, стараясь забыть эти ужасные глаза, но громкий рев до сих пор раздавался в ушах. Бард сел в кровати, откинул одеяло и внимательно осмотрел свои ноги. Паутины нет. Кион вздохнул с облегчением. Всего лишь сон. События последних дней странным калейдоскопом скрутились в его сознании, выдав в итоге ночной кошмар.

Интересно, в такой час Марта работает? Было бы неплохо попросить у нее кружку горячего чая, чтобы взбодриться и отойти от вчерашнего эля, хотя Кион выпил не так уж и много.

Бард спрыгнул с кровати и заметил в углу бадью для умывания, наполненную водой. Каждое утро одна из работниц Марты приносила в комнаты ведра с водой, но Кион просыпался так поздно, что вода успевала остыть. Сегодня же, благодаря его кошмару, Кион умылся еще теплой водичкой, вытер лицо о чистое полотенце, что лежало рядом, затем оделся и вышел из комнаты. Он спустился вниз в зал и обнаружил, что никого там не было, ни одного посетителя. Стулья аккуратно стояли, задвинутые под стол, а пол уже кто-то вымыл начисто. Кион в который раз подивился работоспособности Марты и ее погоней за чистотой.

Бард заглянул на кухню и заметил, что на печи готовилась еда в большой кастрюле, но никого в помещении не оказалось. Почесывая в затылке, Кион вышел обратно в зал и в этот момент входная дверь распахнулась, впуская за собой яркие утренние лучи солнца.

В таверну вошла Марта и прикрыла за собой дверь. В руках у нее была глубокая корзина, накрытая сверху белым полотенцем, но судя по ароматному запаху, тут же наполнившему собой весь зал, в корзине лежал свежее испеченный хлеб. Женщина не сразу заметила барда, но когда все же обратила на него внимание, то только усмехнулась.

— Сейчас не полдень, — сказала она и направилась через весь зал в сторону Киона, что стоял у стойки.

— Что? — не понял бард и Марта снова добродушно усмехнулась.

— Утро, говорю, на улице. А ты обычно спишь до полудня, так что можешь вернуться пока в комнату. Да и завтрак еще не готов. Вот, за хлебом ходила.

Марта дернула рукой с корзиной и Кион понял, что она выходила за покупками. Но прежде чем женщина успела скрыться на кухне, бард попросил ее сделать крепкого чаю, а сам сел у стойки и принялся терпеливо дожидаться своего напитка.

Долго ждать не пришлось и вскоре Марта вынесла ему кружку с чаем и небольшую тарелку, которая полностью была заполнена сладостями.

— Только аппетит не потеряй из-за печенья, — подмигнула женщина и снова скрылась на кухне.

Кион принялся с упоением поглощать угощение, не забывая запивать все это чаем. За этим делом он размышлял, чем бы ему заняться сегодня. Плащ и меч он сможет забрать только завтра, так что вечером не стоит выходить к тайнику. Да и незачем пока — монет в мешке барда было еще предостаточно.

Кион откусил кусочек от печенья. Монет в мешке пока хватало, а в тайнике было еще больше, так почему бы их не начать тратить? Кион пожевал печенье, а когда с кухни вышла Марта, спросил ее, какие развлечения есть в городе.

— Развлечения? — задумалась трактирщица и убрала со лба выбившуюся прядку волос, — Слыхала я, что где-то в этой части города иногда проводят петушиные бои, но я не знаю, где это. Еще устраивают всякие соревнования, но такое только по крупным праздникам, а ближайший будет лишь осенью.

— Петушиные бои? Это что? — удивился Кион.

— Да все просто, — начала объяснять Марта, — Берут двух петухов и выставляют их друг против друга, а зрители перед этим делают ставки на одного из них. Угадаешь с победой, получишь двойную сумму. Не угадаешь — потеряешь монеты.

Марта принялась протирать тряпкой столы, оставив Киона в размышлениях. Бард

почесал за ухом, допивая свой чай. Какое варварство эти их петушинные бои! Поэтому Кион просто обязан в них поучаствовать. Точнее, испытать свою удачу. Марта сказала, что проводятся такие бои где-то в этой части города, но где именно, она не знала. Пожалуй, пришло время прогуляться.

Кион вернулся в комнату, прикрепил свой новенький кошель к поясу и спустился обратно в зал. Он махнул Марте на прощание и вышел на улицу.

Раннее солнце уже чуть выше поднялось над горизонтом. Его яркие лучи приветливо трогали весь город, создавая вдохновенное настроение. Кион прокрутил в голове новую рифму, которую он только что придумал. Бард пожалел, что у него не было с собой пера и бумаги, чтобы записать все свои стихи.

Кион продолжил шагать по извилистым улицам города. Вопреки его ожиданиям, даже в такой ранний час здесь уже полно было народу и все спешили куда-то по своим делам. Впрочем, час был ранним только для рыжего барда, для остальных жителей это было привычное утро.

Поймав случайного прохожего, Кион расспросил его о петушинных боях, сделав вид, будто сегодня бард впервые попал в город. В ответ местный житель рассказал, что подобными увлечениями не интересуется и продолжил свой путь, не дав ничего ответить Киону. Тогда бард опросил другого случайного прохожего, но тот вообще впервые слышал о подобном.

Кион прошел дальше по городу и вскоре вышел к рынку, который в такой ранний час оказался переполнен людьми. Походив между лавками и оценив едва ли не каждый товар, Кион снова попытался расспросить жителей об их забаве с петушинными боями. Ему повезло только на третий раз, когда какой-то мальчишка лет пятнадцати на вид и в порванной одежде подробно расписал, где обычно проводились такие бои.

— Только днем там пусто, — сказал мальчуган, — Вечером нужно приходить, после заката.

— Отчего так? — поинтересовался Кион, — Эти бои вне закона?

— Да не, — беззаботно махнул рукой его молодой собеседник, — Просто традиция такая.

Кион кивнул и собрался уже было пойти своей дорогой, но мальчуган дернул его за рукав и огромными глазенками заглянул в лицо барду.

— Разве за информацию не полагается платить? — нагло спросил мальчишка и состряпал при этом такое жалостливое лицо, что Кион едва не расхохотался.

Малец напомнил барду самого себя, когда он начинал изображать совсем не то, о чем думал на самом деле. Кион внимательнее посмотрел на мальчишку. Тощее тело, рваная одежда и грязные волосы. Как он вообще до этого выживал на улицах? Бард ловко достал из кошелька золотой и, подкинув его в воздухе, протянул мальчишке.

— Обещай, что на эти деньги купишь себе чего-нибудь поесть и нормальную одежду, — попросил Кион.

— О-о, целый золотой! — воскликнул малец и забрал монету, продолжая разглядывать ее в свете утренних лучей, — Обещаю купить себе сытный обед. А вот одежду не буду. Мне в рванье охотнее подадут.

Кион расхохотался и потрепал мальчугана по его взъерошенным каштановым волосам. Вот же наглец! Охотнее ему милостыню подадут, видите ли. Впрочем, сам Кион был с ним согласен, а потому направился вдоль лавок рынка, разглядывая товары. Но не успел он и двух

шагов сделать, как кто-то дернул его за подол рубашки. Бард обернулся и увидел, что малец последовал за ним.

— Если тебе чего нужно будет, дядь, ты мне говори, — уверенно шмыгнул носом наглец, — Я тебя легко по городу проведу. А то вы, приезжие, вечно в нем путаетесь.

— А в ответ я должен буду тебе заплатить, да? — усмехнулся Кион.

— Первые три экскурсии будут бесплатно, — улыбнулся наглец.

Кион пообещал, что подумает и мальчуган тут же растворился в толпе. Бард принялся ходить вдоль лавок, разглядывая товары. На глаза ему попала деревянная и раскрашенная фигурка медведя, который стоял на задних лапах и широко разинул пасть. Казалось, он вот-вот взревет. В голове Киона пронесся медвежий рев, который он слышал в кошмаре. Бард моментально вспомнил об этом сне и его настроение тут же почернело, несмотря на прекрасную погоду на улице. Мало того, что он видел недостижимый замок короля и сапфировую звезду, насмешливо висящую высоко в небе, так его еще едва не задрала химера. Но что самое ужасное, о чем Кион даже не хотел вспоминать, это была паутина, сильно стянувшая его ноги и мешающая бежать. Казалось, она была как веревка.

Из-за этого кошмара бард вспомнил то, что хотел все это время забыть — людоедку и ее иллюзии, которые уже начали тогда вырисовываться на краю зрения Киона. А еще эта ее силища дико напугала барда и при воспоминании о том, как ведьма легко сломала его цепи на руках, Киона вновь пробила мелкая дрожь. Ему даже показалось, что два ярких голубых глаза наблюдали за ним из толпы, но когда он обернулся, то увидел обычных жителей, снующих туда-сюда.

Кион вдохнул побольше воздуха и поплелся обратно в таверну. Ему резко расхотелось прогуливаться по городу или искать место, где по вечерам проводили бои с петухами. Сейчас барду хотелось только одного — добраться до таверны и закрыться в своей комнате.

* * *

К вечеру Киону стало легче и он даже отругал себя, что так сильно всполошился из-за воспоминаний о Сэре. Ведьма осталась в своем логове. Это можно было легко понять по слухам со столицы. Король казнил еще нескольких преступников после Киона, а самого рыжего барда в розыск не объявляли. Значит, людоедка осталась в своей пещере. Да и зачем ей покидать то место — король ведь вечно ее подкармливал неудобными людьми.

Кион спустился в полный людей зал и занял свободный стул у стойки трактирщицы. Марта разносила еду среди столов, а когда вернулась, то поставила перед Кионом тарелку с вареным рисом, сверху щедро приправленным морковью.

— Вот, поешь, а то ты сегодня весь день в комнате проторчал, — сказала Марта и всунула Киону в руку деревянную вилку.

— Мне нездоровилось, — соврал бард и принялся жадно уплетать ужин.

— Смотрю, теперь тебе лучше, — улыбнулась Марта.

Кион вытащил деньги и хотел отдать ей за еду, но Марта не приняла монеты.

— Сегодня за счет заведения, — сказала она и легонько потрепала барда по плечу, — Кушай и поправляйся.

Марта отправилась выполнять заказ очередного посетителя, оставив Киона наедине с тарелкой. Тот ощутил укол совести, но спорить с трактирщицей не стал и спрятал монеты обратно в кошель. Он быстро доел свой ужин и покинул таверну.

На улице стоял приятный холодок. Кион зашагал по освещенной факелами и фонарями дороге, вспоминая слова мальчугана о том, как пройти в то место, где по вечерам устраивали петушинные бои. Кион свернул один раз, потом второй, прошел вперед по дороге и понял, что вышел не туда. Тогда он развернулся и зашагал обратно, чувствуя, как в нем закипает гнев на этот город. Кто вообще додумался сделать такие узкие и запутанные улицы? Создавалось впечатление, что дома здесь изначально строились в хаотичном порядке. В этом городе даже не было карет или повозок, которые могли бы отвезти человека на другой конец этого запутанного муравейника. А если бы и были, то просто не проехали бы по таким узким улицам.

Кион свернул за угол и направился вдоль дороги. В первый свой день в этом городе он по привычке предположил, что здесь имелся транспорт, который мог вмиг доставить его хоть на другой конец города, но увы, он ошибся. Постоянно приходилось ходить пешком и занимало это много времени. Город хоть и был явно меньше столицы, но все еще довольно большой. Кион даже начал опасаться, как бы он мозоли не натер на ногах от постоянной ходьбы.

Бард снова завернул за угол и до него донеслись чьи-то восторженные крики. Судя по шуму, впереди было много народу и они что-то делали, от чего все приходили в восторг и синхронно улюлюкали. Решив, что место с проведением петушинных боев уже совсем близко, Кион ускорил шаг, завернул за один угол, прошел вперед, завернул за второй и вышел к тупику. Только он не был пустым — здесь собралась толпа, полукругом расположившись вокруг чего-то, чего Кион не видел за их спинами.

Бард подошел поближе и вытянул шею, с любопытством осматривая то, из-за чего толпа вновь пришла в восторг. Он заметил двух петухов, яростно набросившихся друг на друга. Один был белым, а второй — темный с красивым хвостом. Каждый раз, когда один из них клевал другого, толпа бурно реагировала, выкрикивая слова поддержки и поднимая кулаки в воздух. Вскоре бой был объявлен законченным и примерно треть от всей толпы собралась в углу у одного мужчины, одетого в кожаный доспех и сидевшего за столом. Кион заметил, что он отсчитывал людям деньги, сверяясь с бумагой, лежащей на столе. Рядом с ним стояла парочка громил в легкой кольчуге без рукавов.

Кион сообразил, что именно у этого мужчины и делаются ставки. Когда люди разошлись и к столу стали подтягиваться неудачники, проигравшие деньги в прошлом раунде и желающие отыграться и сделать еще одну ставку, Кион смешался с ними и стал терпеливо дожидаться, когда очередь дойдет до него.

— На кого ставите? Черного или белого? — лениво спросил мужчина в кожаном доспехе, едва удостоив Киона взглядом, когда подошла очередь барда.

— На обоих, — заявил Кион и протянул две монеты. Он проиграет одну ставку, но вторая явно отыграется и вернет ему потраченные деньги. Он, конечно, ничего не выиграет, но и не проиграет. План был безупречный.

Мужчина поднял глаза и уже внимательно посмотрел на барда, а тот продолжал нагло улыбаться.

— Ты здесь впервые? — спросил мужчина, — По правилам нельзя ставить на обоих противников сразу.

— Почему? — Кион даже слегка растерялся.

— Потому что такие умники, как ты, сюда приходят каждый день. Или ставь на одного или проваливай.

Кион поджал губы, поколебался немного, потом решил сделать ставку на белого петуха, пока очередь позади него не начала недовольно роптать о том, что бард всех задерживает. Он занял место у низкого забора, за которым потом и будут клевать друг друга два пернатых бойца и принялся терпеливо ожидать начало боя. Когда все желающие сделали ставки, двое мужчин выпустили петухов и за заборчиком началась настоящая жестокая бойня. Продолжалась она не долго и вскоре черный петух был объявлен победителем, а Кион проиграл свои монеты. Бард решил сделать еще одну ставку и на второй раз ему повезло. Потом он ставил монеты каждый раз на разных петухов еще и еще и в итоге вместе с толпой таких же игроков Кион просидел у забора в тупике до самого утра, пока не начало светать. Тогда мужчина в кожаном доспехе объявил о конце боев и толпа начала расходиться.

Кион вернулся на дорогу и зашагал обратно в таверну, с трудом сориентировавшись на кривых улицах. К сожалению, сегодня ночью его удача явно спала и кошелек Киона стал ощутимее легче. Он проиграл больше, чем выиграл, но это только подхлестнуло его попробовать снова в следующий раз. Только нужно будет принести побольше монет. Тех, что сейчас были в мешке под доской в его спальне в таверне, Киону вполне хватит, чтобы посетить еще парочку боев. Но если он снова так много проиграет, то придется барду наведаться к тайнику. Впрочем, крольчиха обещала, что сегодня плащ будет уже пошит, так что Кион, продолжая идти по улице пружинистой походкой, решил, что позже он наведается к портнихе и заберет свой заказ, а после зайдет и к кузнецу. Если повезет, то и меч будет ждать Киона сегодня.

Довольный собой, бард вернулся в таверну, поднялся на второй этаж, стащил с ног туфли и прямо в одежде устало плюхнулся в кровать. Едва его голова коснулась подушки, как он тут же заснул.

ГЛАВА 7

Всю следующую неделю Кион по вечерам наведывался в тупик, где проводили петушинные бои. Он часто выигрывал, но и проигрывал тоже и деньги, которые были изначально в его мешке, стали потихоньку заканчиваться. К тому же, эти бои уже наскучили Киону и он подумывал подыскать в городе какое-нибудь другое развлечение.

Кион шел обратно в таверну. На улице никого не было в такой час. Ночь вот-вот должна была отступить и поменаться с утром, но пока что небо было темное. Кион на днях забрал меч у кузнеца и плащ у крольчихи. Оружие сейчас на каждом шагу покачивалось в ножнах, придавая барду излишнюю уверенность. Кузнец постарался на славу и сделал именно такой клинок, о котором просил бард — не слишком длинное лезвие, не слишком тяжелое оружие и с идеальным, для Киона, балансом. Меч практически полностью был идентичен его прошлому оружию, разве что выглядел немного по-другому. Но к новому мечу все равно стоит привыкнуть, прежде чем Кион начнет махать им так же виртуозно, как и прошлым своим клинком, оставшимся у Эльвиры.

Бард продолжил шагать по виляющим улицам. Несколько дней назад он опять наткнулся на того мальчугана, которому в прошлый раз отсыпал целый золотой. Парнишка помог Киону лучше понять путаные улицы города и бард приложил все усилия, чтобы хоть как-то запомнить расположение различных зданий и заведений с лавками. Кион все еще путался в поворотах улиц, но теперь делал это чуть реже, чем раньше.

Бард без приключений добрался до таверны Марты, вошел в переполненный людьми и шумом голосов зал, поднялся наверх по лестнице, зашел в свою комнату и закрыл за собой

дверь, отрезая весь шум зала. Кион отстегнул пояс, к которому крепились ножны и меч, положил его на старое кресло, а сам прилег на кровать, предварительно сбросив туфли.

Бард уставился в косой потолок, в голове у него пронеслась очередная рифма и Кион с тоской подумал, что давненько он не сочинял ничего романтического для богатеньких леди. Впрочем, это была не столица и богатеньких леди здесь было не так много, к тому же все они обитали в другой части города.

Кион задумчиво почесал кончик носа, а потом сполз с койки и заглянул под нее. Он поддел пальцами доску и вытащил из-под нее заметно похудевший мешок. Внутри находились монеты и несколько драгоценных камней, которые Кион так и не отнес в ювелирную мастерскую, хотя уже узнал, что подобная лавка имеется в городе. Только вот расположена она была в том районе, где как раз и селились аристократы. Идти туда было далеко и Киону пока что не слишком хотелось это делать, разве что только поглазеть на местных аристократок и сравнить их с теми, что были в столице.

Кион переложил несколько монет в опустевший за эти дни кошель и спрятал мешок обратно, не забыв вернуть доску на место. Стоило бы наведаться к тайнику и пополнить запасы своих монет. К тому же, всю эту неделю Кион так ни разу и не проверил сундук под корнями дерева. А что, если его хозяин забрал сундук и перепрятал в другое место? Или еще хуже — кто-то другой нашел тайник и присвоил его себе. В голове Киона ярко вспыхнула картина с опустевшими корнями дерева и разрытой землей. Бард моментально забрал мешок из-под досок, вскочил на ноги, нацепил обратно пояс с мечом и туфли и выскочил за дверь, не забыв ее закрыть за собой. В руках он нес плащ, который надевал на ходу.

Кион покинул таверну, закинул капюшон на голову и в предрассветной тьме, освещенной лишь факелами на стенах домов, зашагал быстрым шагом в сторону городских ворот. По пути он вышел к жилым домам, у которых рядом имелись небольшие огороды. Кион пошарил в темноте у одного такого, нашел лопату и, довольный собой, запихнул ее под плащ, скрывая от посторонних глаз, хотя таких не было в этот поздний час.

Стражники у ворот тихо о чем-то болтали между собой. Сейчас никто не пытался войти в город и досматривать им было некого. Кион с досадой закусил губу, соображая, как бы ему отвлечь стражу у ворот. Ему не хотелось, чтобы они заметили лопату. А вдруг они решат проследить за Кионом и найдут его тайник? Нет, этого нельзя было допустить.

Бард спрятался за стеной ближайшего дома, вытащил из кошелька одну монетку и кинул ее на мостовую. Монетка звонко покатила по дороге, в тишине ночи это прозвучало еще громче. Стражники встрепенулись и повернулись на звук. Один из них пошел проверить, в чем дело, но второй остался на месте и Кион едва не выругался. По его плану, они оба должны были отойти от ворот, но на деле все оказалось иначе.

Кион осмотрелся в поисках чего-то, что можно было бы кинуть второму стражнику и отвлечь уже его. Дальше разбрасываться деньгами бард не хотел. Его взгляд упал на увесистый камень. Кион схватил его и сжал в ладони. Если бросить камень на траву за спиной стражника, тот решит, что кто-то пробежал мимо и пока будет искать несуществующего нарушителя, Кион проскочит через ворота.

Бард, довольно усмехнувшись, размахнулся и бросил камень в сторону второго стражника. Но вместо того, чтобы закинуть камень в траву, как планировал Кион, он попал им прямо по затылку стража. Тот дернул головой, застыл на секунду на месте, затем его ноги смешно подкосились и стражник по стене медленно сполз на землю.

— Ох, блин, — выдохнул Кион и посмотрел в сторону его отошедшего товарища.

Кажется, тот уже собрался возвращаться назад к воротам.

Бард, не долго думая, резкой тенью проскочил мимо ворот и оглушенного блюстителя порядка. Теперь они решат, что на них кто-то напал и, возможно, удвоят охрану. Это помешает барду беспрепятственно посещать тайник, но Кион подумает об этом позже. Сейчас главное было наполнить мешок монетами под завязку.

Кион в темноте предрассветной ночи бродил по траве, опираясь только на свою память, от которой было мало толку в этой тьме. К счастью, скоро начало светать и Кион сумел скорректировать свой путь. Он слегка сбился с дороги и если бы светила луна, такого бы не произошло, но барду пришлось в потемках шагать по траве, отдаляясь все дальше и дальше от главной дороги. Надо было брать с собой факел, об этом дырявая голова Киона никак не подумала.

К знакомому дереву с тайником бард вышел уже тогда, когда лучи солнца показались за горизонтом и само оно приветливо выглянуло из-за него. Кион широко зевнул и понял, что ужасно хочет спать, но упрямо перехватил лопату в руках и принялся копать. С ней дело пошло гораздо быстрее и уже скоро Кион перекладывал монеты в мешок. Из-за этого тайник заметно обеднел, но бард разровнял руками монеты и украшения в сундуке, чтобы это было не так заметно. Он закрыл крышку, задвинул сундук обратно под корень и хотел было начать его закапывать, но резко остановился.

Кион заметил у себя на руках и ногах паутину. Сначала он с надеждой подумал, что просто где-то по пути сюда нечаянно потревожил произведение какого-то паука, но тут же с отчаянием заметил, что паутина поднималась выше по его запястьям и ногам. Это могло означать только одно — ведьма-людоедка его выследила.

Кион медленно обернулся, чувствуя, что буквально столбенеет от страха. Позади себя он увидел женщину с длинными белыми волосами, которая носила черное платье с прозрачными рукавами, украшенными шелковыми нитями. Судя по изношенности ее платья, женщина эта довольно много путешествует. Однако вопреки ожиданиям Киона, перед ним стояла вовсе не Сэра.

— Так вот кто повадился ходить к моему золоту, — произнесла она красивым голосом. Кион даже бы влюбился в этот голос, если бы не был сейчас напуган до смерти.

Бард сглотнул и не осмелился ничего ответить. Ведьма посмотрела на него своими неестественно яркими голубыми глазами и Кион отмел все сомнения, что были у него до сих пор. Она тоже людоедка, как и Сэра. А Кион надеялся, что она просто ведьма. Быть может тогда бы он сумел с ней договориться. Но людоедке он не мог ничего ответить, будучи полностью парализованным от страха.

Ведьма подошла к нему поближе и Кион едва ли не перестал дышать. Паутина поднялась до локтей и коленей, вгоняя барда в еще больший ужас.

— Молчишь? — издевательски произнесла ведьма, — Язык проглотил?

Кион попытался что-то ответить, но из его уст только вырвалось слабое мычание. Ведьма ехидно усмехнулась и подошла к потревоженному тайнику. Она легко вытащила сундук из-под корней дерева и открыла крышку.

— Кто-то не стеснялся пользоваться моими деньгами, как я погляжу, — ухмыльнулась она, закрыла сундук и обратно повернулась к Киону, стрельнув в него своими яркими глазами, — Как невежливо.

— Я все верну! — выпалил Кион.

Ведьма поморщилась, подняла с земли его мешок, набитый ее деньгами и снова ехидная

улыбка появилась на ее губах. Людоедка высыпала содержимое мешка обратно в сундук, а сам мешок, теперь пустой, выбросила куда-то за кусты. Ведьма повернулась к Киону и уперла руки в бока.

— Итак, на что ты тратил мои монеты? — спросила она, глядя в глаза барду так, словно бы всю душу вырывала наизнанку.

— Я... — Кион запнулся на полуслове и замолчал, но яркие глаза ведьмы заставили его продолжить, — Я делал ставки в боях.

— Развлечения, как мило, — издевательски произнесла людоедка.

Кион почувствовал себя шаловливым ребенком, которого сейчас отчитывала за провинность его матушка. Только вот это была не матушка, а ведьма, которая в любой момент могла наброситься на барда и съесть его мозг. Кион мельком глянул вниз на свое тело. Паутина поднялась уже гораздо выше и дотянулась ему до пояса, к которому был прикреплен меч. Барда словно осенило. Он ведь теперь вооружен! Как он вообще мог забыть о мече? Пырнуть ведьму разок и дело с концом.

Кион почувствовал себя чуточку увереннее и даже взглянул ведьме прямо в глаза. Та, казалось, не заметила его наглости, продолжая стоять с ехидной ухмылкой на губах.

— Забрал чужие деньги и вместо того, чтобы пустить их на полезное дело, спустил все на развлечения, — перечислила все грехи Киона ведьма и сделала к нему один шаг, — Странно, что не спустил все на распутных девок и бочонок пива.

Кион ничего не ответил, не сводя глаз с людоедки. Он аккуратно под плащом ухватился рукой за меч, готовый в любую секунду его вытащить. Паутина начала ползти по его груди и бард понял, что времени у него мало. Когда людоедка шагнула к нему еще ближе с ехидной улыбкой, Кион резко вытащил меч и рубанул им перед собой.

Клинок со свистом рассек воздух, не встретив никакого сопротивления. Кион в недоумении моргнул и обнаружил, что ведьма успела отскочить от него до того, как острое лезвие дотянулось до нее. Кион едва не зарычал от досады, но только сильнее стиснул меч обеими руками, направив острие в сторону ведьмы.

— Что стало с твоим «я все верну»? — передразнила голос Киона людоедка и громко рассмеялась, — Ты думаешь одолеть меня своим мечом? Подумай еще раз.

Кион заметил, что паутина на руках начала подниматься гораздо быстрее. Теперь у него совсем мало времени. Нужно разделаться с ведьмой до того, как она погрузит его в свои иллюзии. Бард резко шагнул вперед и занес меч, но клинок снова рубанул только воздух. Тогда Кион продолжил наступать еще и еще, но ведьма оказалась проворнее и каждый раз легко и непринужденно уходила из-под его оружия. При этом она громко хохотала, явно издеваясь над бардом.

Кион понял, что с ней справиться ему будет не так легко, как с Сэрой. Эта людоедка явно была опытнее Сэры и знала, что нужно держать жертву в поле зрения, при этом самой следовало находиться на расстоянии. Пока ведьма знала, где ее жертва, ей не нужно было стоять рядом — паутина сделает все дело за нее. Ведьме потом только останется полакомиться мозгом погруженного в иллюзии барда.

Кион попытался еще несколько раз сократить расстояние между собой и людоедкой, но каждый раз ведьма ускользала из-под его меча, при этом она громко хохотала. Бард понял, что она играет с ним, как кошка с мышью, а между тем драгоценное время Киона выходило. Скоро паутина покроет его с головой и он погрузится в иллюзии, из-за которых даже не заметит, что уже будет мертв.

Кион подобрал с земли камень и швырнул его в ведьму. Та отскочила назад и бард, не теряя ни секунды, бросился в кусты, надеясь скрыться от людоедки. Он решил использовать ту же тактику, что и с Сэрой — нужно было заставить ведьму потерять его из виду и тогда паутина отступит.

Кион бежал по лесу сломя голову, но в спину ему то и дело доносился веселый хохот ведьмы. Пару раз бард оступался на возвышенностях, но продолжал упорно бежать вперед. Однако фраза ведьмы, брошенная следом, едва не заставила его застыть на месте. Не от самих слов, а от того, что голос ее был гораздо ближе, чем думал Кион.

— Тебе некуда бежать, — хохотала ведьма, — Лучше прими свою судьбу и распахни для нее свои объятия!

Кион запнулся и кубарем полетел вниз по наклону. Его падение было не долгим — рыжий бард впечатался боком в дерево. На секунду дыхание перехватило, но Кион быстро пришел в себя. Где-то там за ним по пятам шла ведьма, ему некогда было лежать и наслаждаться видами. Кион вскочил на ноги и в эту секунду услышал хохот ведьмы. Она подходила ближе. Судя по тому, что паутина не отступила, людоедка знала, где он находится.

Кион бросился бежать, но внезапно споткнулся, пару секунд простоял на ногах, все же не удержал равновесия и носом прорыл землю, его плащ упал сверху, накрыв собой его голову. Если бы сейчас Кион не был в смертельной опасности, то он бы даже рассмеялся, настолько комичным вышло его падение. Бард забарахтался в плаще, стараясь его согнать с себя, а когда ему это удалось, то первое, что увидел Кион — два ярких голубых глаза. Ведьма схватила его за горло, сильно прижав к земле. При падении Кион выронил меч и сейчас ему нечем было отбиться от людоедки.

— Добегался, — спокойно сказала ведьма.

— У тебя очень красивые глаза, — Кион сменил тактику и теперь решил попробовать своим флиртом ослабить бдительность его соперницы. Паутина уже начала затягивать его лицо и по краям зрения Кион снова увидел иллюзии. На этот раз он был в прекрасном ярком месте с огромной красивой радугой и, кажется, впереди был водопад.

— Мои глаза будут последним, что ты увидишь, — ответила ведьма и сильнее припечатала барда к земле, — Хотя нет, ты увидишь что-то другое.

Иллюзии усилились и теперь водопад начал отчетливо проявляться впереди вместо лица людоедки. Кион понял, что еще немного — и он пропал. Его флирт на нее не действовал, мечом он отбиться не мог, но что-то же должно было помочь, чтобы хотя бы на минуту остановить ведьму.

— Прости за тайник, я не знал, что он твой! — в отчаянии воскликнул Кион и иллюзии на секунду покачнулись. Водопад исчез, но радуга на краю зрения пока осталась.

— А если бы знал? — через несколько долгих секунд спросила ведьма.

— Стал бы я его трогать, если бы знал? — соврал Кион. Если бы он изначально знал, чей сундук зарыт под деревом, то он просто бы забрал все сокровища и больше никогда не возвращался в это место.

Но ведьма задумалась и даже слегка ослабила хватку. Кион затих, ожидая ее ответа. Иллюзии тоже не спешили захватывать мозг барда, а значит, этой людоедке важнее было нечто другое, чем полакомиться новой жертвой. Что могло быть важнее свежего мозга? Но Кион был благодарен хотя бы за это.

— Значит ли это, что ты вернешь все, что украл? — через некоторое время раздумий

внезапно поинтересовалась ведьма и снова глянула на Киона таким взглядом, который выворачивал душу.

— Если не станешь меня есть — верну все до последней монеты! — закивал бард.

Ведьма прищурилась и замолчала, а Кион перестал дышать. Хватка на его шее то становилась сильнее, то слабее, словно бы людоедка боролась с соблазном съесть барда сейчас или сначала получить назад свои сокровища. Так продолжалось несколько особо долгих и мучительных минут, но затем иллюзии растворились и паутина исчезла с тела Киона, но не полностью, как он изначально подумал.

— Ладно, ты меня убедил, — ведьма поднялась на ноги и нависла над лежащим на земле бардом, сверху вниз глядя на него своими голубыми глазами, — Даю тебе срок в неделю. Не справишься — твой мозг будет моим. А успеешь, тогда отпущу тебя.

— Неделю? — возмущенно переспросил Кион и приподнялся на лопатках, но ведьма одной своей ехидной улыбкой заставила его обратно упасть на землю.

— Неделю, — железным тоном повторила она, — И не пытайся бежать. В таком случае моя паутина поглотит тебя. Я знаю, что ты снимаешь комнату в таверне, так что так просто ты не уйдешь.

Кион весь похолодел. Она следила за ним, а он даже не заметил. Ведьма звонко расхохоталась, взмахнула руками и исчезла в вихре ветра, зацепившего собой листья с земли.

— Неделю! — донеслось до барда, а затем все стихло.

Кион пролежал немного на земле, пока окончательно не убедился в том, что людоедка пропала. Тогда он вскочил на ноги, подобрал свой меч и бросился в сторону города. Первым желанием барда было поскорее покинуть эти места и город, но он заметил на сапогах паутину и понял, что так просто от ведьмы он не отделается.

* * *

Рассказ Киона теперь слушала половина зала. Рыжий бард продолжал сидеть на табуретке в самом центре, только сейчас он держал в руке кружку с элем, которую ему любезно подал трактирщик, хотя не подавал вида, что ему интересны истории Киона.

— Во влип, — произнес один из пьянчуг, — Поймать вторую ведьму за такой короткий срок, эх тебе не повезло, мужик!

— Да еще и долг ей вернуть, — добавил второй, — Не хотел бы я быть в твоей шкуре, бард.

Кион невозмутимо отпил глоток с кружки и довольно выдохнул. Эль у дяди Миши был, что надо. Напоминал эль в таверне Марты. Множество глаз посетителей уставились на Киона, ожидая продолжения истории, но тот не спешил с рассказом. Вместо этого он лениво допил свой эль и поставил пустую кружку на ближайший стол.

— Ну так че, — не выдержал один из забулдыг в зале, — Собрал той девке деньги-то?

— Да собрал он, — махнул рукой кто-то в толпе, — Иначе не сидел бы тут с нами и не трепался о своих подвигах.

Кион улыбнулся хитрющей улыбкой, на какую только был способен и зеваки с любопытством уставились на него, ожидая продолжения рассказа.

— Собрал деньги или нет, я вам сейчас расскажу, — пообещал бард, набрал в грудь воздуха и продолжил свою историю.

* * *

Вернувшись в таверну, Кион первым делом закрылся у себя в комнате и съежился на кровати. Мешка с монетами у него уже не было и те деньги, что остались, были только в его новеньком кошельке, но барду надолго их не хватит, не говоря уже о том, что ему еще нужно ведьме долг выплачивать. Он мог бы попробовать увеличить свою сумму на петушиных боях, но как показала практика, Кион больше проигрывал, нежели чем выигрывал.

Бард глянул на свои ноги, где осталась паутина. Сейчас она была не выше щиколоток, но Кион понимал, что если он не сдержит слово и не вернет долг, то паутина вмиг его поглотит и людоедке достанется его мозг со всеми воспоминаниями барда. И раз паутина постоянно висит в ногах Киона, то ведьма точно знала, где он находится. Может, она за ним следит? Проверяет, чтобы не сбежал.

Кион почесал подбородок. Если она следит, то нужно сделать так, чтобы ведьма подумала, будто бард и правда собирает ей деньги, чтобы вернуть долг, а когда ее бдительность ослабнет, он просто сбежит с этими деньгами из города и постарается забыть об этих встречах с ведьмами.

Кион взбил подушку и лег поудобнее. На улице светило солнышко, раздавался гул голосов и звук шагов по мостовой. Где бы барду достать такую сумму за неделю? На вечерних боях он больше проиграет, чем выиграет, так что Кион отмел этот вариант. Может, стоит походить по переполненному рынку и выкрасть кошельки у ничего не подозревающих граждан?

Кион поморщился. В этой части города жили обычные люди, с них много монет бард не получит. Иногда, правда, встречались аристократы, но их было так мало, что вряд ли Кион сумеет за неделю набрать нужную сумму, если будет обворовывать только знатных господ.

Мысли Киона зацепились за эту идею и бард обратно сел в кровати. Все, что ему нужно сделать, это обворовать аристократов. За неделю он точно наберет долг ведьме и даже еще что-то останется. И раз в этом городе есть район с неблагоприятными жителями, значит, должен быть район и со знатными людьми. Кион повеселел, вскочил на ноги, переоделся в чистую одежду, накинул туфли и спустился в зал к Марте. Посетителей практически не было, а тот, что сидел за столом, когда Кион заходил в таверну, сейчас расплатился с трактирщицей и вышел на улицу. Теперь зал был пустой, не считая Киона и Марту, которая принялась убирать кружки и протирать стол, за которым сидел тот посетитель.

Кион по обыкновению присел у стойки, дождался, когда Марта закончит со столом и едва женщина вернулась на место, слегка откашлялся, привлекая ее внимание.

— Марта, а расскажи мне о вашем городе, — начал бард издали.

— Да что тут рассказывать, — Марта достала тряпку и стала протирать и без того чистую стойку, — В основном везде жилые дома, но зачастую встречаются разные лавки или даже рынок. Как ты догадался, это торговый район и находится он как раз рядом с главными воротами города.

— Логично, — покивал Кион, — Ты говорила, что есть неблагоприятный район.

— Не то, чтобы неблагоприятный. Просто люди там ведут себя невежливо. Мягко говоря.

Кион почесал за ухом и снова кивнул, а потом осторожно направил разговор в нужное ему русло.

— Раз есть район с невежливыми людьми, значит, есть и с воспитанными? — невинно поинтересовался он, — Ну там, аристократы всякие и прочие.

— А, эти, — без особого энтузиазма отозвалась Марта, — Они все живут в северной

части города. Ты бы видел их поместья и особняки. Кстати, сходи прогуляйся и сам посмотри, там красиво. Обычным людям можно ходить по северному району, но вот в чье-то имение ты просто так не попадешь.

Кион кивнул. Оно и так понятно, что просто так он не попадет в чей-нибудь особняк, но ему сейчас особняк и не нужен был. Все, что требовалось Киону — это толпа богатых людей, с которых ловкие пальцы барда поснимают кошельки.

Кион поднялся с места, сообщил Марте, что, пожалуй, он сходит прогуляется, а затем покинул таверну и зашагал по улице, где всюду светило яркое солнце. В этом году лето выдалось хоть и не слишком жарким, но зато довольно ясным и солнечным. Кион уже забыл, когда в последний раз был дождь.

Только начав снова блуждать по кривым улицам, до барда дошло, что он забыл спросить у Марты дорогу к северному району. Может быть, она бы ему снова нарисовала карту, но назад Киону уже не хотелось возвращаться. Он стал высматривать в толпе людей, у которых можно было бы спросить направление, как вдруг заметил знакомую макушку. Мальчуган, что обещал провести Киону экскурсию, сновал среди людей и тоже словно бы оценивал их. Заметив барда, он расплылся в широкой улыбке и подскочил к нему.

— Эй, дядь, нужна помощь? — спросил он и по его хитрым глазам Кион догадался, что на этот раз ему придется заплатить за информацию.

— Мне нужно пройти к северному району, — ответил Кион.

Мальчуган поморщился и даже отшатнулся от него, как от прокаженного. Он с головы до пят осмотрел Киона придирчивым взглядом.

— А я думал, ты нормальный, а ты из этих, — скривился мальчишка.

— Из этих? — не понял Кион.

— Благородный господин, — мальчишка едва ли не выплюнул эти слова.

Киону стало смешно, то, как кривит нос его молодой собеседник. Впрочем, сам бард от него не далеко ушел и тоже морщился при каждом общении с аристократами, просто не выставлял свою мимику и истинные мысли напоказ.

— Мне нужно пройти к северному району, но это не значит, что я из *этих*, — Кион передразнил слова мальчишки, — И вообще, я живу в торговой части города, снимаю комнату в таверне.

— Я знаю, я за тобой уже проследил, — спокойно произнес мальчуган и потер пальцем под носом, словно бы он гордился своим поступком.

Кион на секунду потерял дар речи. В этом городе что, все следят за ним? Сначала ведьма, теперь вот этот наглец. Но что самое противное, Кион даже не заметил слежки. Что-то он слишком расслабился в этом городе, надо бы ему начать обращать побольше внимания на окружение.

— Ну так что, проведешь меня к северной части города? — спросил Кион, отвлекаясь от своих мыслей.

— А взамен что? — тут же отозвался мальчуган.

— А чего бы ты хотел?

Наглец осмотрелся по сторонам и ткнул пальцем в лавку, продающую различные хлебобулочные изделия. Их аромат аппетитно заполнил улицу и даже Киону захотелось откусить хотя бы кусочек.

— За пирожок с капустой я тебя хоть за руку отведу, дядь, — произнес мальчуган и Кион звонко рассмеялся.

В итоге мальчишка остался сыт, а Кион оказался перед входом в приличный район. Мальчуган скрылся где-то за домами, напоследок бросив что-то о том, что он не станет входить в северный район, так как у него была «аллергия на знатных господ». Кион усмехнулся и шагнул вперед, осматриваясь по сторонам. Северный район был более приличен и опрятен, улицы здесь были прямыми и широкими, хотя Кион все равно не заметил никаких карет или повозок. Видимо, здешние аристократы постоянно ходят пешком, в отличие от столичных. Поначалу Киона приветствовали обычные дома, разве что выглядящие чуть более богато, чем те, что остались в предыдущей части города. Но чем дальше двигался бард по северному району, тем чаще ему попадались огороженные огромными железными заборами особняки и целые поместья. И все это сопровождалось красиво подстриженными деревьями и кустами.

По улицам города гуляли в основном аристократы, а еще Кион заметил, что стражи здесь больше, чем в том районе, где была расположена таверна Марты. Барду показалось это нелогичным. Разве не лучше было усилить защиту города именно там, где находились главные ворота? Кион предположил, что в этом районе проживает и местный правитель, поэтому здесь было столько стражников.

Это могло помешать ему в краже кошельков прямо на улице. Кион присел на ближайшую пустую лавочку и принялся думать. Паутина на ногах никуда не исчезла, ведьма знала каждый его шаг, так что о побеге не могло быть и речи. Киону оставалось только за неделю собрать деньги и вернуть их людоедке, а потом надеяться, что она в благодарность не съест его мозг.

Бард тяжело вздохнул. Угроздило же его наткнуться на двух ведьм сразу. Всего известно было о трех людоедках, но наверняка где-то обитали и другие. И из трех Кион смог увидеться уже с двумя. Ему жутко повезло сбежать от Сэры, но вот от второй ведьмы уйти будет не так-то просто.

Кион снова посмотрел на паутину в ногах, а затем резко поднял голову и осмотрелся по сторонам. Раз паутина все еще на нем, значит, ведьма должна быть где-то поблизости и следить за каждым его шагом. Но сколько бы Кион не всматривался в толпу, ведьму он так и не увидел. Мимо проходили разодетые аристократы и никто из них не был похож на беловолосую людоедку в изношенных черных одеждах.

Кион встал со скамейки и направился сквозь толпу обратно к выходу из северного района. По пути его ловкие пальцы успели незаметно сорвать парочку толстых кошель у высокомерных аристократов. Бард быстро прицепил добычу к поясу, делая вид, что это его деньги. Благодаря тому, что Кион скрылся в толпе, стражники даже не заметили его маленькой шалости.

Довольный собой, Кион покинул северный район и вернулся в свою комнату в таверне, хотя на улице был еще день. Он высыпал содержимое украденных кошельков на кровать и принялся считать монеты. Сумма явно не дотягивала до покрытия долга, но Кион не унывал. Начало было положено, а это главное. Теперь он каждый день будет наведываться в северный район, проходить сквозь толпу знатных людей и похищать их деньги. Если Кион надолго зависнет в северном районе, то у него были все шансы за неделю собрать ведьме деньги. Главное было не попасться на воровстве, но бард это делал годами — крал у горожан прямо из-под носа, так что Кион был уверен, что он все сделает идеально. Только нужна была какая-нибудь сумка, куда Кион будет прятать награбленное. Не в руках же нести все эти кошельки.

Кион спрятал деньги обратно и сложил украденные сегодня кошельки под доску, куда раньше он прятал мешок с монетами. Бард решил обзавестись сумкой для своих не совсем законных дел. Он покинул таверну и направился к лавке портнихи, которую про себя называл крольчихой. Ему повезло и у нее нашлась уже пошитая сумка с длинным ремнем. Сама сумка была глубокая и сделана из кожи. Кион, заглянув внутрь, довольно хмыкнул. Эта сумка позволит ему носить много добычи.

Радостный бард пошатался на рынке приличное время и вернулся в таверну под вечер. Паутина продолжала цепляться к его ногам, но она хотя бы не поднималась вверх и это давало Киону надежду на то, что он сумеет пережить это неприятное приключение со второй ведьмой. Кион положил пустую сумку на кровать и присел рядом с ней. Что будет делать ведьма, когда он принесет ей деньги? Отпустит? Или нападет?

Кион вздрогнул от страха. Он боялся этих людоедок даже больше, чем гнева короля. С ними шутки явно были плохи. А что, если ведьма решит съесть его мозг, после того, как Кион вернет ей долг? Бард почему-то был уверен, что меч ему в таком случае не поможет. Может, купить у кузнеца короткий клинок? Какой-нибудь кинжал, который можно спрятать под одеждой, а потом застать ведьму врасплох, если она решит не отпускать его.

Кион побарабанил пальцами по подбородку и вскочил на ноги, намереваясь отправиться в кузницу, но затем вспомнил, что уже наступил вечер, а потому передумал и решил обзавестись кинжалом завтра с утра. Меч с собой в район аристократов Кион решил не брать, чтобы стражники лишней раз не цеплялись к нему взглядом. А вот кинжал явно пригодится — его можно будет спрятать под одеждой и если что-то пойдет не так, Кион хотя бы не останется безоружным.

Довольный своими гениальными идеями, бард спустился вниз, сел за стойку, как обычно и заказал себе кружку эля. Марта выполнила его заказ, спрятала в карман монеты за эль и поспешила к другим посетителям. Сегодня тоже было много народу, люди уже даже начали просто толпиться в проходах. Кион сообразил, что если он покинет свое место, то потом ему придется стоять, поэтому этим вечером бард остался сидеть с кружкой эля в руке.

Народ в зале обсуждал различные слухи, местные и из столицы. Никто не упомянул о сбежавшем преступнике и Кион облегченно вздохнул. Значит, король и правда не в курсе, что одной добыче Сэры удалось ускользнуть. Ему даже захотелось вернуться в столицу, но бард понимал, что его тут же опознают. Возможно, в таком случае второй раз кидать ведьме его не станут, а сразу отправят на виселицу или под топор палача, коих у короля было в достатке. Нет, в столицу ему ход теперь закрыт.

Кион отпил из кружки едва ли не половину. Этот город, конечно, не столица, но ничего, жить можно. Если, конечно, не придется жить в восточном районе, в котором, как слышал бард, очень грязные улицы и там полно нищих.

Кион задумчиво просидел за полупустой кружкой, пока за окном не стемнело окончательно. Марта по обыкновению зажгла свечи по всему залу и сейчас неровные тени посетителей плясали на стенах. Люди уже не толпились в проходах, но все столы все равно были заняты и шум голосов наполнил собой всю таверну.

Когда Марта вернулась за стойку и принялась вытирать ее тряпкой, Кион понял, что у женщины появилось несколько свободных минут. Он нагнулся к ней поближе и едва ли не шепотом задал свой вопрос.

— Слушай, Марта, а где у вас в городе расположен бордель?

Женщина подняла на него удивленные глаза, на миг забыв про тряпку, но затем

вернулась к своему занятию.

— Нет у нас в городе борделей, — ответила она.

Ее ответ шокировал Киона и он в неверии уставился на трактирщицу, ожидая, что она сейчас скажет, будто пошутила. Но Марта продолжила спокойно протирать стойку.

— Есть только некий джентльменский клуб, — через некоторое время добавила женщина.

— Не думаю, что смогу развлечься с джентльменом, — съязвил Кион и залил свое горе остатками эля в кружке.

— Это клуб, а не бордель, — заметила Марта, — Я слышала, люди там играют в карты на крупные суммы. Правда, в основном туда ходят аристократы.

Мозг Киона мгновенно зацепился за несколько слов. «Крупные суммы» и «аристократы». Вместе они давали Киону просто бурю эмоций. Это сколько же монет пропадает в их карманах зря? Кион готов был помочь облегчить их ношу. Бард осторожно поинтересовался, не знает ли Марта, где находится этот клуб и трактирщица в ответ охотно кивнула.

— Конечно, знаю. Они буквально в соседнем здании, собираются всегда по вечерам. Иногда делают у меня крупный заказ на выпивку, прямо в бочонках. Если бы не это, я бы и не знала, что знатные господа устраивают подобные игры на такие большие деньги.

Марта вздохнула и посетовала на то, что раз этим аристократам некуда девать их деньги, то лучше бы сделали ремонт в ее таверне, всяко полезнее было бы. Ее ворчание прервал зашедший в таверну посетитель и Марта направилась к нему принять заказ. Кион не стал дожидаться ее возвращения и поднялся к себе в комнату. Он вытащил один пузатый кошель из ниши под доской и бросил его в пустую сумку, а ее ремень перевесил через плечо. При этом Кион отстегнул от пояса свой кошель. И хоть монеты в нем принадлежали ведьме, их Кион тратить никуда не собирался, оставив для себя. На всякий случай.

Бард подошел к двери и обернулся. Взгляд его упал на меч, но Кион решил оставить его в комнате. Скорее всего, оружие у него все равно заберут при входе в клуб, если вообще его пустят, так что пусть лучше меч полежит в комнате. Кион переступил порог, закрыл за собой дверь и покинул таверну, вдыхая прохладный ночной воздух.

Марта не соврала — нужный дом и правда оказался по соседству. Кион столько раз видел, что по вечерам перед дверью вечно стоит высокий лысый мужик, но бард ни разу не предположил, что этот мужчина охраняет вход в клуб любителей перекинуться картишками. Кион непринужденно подошел и мужчина осмотрел его с головы до ног цепким взглядом. Кион понял, что сейчас его проверяют на платежеспособность и, состряпав на лице простодушно-наивное выражение, глупо улыбнулся.

— Я услышал в городе, что здесь можно поиграть в карты, — произнес бард.

— Можно, только тебе денег не хватит, — хмыкнул охранник.

Кион запустил руку в сумку и, продолжая играть роль наивного дурачка, вытащил толстый кошель.

— А этого хватит? — спросил он.

У лысого брови поползли вверх от удивления. Он явно не ожидал, что у такого идиота, как Кион, окажется такая сумма денег.

— Где ты их взял? — строго спросил лысый и скрестил руки на широкой груди, — Клянись, если они ворованные...

— Это деньги моего папаши, — поспешил заверить его Кион своим враньем, — Вск

жизнь копил, не разгибая спины. У него скоро юбилей, вот я и хочу преподнести ему подарок и удвоить сумму в кошельке.

Лысый мужик бросил на Киона долгий изучающий взгляд. Бард расплылся в дурацкой улыбке, продолжая держать кошель в руке перед носом охранника. Уж что-что, а изображать из себя наивного дурака Кион умел безупречно. Наконец, поверив, что перед ним и правда дурачок, лысый кивнул.

— Ладно, заходи. Только не плачь потом, если все деньги проиграешь.

«Как бы вам самим плакать не пришлось», — усмехнулся про себя Кион, но просто продолжил молча улыбаться, пока охранник осматривал его в поисках оружия. Как и предполагал бард, его меч просто бы забрали на входе и вернули бы потом, когда Кион покинул бы здание. Благодаря тому, что он был безоружен, его образ наивного простачка только усилился в глазах лысого мужика и тот, закончив с осмотром, как-то слишком дружелюбно похлопал Киона по плечу.

— Развлекайся, — лысый мужик одной рукой указал на дверь и Кион, сделав на лице восторженное выражение, толкнул дверь и оказался внутри.

Зал клуба ничем не отличался от зала в таверне Марты. Такие же стены, деревянные полы, камин где-то в углу, а дальше лестница, ведущая на второй этаж. Даже столы были похожи на те, что были у Марты. И практически все они были заняты прилично одетыми людьми. Кион даже на секунду почувствовал особый восторг от того, что ему сегодня попадут в руки деньги этих аристократов.

У лестницы тоже имелась стойка, как и в таверне Марты, но только здесь за ней стоял мужчина в элегантной рубашке и расшитой золотыми нитями темной жилетке с золотой цепочкой у кармана. Мужчина носил короткие усики и сейчас идеально чистой тряпкой протирал стеклянные стаканы. Не жестяные или глиняные кружки, какие были у Марты, а именно стеклянные стаканы.

— Господа, — раздался за спиной барда голос лысого мужика и Кион даже вздрогнул от неожиданности, — Сегодня у нас новенький. Очень горит желанием сыграть в карты. Не окажите ему в любезности это сделать.

Мужик ехидно ухмыльнулся, напоследок кинул победный взгляд на Киона и скрылся за дверью. Бард обернулся к людям, не забывая про глуповатое выражение на лице и заметил, что у всех в глазах тут же зажегся алчный огонек. Они решили, что Кион будет легкой добычей, а именно этого бард и добивался.

— Эй, парень, давай к нам, — махнул ему рукой темноволосый мужчина, сидящий еще с двумя за столом в самом углу.

Кион переминался с ноги на ногу, изображая неуверенность, а потом подсел за предложенный свободный стул и положил сумку к себе на колени. Бармен любезно принес ему стакан с пивом за счет заведения и Кион весь внутренне возликовал. Они все решили, что он наивный дурачок и сейчас пытаются своими наигранно добрыми поступками усыпить бдительность барда, а потом переиграть его в карты и забрать деньги себе. Вот только все они не знали одной детали — раньше в столице Кион частенько играл в карты и был в этом деле довольно хорош, даже если не жульничал. Но бард постоянно жульничал, как и его соперники. В картах нельзя было иначе.

Однако прошло несколько лет с тех пор, как Кион в последний раз перекидывался картами, а потому первые несколько раундов он проиграл, пытаясь вспомнить все нюансы и свои хитрые уловки. Впрочем, эти добрые джентльмены разрешили ему в первых раундах

поставить на кон меньше монет, чем было принято, так что в кошельке Киона денег было еще предостаточно. Впрочем, бард не переживал — с каждой игрой его пальцы вспоминали все, что делали несколько лет назад за подобными развлечениями в столице.

Ему удалось победить и его соперники по картам даже искренне этому возрадовались и заказали еще один стакан пива для Киона, в честь его первой победы. Бард улыбался, как придурок, но от него не ускользнуло то, что выиграл он довольно быстро и просто. Игроки просто поддались ему и на следующей фразе одного из них Кион понял, почему.

— А теперь, мой юный друг, давай сделай ставку, как все. В том же размере, — подмигнул ему темноволосый мужчина, который и пригласил Киона присесть к ним за стол, — Не бойся, я уверен, ты победишь. И забереешь в два раза больше за этот раунд.

Они просто дали новичку почувствовать вкус победы и на этой приятной ноте подтолкнули к тому, чтобы он снова поставил деньги на кон, уже в полном размере. Кион расплылся в наивной улыбке и сделал, как сказал мужчина — поставил больше монет и, к удивлению игроков, выиграл в два раза больше.

— Ух ты! — восторженно воскликнул Кион, пока его собеседники сидели с округленными от шока глазами, — Я и правда выиграл! Хочу еще!

Но следующие несколько раундов Кион проиграл к ликованию остальных игроков. Однако они не знали, что бард это сделал намеренно, чтобы отвести от себя подозрения и выставить следующие крупные выигрыши чистой удачей. Его друзья по игре заказали Киону еще выпивки, чтобы он не унывал из-за проигрыша. Но Кион внутри только ликовал, потягивая бесплатное пиво. Он выиграл следующий раунд, потом снова проиграл, а затем выиграл два раунда подряд.

В этот момент шум зала прервал голос одного седого и элегантно одетого мужчины в пиджаке, брюках и с цилиндром на голове. Мужчина стоял на лестнице, опираясь одной рукой на красивую трость.

— Господа, пришел час повышенных ставок, — провозгласил он, — Если кто-то из вас не способен дальше играть на этих условиях, я рекомендую вам покинуть заведение и вернуться завтра.

В зале поднялось несколько человек и неторопливо вышли из здания. Судя по реакции на слова элегантного старичка остальных игроков, час повышенных ставок был здесь делом привычным. Кион обернулся к мужчинам, с которыми играл и заметил у каждого из них алчный огонь в глазах. Бард усмехнулся про себя и поставил на кон больше монет, чем было заведено. Наверняка они надеются, что Кион проиграет все в пух и прах, но к сожалению для них, бард вспомнил все свои приемы, когда-то применяемые им при игре в карты в столице. Его даже никто не сможет уличить в жульничестве, настолько ловко Кион прятал козырные карты. При этом он постоянно сидел с наивным лицом, что по итогу все игроки, как один, решили, что новенькому просто повезло.

— Это была моя первая игра, — соврал Кион, забирая деньги, которые выиграл.

Седой мужчина минуту назад объявил об окончании игр и пожелал всем гостям доброй ночи. Игроки, с которыми за столом сидел Кион, как-то по-детски обиженно на него поглядывали, а когда бард, забрав свой выигрыш, поднялся с места, один из них схватил его за руку.

— Кодекс чести велит мне отыграться, — сказал он, глядя прямо Киону в глаза, — Поэтому я прошу тебя вернуться завтра и снова сыграть с нами.

— Ну не знаю, — протянул Кион, продолжая играть роль дурачка, — Я уже собрал для

папаши сумму вдвое больше. Мне больше незачем играть.

Кион блефовал. Для погашения долга людоедке ему было еще далеко, а игра в карты по вечерам и срезание кошельков у аристократов по утрам продвинет его в этом деле гораздо быстрее и за оставшиеся шесть дней Кион вполне успеет собрать нужную сумму.

— Такая удача в картах редкость, — поддержал своего собеседника темноволосый мужчина, — Мы бы хотели еще раз ее увидеть.

Несмотря на вежливый и доброжелательный тон, Кион понял, что мужчина на самом деле имел в виду. Они хотели отыграть свои деньги назад, но помимо этого еще и внимательно последить за действиями Киона во время игры в карты. Бард ни на секунду не снял с лица наивного выражения, он только шире улыбнулся.

— Ладно, тогда завтра я непременно приду, — слишком радостно отозвался он и покинул заведение.

Кион петлял по улицам, пока окончательно не убедился, что члены клуба не выслали за ним слежку. Тогда бард пружинистой походкой направился напрямик к северному району. Сегодня он стацит еще несколько кошельков, а вечером выиграет в карты крупную сумму денег. Кион был неприлично доволен собой и даже успел обокрасть нескольких аристократов на своем пути, пока случайно не глянул вниз на свои ноги.

Паутина поднялась до уровня колен. Бард едва не вскрикнул от страха и неожиданности, но вовремя сдержался. Ему совсем не хотелось привлечь к себе лишнего внимания.

Кион сел на свободную лавочку и внимательно осмотрел свои покрытые паутиной ноги. Кажется, она не двигалась, так и застыла на уровне колен. Кион закусил губу и вытер покрывшийся потом лоб. Значит, на самом деле, срок в погашении долга ведьме у него еще меньше. Скорее всего, паутина будет подниматься с каждым днем все выше и выше, пока не накроет его с головой. А там уже начнутся иллюзии и от Киона ничего не останется, когда ведьма закончит с ним. Тогда нужно собирать долг быстрее, а не за неделю.

Кион судорожно вздохнул. Ему даже расхотелось похищать кошельки знатных господ. Все, что сейчас ему хотелось сделать — это спрятаться под одеялом и надеяться, что остальной мир забудет о нем. Бард тяжело сглотнул, поднялся на ноги и медленно поплелся обратно в таверну.

Когда он оказался у себя в комнате, Кион плотно закрыл за собой дверь и, скинув туфли, с ногами забрался на кровать. Сумку с добычей бард положил рядом. Он еще раз осмотрел паутину, уже более внимательно, но она так и застыла на уровне колен. Кион вздохнул и провел рукой по своим рыжим волосам. Его теория о том, что паутина поднимается выше каждый день, похоже, оказалась верна. Придется ему удвоить усилия и поскорее собрать долг ведьме, пока не стало слишком поздно.

Кион вытряхнул сумку и начал пересчитывать монеты, выигранные в карты и те, которые он украл у случайных прохожих. Киону не хотелось бы так часто грабить аристократов, чтобы среди них не поползли слухи о воре и чтобы в северном районе из-за этого не удвоили охрану, но у него не было выбора. Деньги для людоедки нужно было собрать как можно быстрее.

Кион закончил считать полученные сегодня монеты и понял, что он даже половину не собрал. Если бы он не проигрался в петушиных боях, нужную сумму бард набрал бы гораздо быстрее. Он в гневе швырнул пустую сумку на пол и спрятал лицо в ладонях, чувствуя, что хочется все крушить. Но от этого монет в его кармане не прибавится. Скорее наоборот —

придется заплатить Марте за погром комнаты.

Кион свесил ноги с кровати и снова посмотрел на паутину. Оставит ли ведьма его в живых, когда он принесет ей долг? Кион вспомнил, что хотел купить у кузнеца небольшой кинжал. Он надел туфли обратно, спрятал награбленное в сумку, поколебался немного, но потом решил взять сумку с собой. Бард покинул комнату, спустился вниз и вышел на улицу. Он только надеялся, что в такой ранний час кузнец уже будет всю работу.

Кион не ошибся — со стороны кузни и правда доносились монотонные звуки молота, ударяющего по наковальне. Кион прошел небольшое расстояние до кузницы, радуясь про себя, что таверна Марты находится рядом, буквально за углом. Завидев знакомое лицо, кузнец слегка нахмурился, при этом он не перестал ковать очередной меч.

— Что-то не так с оружием, которое я выковал? — спросил кузнец.

Кион удивленно посмотрел на пояс, где обычно висел его меч, но сейчас клинок остался лежать в комнате. Тогда бард повернулся обратно к мужчине.

— Нет, меч просто превосходный, — поспешил заверить он кузнеца, — На самом деле, мне бы хотелось купить еще кое-что. На этот раз кинжал.

Кузнец неопределенно посмотрел на Киона и тот даже засомневался в мудрости своего решения, но потом мужчина скрылся за дверью здания, а потом вернулся обратно со свертком ткани в руках, как и в прошлый раз. Только теперь в нее были завернуты всевозможные кинжалы. Кузнец указал на них рукой, приглашая Киона их осмотреть, а сам вернулся к тяжелому молотку и над кузней снова стали раздаваться монотонные металлические звуки.

Кион подошел к столу, куда кузнец сложил кинжалы в ткани. Бард с любопытством осмотрел товары. На столе лежали кинжалы на любой вкус — самые обычные и украшенные резьбой, с широким лезвием и с тонким, длинные и короткие. Киону понравились некоторые из них и он даже заморожено повертел их в руках, но сегодня он искал нечто конкретное. Кинжал, который можно было легко спрятать где-то в рукаве или под одеждой. Такой был только один. Кион взял его в руку, вытащил с кожаных ножен и осмотрел лезвие. Тонкое и короткое, оружие больше походило на заточку, чем на кинжал. Рукоятка тоже была ничем не примечательна, просто обмотана кожаной лентой. Но сейчас для Киона этот кинжал был идеален. Его легко можно было спрятать в рукаве и ведьма даже не узнает, что помимо меча, у барда есть еще и кинжал. Так что если она все же захочет съесть мозг Киона после того, как он принесет ей монеты, он сумеет застать ее врасплох, даже если снова выронит меч из рук, как в прошлый раз.

— Я возьму этот, — бард показал кинжал кузнецу и тот кивнул.

— А я смотрю, вы умеете выбирать оружие. Кинжал выглядит просто и даже в какой-то мере хрупко, но уверяю, это очень прочное изделие. Лезвие не сломается, даже если будете им ковырять петли на решетках. Впрочем, я бы все же не рекомендовал этого делать.

Кион расплатился с кузнецом, спрятал кинжал в сумку и вернулся в свою комнату в таверне. Он снова сел на кровать и вытряхнул содержимое сумки. Краденные кошельки и небольшой кинжал, вот и все его пожитки, не считая дополнительной рубашки. Хотя деньги придется отдать ведьме.

Кион взял кинжал в руки и задумчиво его покрутил. Затем бард запихнул его в рукав и удовлетворенно кивнул. Стоит спрятать его поудобнее и тогда Кион сумеет резко достать кинжал, чем застанет ведьму врасплох. Бард положил кинжал обратно на кровать и задумчиво посмотрел на деньги, которые он собирал для ведьмы. Киону до жути не хотелось

отдавать их людоедке, он даже взял в руки один кошель и нежно прижал его к груди. Вот было бы здорово, если бы он собрал деньги, но не отдавал их ведьме.

Эта мысль пронзила Киона, словно копье. Не отдавать деньги ведьме было очень заманчиво и Кион принялся усиленно думать, как бы ему это повернуть. Он бросил взгляд на паутину. Если ведьма за ним следит, значит, ему нужно вести себя так, будто он и правда собирает ей долг. А когда придет к тайнику, чтобы вернуть деньги людоедке, то просто застанет ее врасплох и нападет, а сам сбежит с собранными монетами.

Кион почесал подбородок. Он был уверен, что ведьма не отпустит его, поэтому это был единственный выход избежать участи быть съеденным в иллюзиях. Вот только назад в город ему возвращаться будет нельзя, людоедка наверняка начнет искать барда сначала там. Придется тогда Киону снова скитаться по окрестностям, пока он не найдет очередной город, где можно будет осесть и затеряться среди жителей.

Кион сложил все обратно в сумку, а ее бросил на старое кресло. Помимо денег, ему стоит запастись едой в дорогу, а также расспросить Марту о ближайшем городе. Если уж бежать, то подготовленным. Кион решил с этим не затягивать. Он поднялся с койки, вышел за дверь и спустился вниз в зал, собираясь расспросить Марту о ближайших городах.

ГЛАВА 8

Вот уже несколько дней Кион исправно ходил в северный район и потихоньку крал деньги у ничего не подозревающих аристократов. Бард каждый раз делал это в разных частях района, чтобы не поползли преждевременные слухи об искусном воре. На его счастье, северный район города был довольно большим, так что Киону было где развернуться.

С каждым новым днем паутина поднималась все выше по его телу. Сначала она была на уровне колен, потом по пояс, затем поднялась до груди. Времени на сбор денег у Киона оставалось все меньше и меньше. Скоро паутина начнет покрывать голову и лицо барда и тогда появятся иллюзии, отрезая Киона от внешнего мира. Нужно было действовать быстрее.

Марта в подробностях расписала нахождение близлежащих деревень и поселков, но до ближайшего крупного города идти будет далеко. Дальше, чем Кион добирался сюда. Бард задумчиво почесал бороду, пока слушал трактирщицу. В таком случае придется ему останавливаться на ночлег в деревнях, а потом продолжать свой путь до города. Оставаться в поселке Кион даже не думал, ему нужен был именно город. Там он сможет затеряться на его улицах, а еще барду было куда комфортнее жить именно в городе, а не в какой-нибудь деревне, пахнувшей домашней скотиной и навозом. Оставалось надеяться, что в том городе тоже переняли столичную моду на чистоту.

Помимо кражи кошельков в северном районе, Кион успел пару раз заглянуть в клуб любителей перекинуться картишками. На этот раз бард пришел в покрытой землей одежде, всем своим видом показывая, будто он весь день ковырялся в огороде. Его удача в картах привлекла к себе внимание всех членов клуба и теперь, помимо Киона и еще троих джентльменов, сидящих вместе за одним столом, никто больше не играл. Люди предпочли окружить их стол и внимательно следить за игрой. Толпа разделилась и кто-то болел за Киона, а кто-то — за его соперников.

Барду пришлось проиграть несколько раундов подряд, чтобы отвести от себя подозрения и ослабить бдительность всех, кто зорко наблюдал за его действиями, но когда Кион поставил на кон свои последние монеты, он внезапно выиграл. Потом снова выиграл. И снова. Одна часть толпы возликовала и потрепала барда по волосам, поздравляя с победой,

а вторая начала ругаться на его невиданную удачу. Один из игроков покинул стол, оставшись без денег, но его место тут же занял кто-то другой из толпы. Кион краем глаза заметил, что на втором этаже стоял тот пожилой аристократ с тростью, который постоянно объявлял о закрытии клуба или о повышенных ставках. Он внимательно наблюдал за игроками, не спуская глаз с участников игры ни на секунду.

Киону снова пришлось проиграть несколько раз, но в следующей игре он выиграл такую крупную сумму, что она покрыла собой весь его проигрыш и даже добавила еще монет сверху. Бард решил, что сейчас самое время покинуть клуб с деньгами, но толпа запротестовала, призывая его сыграть еще несколько раз. Кион неохотно согласился и игра началась. Ему легко было провести игроков вокруг пальца. К тому же, бард ловко спрятал несколько карт в рукаве, так что он был уверен в своей победе. Даже если он сам не сможет воспользоваться этими козырями во время игры из-за слишком пристального внимания со стороны окружающих его людей, другие игроки не смогут воспользоваться этими картами тем более — они ведь все в рукаве Киона.

Игра слегка затянулась, но всем уже стало ясно, что выигрыш вновь перейдет рыжему наглецу. Кион в нетерпении поерзал на месте, ожидая окончания раунда и того момента, когда он сможет сложить все выигранные деньги в сумку и уйти, но неожиданно со стороны лестницы раздался громкий стук. Все присутствующие обернулись и увидели пожилого мужчину, стоящего уже на середине лестницы, а не на втором этаже. За его спиной Кион заметил двух мужчин крепкого телосложения, одетых поскромнее, чем все присутствующие здесь аристократы.

— Я вынужден прервать игру, — произнес мужчина, — Я просто обязан проверить чистоту ваших помыслов и действий.

Мужчина снова громко ударил тростью о ступеньку и двое громил за его спиной, как по команде, ринулись к столу, за которым проводилась игра. Они бесцеремонно схватили Киона за руки и стали проверять его карманы, после чего влезли в рукава, где обнаружилось несколько карт. Все произошло так быстро, что бард даже сообразить ничего не успел. К тому же, он был уверен, что его образ деревенского простачка ослабил бдительность всех присутствующих, но вместо этого Кион расслабился сам и даже не успел никак среагировать, когда его поймали на жульничестве.

— Хм, как я и думал, — хмыкнул пожилой мужчина и спустился вниз, преодолевая последние ступеньки, — В моем клубе жульничать нельзя.

— Если вы не в курсе, то все так делали, — заметил Кион. Его за руку сильно и крепко держал один из громил и бард никак не мог вырваться.

— Возможно, — согласился с ним мужчина и подошел вплотную к рыжему барду, толпа послушно расступилась перед ним, — Но у них хватило ума не попасться.

Пожилой мужчина развернулся, вернулся к лестнице, встал на вторую ступеньку и оперся двумя руками на свою изысканную трость. Кион закатил глаза от всей этой театральщины в его действиях.

— Правила клуба гласят, что ты должен вернуть нам вдвое больший долг, чем ты выиграл, жульничая в карты, — провозгласил мужчина и у Киона челюсть опустилась на пол.

— Долг? — скривился он. Это слово в последнее время вызывало в нем сильное отвращение.

— Вернуть деньги ты должен завтра, — беспощадно продолжил пожилой мужчина, не

обращая внимания на то, как скривился Кион.

— Завтра?! — удивился бард, — Вы в своем уме? Где мне взять столько денег за один день?

Мужчина с тростью задумчиво осмотрел Киона, затем молча преодолел две ступеньки и не спеша подошел к барду, заглянув тому в глаза.

— Попроси у своего папаша, — произнес он и отошел обратно к лестнице, после чего обернулся и кивнул своим громилам, — Вышвырните его вон.

Пока пожилой мужчина с тростью подымался по лестнице, громила перехватил руку Киона посильнее и потащил к выходу, но бард не собирался покидать клуб, не забрав свой выигрыш, оставшийся на столе. Он брыкался и извивался, как мог, даже один раз ударил ногой громилу по колену, но тот в ответ только отвесил Киону оплеуху и посоветовал не дрыгаться.

Тогда Кион использовал запрещенный прием — он извернулся и лягнул громилу промеж ног. Тот отпустил барда и схватился за свое нежное место, морщась от боли. В толпе ахнули, наблюдая за всем этим. И даже сам Кион на секунду замешкался, разделяя боль громилы. Но долго медлить было нельзя. Бард метнулся к столу, на ходу расталкивая аристократов, схватил сумку, быстро кинул в нее деньги и хотел было развернуться и бежать, но наткнулся на второго громилу. Кион совсем забыл о нем.

Громила грубо выхватил сумку из рук барда и швырнул ее к лестнице, а сам схватил Киона за воротник и одной рукой приподнял его вверх. Рыжий бард едва касался пола. Он ухватился за руку громилы, чтобы стряхнуть ее с себя, но тот зашвырнул Киона в сторону и бард, пролетев половину комнаты, приземлился на один из столов. Когда он поднял голову, то увидел, что к нему шли уже двое громил, а толпа аристократов и неженков поспешила выскочить на улицу. Сумка лежала у лестницы неподалеку от Киона, пожилого мужчины на ступеньках уже не было — видимо, он скрылся на втором этаже.

Кион ловко сполз со стола, пока к нему не приблизились громилы, затем подскочил к сумке и, не долго думая, выпрыгнул в ближайшее окно, предварительно распахнув створки. Громилы такого явно не ожидали и на секунду остановились. Кион, заметив их реакцию, нагло улыбнулся, ехидно им отсалютовал и собрался было бежать дальше, но что-то крепко удерживало его на месте. Кион закрутился, пытаясь разглядеть, в чем дело, а затем заметил, что он зацепился штанами за огромный гвоздь. И на его несчастье, зацепился он хорошо.

Кион попытался оторвать штаны от гвоздя, но ему было не очень удобно это делать. Тем временем один громила выскочил на улицу, а второй стал подбираться ближе к барду, раскидывая столы, стоящие у него на пути. Кион сильнее дернулся и раздался треск ткани. Барду некогда было осматривать ущерб и он сделал шаг, намереваясь пуститься наутек, но громила успел схватить его за сумку. Крепкий мужик перевесился через окно, не давая Киону удрать, а бард, вместо того, чтобы бросить сумку и сбежать, пытался вытянуть ее из лап хватчика.

— А ну, пусти, — прокряхтел Кион и одной ногой уперся в стену дома.

Они так перетягивали сумку каждый на себя в течении нескольких секунд, пока громила внезапно ее не отпустил. От неожиданности Кион шлепнулся на землю с сумкой в руках. Радостно улыбнувшись, бард вскочил на ноги, развернулся и увидел перед собой занесенный кулак второго громилы. Кион не успел увернуться и от сильного удара моментально провалился в темноту.

Когда Кион пришел в себя, в его ушах звенело, а голова гудела так, будто в ней поселился целый рой пчел. Бард лежал где-то в пустом узком переулке, окруженный безразличными стенами домов. Вечернее солнце садилось за горизонт и в совокупности с голубым ясным небом давало просто нереальную красоту этому невзрачному городу. Кион даже бы рифму сочинил, если бы сейчас его голова так не гудела.

Кион тяжело сел, хватаясь за голову. Все его тело болело, а еще бард обнаружил на себе множество синяков. Видимо, его избили после того, как он отключился. Хорошо хоть не убили. Хотя в таком случае деревенский простак, которого из себя строил Кион, не принес бы им денег, чтобы погасить долг.

Кион широко раскрыл глаза и выпрямился, продолжая сидеть на земле. Долг! Он ведь собирал деньги, чтобы вернуть ведьме, но вместо этого потерял свой выигрыш. И словно этого было мало, Кион нажил себе еще один долг, который он должен будет погасить сегодня, а иначе...

А что иначе? Вряд ли те громилы знают, что Кион снимает комнату у Марты, он все время тщательно проверял, не следил ли кто за ним из клуба, прежде чем войти в таверну. И никакого папаша у него не было, Кион его выдумал, так что шантажировать его семьей никто не сможет.

Кион потер звеневшие виски и кое-как поднялся на ноги. Все его тело болело, а ему ведь еще нужно как-то противостоять ведьме. Рыжий бард замер. Он только сейчас заметил, что паутина стала покрывать его лицо. Еще вчера она была на уровне груди. Получается, бард провалялся без сознания весь день. Еще немного и иллюзии ведьмы его поглотят.

Кион захромал прочь из переулка, а когда вышел на улицу, ему пришлось долго соображать, где он находится и в какой стороне была таверна Марты. Бард заковылял в ту сторону. Нужно собрать те деньги, что он предусмотрительно оставил в нише под кроватью. Хорошо, что Кион не взял с собой всех денег, что успел собрать ведьме, иначе сейчас ему было бы нечем ей платить.

Рыжий бард кое-как дохромал до таверны и зашел внутрь. В зале было много посетителей, но не так, чтобы переполнить все помещение. Когда Кион проходил мимо стойки, намереваясь подняться по лестнице, его заметила Марта.

— Кто это с тобой сделал? — воскликнула женщина и всплеснул руками, с ужасом глядя на Киона. Он тут же сообразил, что выглядит не лучше, чем себя чувствует. Да еще порванные штаны красноречиво намекали, что Киона явно избили.

— Я упал, — бодро соврал Кион. Марта недоверчиво на него посмотрела и он добавил, — Пока падал, по пути собрал ступеньки, котов и чужие сапоги.

— Что-что? — не поняла Марта его шутки, но Кион только махнул рукой и продолжил подниматься по лестнице.

— Потом расскажу, — пообещал он, прекрасно сознавая, что этого «потом» не будет. Кион собрался бежать из города сегодня.

Он вернулся в свою комнату и аккуратно стащил с себя рубашку и штаны. Едва ли не вся кожа Киона была покрыта свежими синяками. Неудивительно, что он себя так отвратительно чувствует. Бард переоделся в чистую одежду и, кряхтя, вытащил из ниши несколько толстых кошельков. Этих монет точно не хватит, чтобы погасить долг людоедке, но они хотя бы отвлекут ее от Киона, а он постарается сбежать.

Кион вернул доску на место, прицепил толстые кошель на пояс, на другую сторону прикрепил меч в ножнах, а в рукав спрятал кинжал, надежно зафиксировав его у локтя, чтобы он не выпал. Бард подобрал свой плащ и накинул его на плечи, оставив капюшон свисать вниз.

Кион подошел к двери, обернулся на комнату в последний раз и вышел в коридор. Ему повезло и внизу в зале было полно народу, так что Марта даже не заметила, как он, накинув капюшон на голову, вышел на улицу.

Кион захромал в сторону рынка, надеясь все еще застать продавца с лечебными травами и настойками. Быть может, тот продаст ему какое-нибудь средство, которое снизит боль. По пути бард остановился у нескольких торговцев и купил еду в дорогу, сложив все это в мешок, который любезно предоставил ему один из лавочников. Рыжий бард сегодня собирался навсегда покинуть этот город, так что еда ему пригодится в пути.

Он нашел лавку с лечебными травами и торговец выдал ему горькую настойку из трав в маленькой колбочке. Кион ее сразу выпил и зашагал в сторону ворот. Нужно разделаться с ведьмой, а потом бард спокойно пойдет своей дорогой. Клуб аристократов его тоже больше не увидит, так что пусть забудут о его долге.

На воротах Киона осмотрели стражники и один из них даже заглянул в его мешок. К счастью, тщательно он не копался, иначе нашел бы под едой несколько толстых кошель с монетами. И так как уже начали ползти слухи о карманнике в северном районе, вряд ли бы стражники просто так отпустили Киона. Ну или как минимум ему пришлось бы платить некую сумму, чтобы выйти из города, а ведь эти деньги он нес ведьме.

Кион с досадой прикусил губу, пока проходил мимо стражников. Он был уверен, что тех денег, которые у него забрали громилы, ему бы хватило, чтобы добавить к уже собранным и принести их ведьме. Впрочем, Кион все равно планировал не отдавать денег людоедке, а просто ее отвлечь, потом пырнуть мечом, забрать монеты с ее сундука и покинуть эти места. Желательно, навсегда.

Когда пришло время сходить с дороги, Кион почувствовал себя лучше. Его раны и синяки уже практически не болели и бард даже не хромал. Однако лекарь предупредил его, что снадобье просто притупляет боль и что лучше отлежаться спокойно, пока оно действует и не испытывать никаких физических нагрузок. Но этой роскоши у барда сейчас не было — ему до жути надоело постоянно видеть паутину на углу зрения. Хорошо, что иллюзии пока не появились. Значит, ведьма и правда ждет от него своих денег.

К знакомому дереву Кион подошел тогда, когда на улице стемнело. Новые зачатки луны скудно освещали землю, но это было лучше, чем вообще ничего не видеть. К тому же, Кион собрался противостоять сильной ведьме и единственный шанс преуспеть в этом — это застать ее врасплох. Бард почувствовал, как его ладони вспотели и он просто вытер их о свой плащ. Если Кион будет вести себя перед ведьмой, как трусливая мышь, то она не заподозрит в его действиях неладное. А вести себя так Киону не составит труда — он сейчас до жути боялся и темнота ночи явно не способствовала тому, чтобы хоть немного успокоиться.

Кион простоял у дерева не долго. Уже едва ли не через минуту после его прибытия за его спиной раздался громкий хруст ветки. Бард вздрогнул и резко обернулся на звук, одной рукой хватаясь за меч, но достать из ножен он его так и не успел. Перед ним стояла людоедка и с озорным ехидством и явным превосходством смотрела на свою добычу.

— А я думала, ты не придешь, — произнесла она, продолжая издевательски ухмыляться.

— Ты же дала мне неделю, — напомнил Кион. Его пальцы сильнее стиснули рукоять

меча под плащом, готовые в любой момент выхватить клинок.

— Неделю до твоей приятной гибели в иллюзиях, — поправила его ведьма, делая шаг вперед.

— Я собирал деньги, чтобы вернуть тебе долг.

С этими словами Кион, стараясь унять свою предательскую дрожь, полез в мешок и вытащил один кошель, который бросил ведьме. Та ловко поймала его в воздухе и скривилась.

— Этой суммы явно будет мало, — фыркнула она.

— У меня в сумке еще есть, — Кион запустил руку обратно в мешок и вытащил второй толстый кошель, но бросать ведьме он его не торопился, — Но сначала я хочу, чтобы ты сняла с меня паутину.

Людоедка смерила барда долгим пристальным взглядом. Ее неестественно яркие глаза светились голубым пламенем даже в темноте ночи. Ничего не ответив, ведьма подошла к тайнику, выудила оттуда сундук и высыпала в него монеты из кошель, а его бросила на землю. Затем она развернулась к Киону, который даже никак не скрывал своего страха перед ней. Ведьма снова осмотрела его долгим изучающим взглядом и вскоре бард заметил, что паутина начала сползать с его лица, а затем потихоньку ползти по его телу к ногам, постепенно исчезая. Неужели ведьма отпустит его? Или она блефует и как только он вернет ей последний кошель, она снова напустит иллюзии? Разве не проще было бы сразу напустить на барда иллюзии, а потом просто обыскать его мертвое тело?

Кион молча протянул людоедке второй кошель и пока она была занята деньгами, сделал вид, что полез в сумку за следующими монетами, а сам при этом схватился за меч. В мешке Киона остался последний толстый кошель и бард не горел желанием с ним расставаться. Вместо этого он резко с характерным звуком вытащил меч и замахнулся, но ведьма успела обернуться и проворно отскочить в сторону. Кион бросил мешок на землю, обеими руками сжимая оружие и не спуская глаз с людоедки.

— Надо же, а я-то собиралась тебя отпустить, — цокнула языком ведьма, — Вот дурак. Теперь мне достанутся и твои деньги, и твои мозги.

Кион заметил, что паутина, опустившаяся практически до самых щиколоток, вновь начала подниматься по его телу. Времени у него было мало. Бард сделал шаг вперед и рубанул мечом, стараясь задеть ведьму, но та проворно отскочила. Тогда Кион предпринял еще одну попытку дотянуться до нее оружием, а потом еще одну, но людоедка всякий раз ловко уходила из-под клинка. Паутина поднялась уже до колен и ведьма громко засмеялась.

— Ты не сможешь меня достать, — ее смех эхом пронесся по лесу, — А вот я тебя еще как смогу.

Ведьма резко вскинула руку и Кион почувствовал, как неведомая сила толкнула его и он, пролетев несколько метров, тяжело приземлился на землю. Синяки и раны, полученные от громил карточного клуба, тут же дали о себе знать и заняли тупой болью сквозь принятую бардом успокаивающую настойку. Кион не без труда поднялся на ноги, опираясь на меч. Он обернулся и увидел ведьму все в том же месте, где она стояла до этого. Бард красноречиво выругался сквозь зубы. Если он попытается к ней подойти, она снова отбросит его своей магией. Людоедке совсем не нужно было находиться рядом, чтобы повелевать своей паутиной, которая уже добралась до груди барда.

Кион резко развернулся и бросился в темноту, смех ведьмы начал преследовать его и, казалось, не отставал ни на шаг. Несколько раз барда хлестали встречные ветки и пару раз он запнулся, но все же сумел удержаться на ногах и продолжил бежать. Он петлял между

деревьями, стараясь запутать следы, но голос ведьмы все равно был близко.

— Не думай, что сможешь сбежать, — хохотала она и ее смех эхом разносился по округе.

Кион стиснул зубы и сквозь тупую боль продолжил петлять между деревьями. С Сэрой справиться было гораздо легче, не смотря на ее физическую силу. Тогда Кион быстро оторвался от нее и сбежал, но от этой ведьмы, казалось, невозможно было убежать. Она постоянно знала, где находился Кион, словно на нем стояла яркая метка.

Бард спрятался за стволом широкого дерева, пытаясь отдышаться. Недавняя мысль поразила его, как гром среди ясного неба. Ведьма вполне могла своей магией наложить на него метку, видную только ей. Это объясняло, откуда она знала, где находится бард и почему ее паутина с каждым днем поднималась все выше.

Кион провел свободной рукой по лицу, куда уже добралась паутина, пытаясь смахнуть ее. Если он прав и ведьма в самом деле поставила на него магическую метку, то бежать дальше не имело смысла. Бард крепко сжал меч в руке и вышел из своего укрытия. Впереди стояла людоедка и ехидно улыбалась. Она была близко, но не достаточно, чтобы дотянуться до нее мечом. Придется Киону сократить расстояние.

Не говоря ни слова и спрятав подальше свой страх перед ней, рыжий бард сделал широкий шаг, перешел на полубег и на ходу взмахнул оружием. Лезвие прорезало только воздух, ведьма проворно отскочила. Тогда Кион, не теряя ни секунды, взмахнул оружием еще раз и еще. Он надеялся, что рано или поздно людоедка выбьется из сил и оступится, но ведьма постоянно ловко уходила из-под его клинка. Казалось, ее выносливость вообще не тратилась от этих усилий.

Паутина начала медленно затягивать лицо Киона и тот увидел по краям зрения красивые яркие пейзажи, хотя на улице стояла ночь. Его это слегка дезориентировало — яркие очертания сбоку, а по центру — скудно освещенный луной лес. Кион протер рукой глаза, стараясь согнать паутину, но это не помогло. Он поморгал несколько раз, но видения не пропали. Даже стали больше закрывать его истинное зрение. Еще немного и он пропал.

— Все, что от тебя требовалось, это принести мне деньги, которые ты украл, — заметив его замешательство, ведьма подошла ближе и грубо схватила Киона за подбородок, заставляя сквозь собравшие по углам зрения иллюзии посмотреть на себя, — А теперь знай, что я, Нико, с удовольствием съем твои воспоминания.

Нико победно расплылась в самодовольной улыбке и эта улыбка так взбесила Киона, что его гнев заслонил собой страх перед ведьмой. Бард резко вскинул руку с мечом и острое лезвие распорол бок людоедки. Та вскрикнула, широко распахнув глаза, а затем с силой толкнула Киона и тот кубарем полетел на землю, выронив при этом меч. Ведьма, держась за вспоротый бок, стала медленно подходить к барду. На пути она ногой подцепила его меч и отшвырнула его подальше, наблюдая, как бард с тоской проводил глазами свое оружие.

— Теперь ничто тебе не поможет, — в голосе Нико сейчас звучала ярость, а не ехидство.

Иллюзии уже практически полностью заслонили собой зрение Киона и он уже готов был в них провалиться. Но бард понимал, что так действует магия людоедки и нельзя поддаваться этим ярким образам. Нико, уверенная в том, что Кион ей больше ничего не сделает, склонилась над ним и сильно сжала его горло, однако при этом она позволяла барду дышать, иначе от ее иллюзий проку будет мало, если он задохнется. Ведьма ждала момента, когда Кион окончательно провалится в ее иллюзии и тогда она сможет насладиться его

МОЗГОМ.

Яркие голубые глаза Нико светились в самом центре, по краям заслоняемые лишь красочными пейзажами с водопадом. Они с каждой секундой превращались в две луны, висящие на небе. Кион от этой невиданной доселе красоты даже раскрыл рот и позволил себе несколько секунд полюбоваться видами, ведь больше он ничего подобного не увидит.

Бард пошевелил одной рукой и встряхнул ее. В ладонь скатился кинжал и Кион сильно сжал его рукоять. Он посмотрел на ведьму, которая в предвкушении ждала, когда его сознание полностью погрузится в иллюзии, но лица ведьмы Кион уже не видел, только две яркие луны на небе. Тогда он наугад взмахнул рукой с кинжалом. К его удовлетворению, лезвие с чавканьем вонзилось в плоть и Нико, громко вскрикнув от боли и неожиданности, отшатнулась от своей добычи. Иллюзии тут же развеялись и Кион с удивлением обнаружил, что паутина начала стремительно покидать его тело. Бард повернулся к ведьме и увидел, что кинжал по самую рукоять застрял у нее между ребер. Но ведьма не собиралась так просто сдаваться.

Морщась от боли, Нико подняла вверх одну руку и Кион понял, что ему сейчас достанется заряд магии. Паутину людоедка теперь контролировать не могла из-за полученных ран, но она все еще была опасна и могла спокойно убить барда своими заклинаниями.

Кион вскочил на ноги, игнорируя боль по всему телу, а затем бросился бежать. Медленно и неуклюже, но он старался как можно скорее отдалиться от ведьмы. Что-то с силой ухватило его за ноги и Кион плашмя грохнулся на землю. Затем неведомая сила потянула его назад к Нико. Бард на секунду обернулся и заметил, что ведьма держит в руках окровавленный кинжал, который она вытащила из своей раны. Когда ее магия приволочет Киона обратно, Нико явно не один раз пырнет его кинжалом.

Кион пальцами ухватился за землю, но это не замедлило его и магия продолжила тащить барда. Тогда пальцы порезало о что-то острое и в скудном свете луны Кион заметил металлический блеск. Его меч! Бард на ходу голыми пальцами схватился за острый клинок, игнорируя порезы. Он перехватил меч в руке и когда магия Нико, наконец, приволокла его к ведьме, Кион резко извернулся и взмахнул мечом, не поднимаясь с земли. Кончик лезвия напоролся на живот людоедки и та вскрикнула, выронив кинжал. Нико из последних сил вскинула руку и ее магия отшвырнула Киона подальше от нее.

Бард в падении провернулся через себя несколько раз, но все же умудрился подняться на ноги. Он заметил, что ведьма нетвердыми шагами продолжила идти за ним, в руке она снова сжимала кинжал и с ее пальцев капала кровь. Кион больше не стал испытывать удачу, развернулся и бросился прочь с одним мечом в руке. В спину ему донесся крик злобы и это подхлестнуло барда бежать еще быстрее, игнорируя всю его боль.

Паутины на его теле не было вовсе и Кион на ходу даже облегченно вздохнул. Теперь нужно было уйти из этих мест как можно дальше. Если ведьма и правда навесила на него магическую метку, то ей не составит труда вычислить свою жертву. Кион не жалел, что покидал этот неприятный город. Единственное, о чем он жалел — это о сокровищах Нико. Бард собирался переложить ее деньги в свой мешок, когда нападет на ведьму, но вместо этого остался не только без ее сокровищ, но и без мешка с едой, которую приготовил для своего путешествия. Все, что сейчас было у Киона — это его меч. Он даже кинжал оставил ведьме.

Он продолжал нестись вперед сломя голову, хотя ведьмы уже не было слышно. Но Кион

боялся, что если он остановится перевести дыхание, то Нико нагонит его, поэтому бард продолжал бежать по скудно освещенной луной земле, не взирая на боль во всем теле. Только когда он запнулся и упал, едва не напоровшись на собственный меч, что Кион до сих пор сжимал в руке, он решил немного передохнуть. Кион сел на землю и прислонился спиной к дереву, меч он вернул в ножны. Ведьма осталась далеко позади и быстро нагнать его со своими ранами она точно не сможет. Жаль только, что у нее остался кинжал. Кион планировал и дальше носить его в рукаве или прятать в сапоге на всякий случай.

Тело заняло тупой болью и Кион осмотрел себя. В некоторых местах его одежда была порвана, не говоря уже о том, что бард едва ли не полностью испачкался в грязи. На теле добавились новые синяки и ссадины, пальцы были порезаны не только острым мечом, но и кожа содралась с ладоней, когда ведьма тащила барда по земле своей магией.

Кион оторвал подол плаща и аккуратно перевязал свои руки. Сначала было бы неплохо промыть раны, но такой роскоши, как вода, у Киона сейчас не было. Наполненный бурдюк остался в мешке у тайника Нико, а поблизости сейчас не протекала никакая речушка. Решив вымыться при первой же возможности, Кион тяжело поднялся на ноги, кряхтя от усердия, а затем медленно поплелся прочь. Бежать сломя голову у него уже не было сил. Да и ведьма тоже наверняка не может сейчас быстро передвигаться, так что Кион позволил себе не слишком торопиться. Он бы и рад покинуть обитание людоедки как можно скорее, но тело его болело и ныло так, что в какой-то момент Кион пожелал отключиться и не чувствовать больше всех этих ран и ссадин каждой клеточкой своей кожи.

Кион блуждал по лесу во тьме еще некоторое время, пока случайно не нашел большую яму под вереницей деревьев. Тогда он спустился в нее и понял, что это идеальное укрытие и место для ночлега. Корни деревьев свисали вниз, закрывая вход от посторонних глаз. И если бы Кион в темноте не провалился сквозь них в эту нишу, он бы точно прошел мимо, решив, что здесь ничего нет.

Бард снял плащ и расстелил его на земле, а сам лег сверху. Было бы намного уютнее, если бы он развел костер, но Кион боялся, что ведьма или какие-нибудь разбойники, если таковые водились в этих окрестностях, попросту найдут его укрытие, поэтому Кион накрылся другим краем плаща и вскоре заснул.

* * *

Утро выдалось шумным. Но вместо голосов людей и звуков их шагов по мостовой до ушей барда доносилась трель птиц и шелест листьев. Кион открыл глаза, ожидая увидеть уже привычный скошенный потолок комнаты в таверне, но вместо этого увидел землю со свисающими вниз корнями деревьев. Кион непонимающе нахмурился и приподнялся на локтях, пытаясь вспомнить, сколько эля он вчера выпил, но бард тут же рухнул обратно на спину. По всему его телу прошла такая волна боли, что Кион не смог даже вскрикнуть. Он моментально вспомнил все последние события и застонал от досады, накрывая лицо обеими руками. Он ведь уже готов был уходить из города, припасы собрал, даже немного денег отложил в дорогу. И все зря. Может, он и порезал вчера ведьму, но она все равно осталась при своем сокровище, а вот бард потерял все, даже мешок с едой.

Кион медленно сел, игнорируя боль в теле. Настойка того врачавателя перестала действовать и старые и новые синяки тут же дали о себе знать. В животе досадно заурчало и Кион снова в полной мере осознал, что он в итоге проиграл.

Бард кое-как выполз из своего укрытия, отбрасывая свисающие корни деревьев в сторону. Кион отряхнул свой плащ и накинул его обратно на плечи, голову он накрыл капюшоном. В животе снова заурчало, на этот раз требовательнее и Кион решил поискать каких-нибудь ягод, но его постигла неудача. То ли он плохо смотрел, то ли ягод и правда не было, но бард так ничего и не нашел. Он поплелся дальше, слушая ворчание своего живота, который теперь словно бы ругался на своего хозяина.

Впереди между деревьями проблескивал свет и вскоре Кион вышел из леса. Он осмотрелся по сторонам. Город с таверной Марты остался где-то далеко позади, только малая его часть выглядывала из-за деревьев. Судя по глухой стене, окружающей его, главные ворота находились в другой стороне. Это с какой стороны тогда вышел Кион из леса? Склона здесь тоже не было, который приходилось преодолевать барду всякий раз, как он навещался к тайнику.

Отсюда не было видно главной дороги, по которой ходили путешественники. Скорее всего, она была скрыта самим городом и его стенами. Вокруг Киона расстилалось только поле, а позади остался лес с людоедкой. Кион медленно шагал по траве, чувствуя, как тело протестует каждому его движению.

В животе постоянно урчало, синяки и раны вечно ныли и болели, сам бард просто мечтал искупаться и постирать одежду, но он упорно шел вперед, стараясь не обращать на свои нужды внимания. Кион не совсем понимал, в какую сторону он шагал и где находился тот далекий город, о котором рассказывала Марта, но поворачивать назад бард не решился. Он помнил, как легко ведьма нагоняла его в лесу, помнил и то, что за все время, пока он собирал ей долг в городе, паутина не слетела с его тела ни на сантиметр. Наоборот, она с каждым днем поднималась все выше. Значит, ведьма и правда повесила на Киона магическую метку и с помощью нее знала, где он находится.

Кион понятия не имел, как далеко Нико может видеть метку на своих жертвах, поэтому он старался как можно скорее покинуть эти места. Поначалу бард совсем поник, но чем дальше думал о событиях последних недель, тем больше убеждался в том, что ему несказанно повезло. Дважды. Он сумел сбежать от людоедок и остаться целым.

Бард вспомнил слухи о пропаже людей и выругался про себя. Ему бы стоило догадаться, что это все было делом рук людоедки, а не медведя или химеры. Кион пощупал себя, чтобы убедиться, что у него все тело на месте. Это ведь не иллюзия? Кион ведь и правда остался жив и все это не обман магии людоедок? Как бы не получилось так, что они сейчас доедают его мозг, а сам он думает, будто сумел удрать. Бард вспомнил, какие иллюзии наводили на него Сэра и Нико и отмел свои страхи о том, что все это ему кажется. Насколько знал Кион, ведьмы не умели сами выбирать, какие иллюзии они покажут своим жертвам, они просто наводили приятный морок на людей, чтобы те не сопротивлялись, пока людоедки лакомились их мозгами и воспоминаниями. Люди уже сами видели в иллюзиях что-то свое. И Киону мерещились богатые комнаты и прекрасные пейзажи, будто не из этого мира. Краски были такими яркими и сочными, что глядя на зеленое поле вокруг себя, Киону оно показалось невзрачным и тусклым по сравнению с его видениями.

Бард продолжил идти, стараясь не обращать внимания на свои раны и ссадины. Ткань, которой он вчера обмотал ладони, вся пропиталась кровью. Пальцы болели от полученных порезов, но в то же время все это лишний раз напоминало Киону, что он остался жив и сумел уйти от людоедки практически без потерь. Потом Кион вспомнил про свой мешок, доверху наполненный едой, который остался лежать в лесу и живот его снова заурчал.

Кион шел уже довольно долго, лес, Нико и город, окруженный стеной, остались далеко позади, а впереди перед бардом блеснула речка в полуденном солнце, вдоль которой росли деревья редкими рядами. Кион в предвкушении улыбнулся и направился к реке. Наконец-то он сможет смыть с себя всю грязь, промоет раны и постирает одежду, а завтра с утра отправится дальше в путь. Интересно, а в этой реке водится рыба?

Кион преодолел кажущееся нереально долгим расстояние до реки и прошелся вдоль ее берега. Бард придирчиво высматривал место, где он сможет сегодня отдохнуть и умыться. После получаса привередливого осмотра Кион все же нашел место, которое ему более менее понравилось. Он собрал сухих веток, но костер разжечь так и не смог, а это в свою очередь означало, что рыбу ловить не имело смысла, если бард не сможет ее поджарить.

Под громкое ворчание желудка Кион сбросил с себя одежду и меч, а сам погрузился в теплую воду. Он смыл с себя всю грязь, пыль и застрявшие листья в волосах, промыл раны на теле и ладонях, а затем хотел постирать одежду, но передумал. Без костра она будет долго сохнуть, а сам Кион замерзнет, если ночью останется не только без теплого огня, но и без одежды. Бард проторчал на берегу реки некоторое время, пока не обсох, затем снова оделся, чувствуя, что купание прошло зря, раз пришлось снова нацепить грязную одежду. Кион пристегнул ножны с мечом к поясу и направился прочь от реки и еще дальше от ведьмы. Живот уже практически не молчал, то и дело периодически раздавалось его ворчание и Кион понял, что ему нужно съесть хоть что-нибудь.

По пути бард стал высматривать нечто съедобное и ему повезло. Кион сумел найти на поле землянику. Он принялся есть все ягоды подряд, лишь бы уже не чувствовать этого сосущего голода. К сожалению, пир длился не долго, а тех ягод, что нашел Кион, ему явно было мало и они только сильнее разыграли его аппетит.

Вновь оставшись ни с чем, Кион поплелся дальше по полю, где впереди он заметил дорогу. Не ту широкую и мощную, как в городе, а обычную, протоптанную людьми и повозками с лошадьми. Людей нигде не было видно, дорога не особо пользовалась популярностью, как главный тракт, но Киона это сейчас устраивало. По дороге он наверняка выйдет к какому-нибудь населенному пункту, где можно будет попросить еды у местных жителей. Кион даже придумал себе слезливую историю, чтобы не платить за еду. Да и платить ему было в любом случае нечем.

Повеселев и прибодрившись, бард быстро достиг дороги и пружинистой походкой пошел по ней в ту сторону, которая уводила дальше от леса и тайника людоедки. Живот тоже слегка успокоился, словно бы предвкушал ужин, который собирался выпросить Кион у жителей следующей встречной деревни. Но как бы долго не шел рыжий бард, деревни он так и не встретил. Более того, впереди пока не было видно никаких домов.

Солнце уже начало потихоньку садиться за горизонт, а Кион все шел и шел вперед, но вокруг все было так же пустынно — только дорога и зеленое поле кругом. Отсюда уже даже не было видно тех редких деревьев, что росли вдоль ручья, где мылся Кион. Живот заворчал и Кион опустился на обочину, вытирая лоб. Он выбился из сил, ему жутко хотелось есть и пить, а еще его раны давали о себе знать. Бард проводил взглядом опустившееся солнце. За то время, что Кион шел по дороге, ему не встретился ни один путник.

Кион почесал в затылке. Вроде и город был относительно недалеко, так почему это место так пустынно? Может, бард все же умер и попал в персональный ад, где он теперь всю вечность будет скитаться по одному полю? Недовольное ворчание в животе тут же отмело эту теорию. Если бы Кион был мертв, ему бы не хотелось так сильно есть.

Кион снова поднялся на ноги, чувствуя помимо жажды и голода еще и усталость. Он по привычке проверил меч в ножнах и медленно зашагал вперед. Где-то там наверняка должна быть хоть какая-то деревня, иначе зачем здесь дорога? Кион резко почувствовал слабость от голода, пальцы его рук затряслись мелкой дрожью, но он упорно шел вперед. Если сейчас Кион остановится, то он точно останется голодным. А вот если продолжит идти, то у него есть шансы наткнуться на деревню и попросить у жителей немного еды.

Он продолжал шагать даже тогда, когда наступили сумерки. Теперь Кион был уверен, что Нико потеряла его — за все время пути на его теле так и не образовалась ее паутина. Это радовало барда и придавало сил идти дальше, хотя их практически не осталось.

Кион достиг пригорка и начал потихоньку подниматься, не сходя с дороги. Из-за наклона не видно было, что ждет его впереди, но бард надеялся, что он увидит огни, которые бы означали, что где-то там есть населенный пункт. Потратив все свои оставшиеся силы на восхождение, Кион остановился и перевел дыхание. В любой другой день эта горка вовсе бы не доставила ему неприятностей. Да по ней любая крестьянка могла легко подняться даже с полными ведрами воды. Но Кион весь день был в пути, он жутко устал, хотел сильно пить и был голоден, как стая волков. Помимо этого, его тело постоянно ныло и болело и восхождение по небольшой возвышенности отняло последние силы барда.

Кион дышал так, словно пес, пробежавший милью, разве что язык у барда не торчал изо рта. Уперевшись руками в колени, он перевел дыхание и поднял голову. Во тьме ночи Кион увидел впереди огни. Он не смог точно определить расстояние до деревни из-за темноты, но его обрадовало уже то, что рядом находился хоть какой-то населенный пункт.

Кион втянул носом воздух, собрал остатки сил в кулак и двинулся во тьме к этим огонькам. Но его уставшие ноги зацепились друг за друга и Кион, не удержавшись, рухнул на землю, как мешок с картошкой. Все синяки тут же хором отозвались болью. Бард стиснул зубы, хотел подняться обратно на ноги, но понял, что падение сожгло последнюю каплю оставшейся в нем энергии. У Киона уже не было сил не то, чтобы встать, а даже чтобы моргать. Бард прикрыл тяжелые веки и под ворчание голодного желудка провалился в темноту сознания.

* * *

Ночь все еще покрывала землю вокруг таверны дяди Миши, но скоро ей придется отступить перед ярким утром. Однако пока не было даже ни намек на солнечные лучи и свет от многочисленных свечей в зале продолжал освещать весь зал таверны. Пьянчуги, вместо того, чтобы сонно посапывать на столе в окружении пустых глиняных кружек, слушали историю Киона, разинув рты. Девушку, что помогала трактирщику разносить еду, дядя Миша уже давно отпустил домой, а сам сейчас грязной тряпкой протирал стойку, за которой он часто обитал.

Кион сидел на табуретке в центре комнаты и задумчиво уставился куда-то в угол. Он только что завершил свою вторую историю, но его слушала лишь половина посетителей. Чтобы выиграть пари с трактирщиком и получить бесплатную выпивку, Киону нужно было завладеть вниманием каждого из них и бард сейчас думал, какую бы следующую историю ему рассказать.

— Вот ты идиот, — воскликнул один из посетителей, прерывая мысли барда, — Раз ты в городе был, надо было положить деньги в банк. Тогда они бы не достались ведьме.

— Возможно, банк там и был, но наверняка он находился в северном районе, — отметил Кион, — Такого оборванца, как я, в это уважаемое заведение просто бы не пустили.

— А что тогда не стал ухлестывать за аристократками, как в столице? — спросил другой и Кион повернул к нему голову.

— Потому что для того, чтобы начать за ними ухлестывать, мне нужно было выглядеть прилично, а на приличные наряды у меня денег не было, не говоря уже о том, что знатных леди пришлось бы водить по дорогим заведениям. Я хотел сначала полностью подготовиться к охмурению таких барышень, но так не вовремя попался ведьме.

Кион театрально вздохнул, закинул ногу на ногу и покачал ей. Посетители продолжили пить свой эль, раздумывая над историей барда. Кион обвел взглядом зал. Кажется, теперь к обсуждению прислушивалось больше народу и бард улыбнулся. Еще немного и он завладеет вниманием всего зала и выиграет пари. Киону не важна была бесплатная выпивка, теперь он просто хотел выиграть.

Дядя Миша подошел к нему и поставил на соседний стол еще одну кружку с элем, как уже раз делал до этого. Кион с удивлением обернулся на трактирщика. Бард не заказывал у него выпивку.

— Если проиграешь, то заплатишь за эту кружку тоже, — пожал плечами трактирщик и вернулся к своему углу за стойкой, — Ну а победишь, так какая разница — кружкой больше, кружкой меньше.

— Спасибо, дядь Миш! — воскликнул довольный бард и одним глотком осушил все содержимое кружки.

— Михаил, — в очередной раз грозно поправил его трактирщик, но потом рукой махнул. Этот наглый рыжий бард все равно продолжит звать его «дядя Миша», так зачем сотрясать воздух почему зря?

В зале наступило молчание, прерываемое лишь громкими глотками пьянчуг и шмыганием носов. Кион снова задумался о своей следующей истории, но и в этот раз его мысли прервали.

— Так это, неужели не мог нормально деньги ведьмы потратить? — раздался нетвердый голос одного из забулдыг. Сам обладатель этого голоса сидел за одним из столов неподалеку от Киона. В руке он держал кружку с выпивкой, а сам был настолько пьян, что Кион даже удивился тому, как он еще умудряется сидеть и не расплескать свой эль в дергающейся руке.

— А куда их надо было тратить? — вопросом на вопрос ответил Кион.

— На шлюх! — выкрикнул пьянчуга, поднял руку с кружкой, словно собирался произнести тост, но потом вернул ее к губам и выхлебал остатки алкоголя, — Трактирщик, мне еще вина!

— У меня только пиво и эль, — отозвался Михаил и принес полную кружку пьянчуге, отчего тот расплылся в такой искренней улыбке, словно бы получил желаемый подарок на день рождения.

— Борделя в том городе не было, мой невнимательный друг, — напомнил ему Кион, когда забулдыга вернул ему свой нетрезвый взгляд, оторвав его от пойла, — Подумать только, в городе не было борделя. И куда только их правитель смотрит?

— Видимо, не на девок, — рыгнул пьянчуга, залпом закинул в себя новую порцию алкоголя, потом поставил кружку на стол с громким стуком, уставился куда-то в одну точку и через несколько секунд резко уронил голову на стол с еще одним громким стуком.

Посетители, наблюдавшие за этим, притихли. Трактирщик спокойно протирал кружки в углу, будто ничего не случилось. Через минуту зал таверны наполнил громкий храп пьянчуги

и люди вернулись к своим делам, ожидая следующей истории от Киона.

Бард задумчиво потер подбородок. В уме он перебирал воспоминания, стараясь выцепить наиболее интересные и поделиться ими с толпой, но они все казались ему не стоящими внимания. Рассказать о жизни в столице до того, как встретил принцессу и отправился «на виселицу»? Да что там рассказывать — все, что делал Кион, это волочился за каждой богатой юбкой. И у каждой такой истории было только два предсказуемых конца — либо бард покидал покои знатной леди, обвешавшись ее цацками, либо покидал покои в спешке, обвешавшись грозными матюками обманутых мужей.

Кион покачал ногой, сидя на табуретке. Может, рассказать подробнее, как он добирался до того города, в котором находилась таверна Марты? Кион поморщился. Основные события он уже пересказал, а остальное было не так уж и интересно.

Бард почесал в рыжем затылке и снова качнул ногой, заметив на себе заинтересованные взгляды его слушателей. Дальше медлить было нельзя и нужно было что-то рассказывать, иначе он потеряет часть своей аудитории, а это означало проигрыш в пари. Видимо, выбора у него не было и Киону придется рассказать именно эту последнюю историю. Других интересных воспоминаний в голове барда не нашлось.

— Ты прям как сам не свой, — неожиданно произнес Михаил и Кион повернулся к нему.

— Это я-то? — удивленно спросил он.

— В начале твоих историй ты был беззаботным придурком, а сейчас как-то поник, — трактирщик дунул в стакан и продолжил протирать его тряпкой.

— Просто последняя история одновременно прекрасная и печальная, — серьезно отозвался бард и в зале раздался хор нетерпеливых голосов.

— Да рассказывай уже!

— Ну сколько можно ждать?

— А в этой истории будут драконы?

— А можно сделать перерыв и сходить отлить? Только не начинайте без меня.

Кион усмехнулся, наблюдая как несколько посетителей быстро рванули на улицу поливать стену здания. Михаил грозно крикнул им вслед, чтобы на его таверну они не ссали, но Кион был уверен, что пьянчуги проигнорируют угрозы трактирщика.

Бард был приятно удивлен тому, что его слушали уже гораздо больше людей, чем в начале, да еще попросили не рассказывать последнюю историю, пока они не вернутся в зал. Не зря он выбрал именно эти два воспоминания. Значит, последнее, которым собрался поделиться Кион, точно им понравится. И если повезет, именно последняя история завладеет вниманием всех посетителей зала.

Вышедшие по зову природу люди вернулись обратно и заняли свои места, заказав у дяди Миши еще выпивку, чтобы было приятнее слушать рассказы барда. Кион перевел взгляд за окно и заметил, что робкий розовый лучик начал пробиваться в темном небе. Скоро рассветет и настанет утро и все посетители разбредутся по домам. Но сначала Кион расскажет им такую историю, которую они еще долго не забудут.

— Моя последняя история будет о том... — начал было бард, убедившись, что его слушают едва ли не все посетители, но потом он помолчал секунду и произнес, — Впрочем, узнаете сами, о чем моя последняя история.

Кион выпрямил спину, сидя на табурете, смахнул с колена пылинку, осмотрел всех своих слушателей и тех, кто продолжал игнорировать звуки его голоса. Ничего, эта история

никого без внимания не оставит, Кион был в этом уверен. Бард еще раз глянул на маленький лучик света за окном и начал рассказывать свою последнюю историю.

ГЛАВА 9

Когда Кион открыл глаза, на улице уже наступил поздний вечер. Но не это удивило барда. Он лежал на заботливо расстеленной лежанке, при этом кто-то соорудил навес над его головой из толстых палок и длинной белой ткани, похожей на простыню. Рядом потрескивал костер, над которым висел котелок, где что-то булькало и аппетитный запах супа тут же наполнил все ноздри. Кион попытался встать, но раны на теле непослушно заныли и бард рухнул обратно на лежанку. Последнее, что он помнил, это то, как бежал от ведьмы, а потом шагал по зеленому полю, из последних сил стараясь добраться до видневшейся впереди деревни. Больше он ничего не помнил. Неужели он все же сумел дойти до домов?

— Очнулся, — раздался над Кионом чей-то незнакомый голос.

Бард резко подскочил и посмотрел в сторону незнакомца, боясь узнать в нем ведьму, но перед Кионом стоял высокий молодой человек с темными волосами. Одежду он носил простую, такую удобно использовать в дороге, так что Кион не мог с точностью определить, кто именно перед ним стоит — какой-нибудь аристократ или обычный житель близлежащих деревень. Не помогали ему в этом и наступившие сумерки, разгоняемые только светом от костра.

Незнакомец присел рядом с Кионом и бард заметил у него на ноге колчан со стрелами, связанный ремешками. Только стрелы были более короткие и толще, чем обычно использовали лучники. Такие наверняка были тяжелее обычных стрел и Кион засомневался, что незнакомец сумеет использовать их с луком.

— Мы найти тебя на обочине без сознания, — темноволосый парень говорил с акцентом и использовал слова немного неправильно, но Кион его отлично понимал. В свете костра карие глаза незнакомца отливали янтарем.

— Мы? — переспросил Кион.

Незнакомец перевел взгляд куда-то дальше и бард, приподнявшись на локтях, проследил за ним. Он заметил впереди крытую деревянную повозку, чем-то напоминающую передвижные фургоны, в которых к столице постоянно приезжали фокусники и предсказатели судеб. Рядом с повозкой стояли две черные лошадки. Гривы у них были настолько длинные и красивые, что Кион невольно залюбовался ими и в его голове родилась не одна рифма.

Рядом с лошадьми он заметил крепкого мужчину, который набросил на себя меховую накидку, хотя стояло лето. Кажется, он с кем-то разговаривал, но отсюда бард не видел, с кем именно. У мужчины были каштановые волосы до плеч и он носил бороду. Помимо этого, Кион заметил у него ножны с мечом, спокойно покачивающиеся на поясе. Кион было потянулся к своему оружию, но рука не нащупала привычной рукояти. Тогда бард подскочил на месте, игнорируя боль во всем теле. Он быстро осмотрелся и заметил, что его меч лежал все это время рядом. Кион обернулся к незнакомцу и только сейчас понял, что тот внимательно следил за его действиями.

— Мы перевязать твои раны, — спокойно произнес он и до Киона только сейчас дошло, что у его собеседника была смуглая кожа. В свете костра бард не сразу это заметил, — Напоить питательным супом, пока ты был в бреду.

— Кто вы? — прямо спросил Кион.

Темноволосый молодой человек поднялся на ноги и начал перечислять имена, указывая на людей по-очереди.

— Я Райнир. А вон там Могдар и Ханэра.

Кион выдержал паузу, показывая, что их имена ему ничего не дают, но Райнир продолжил молча стоять, глядя на барда. Казалось, он ожидал, что тот в ответ тоже представится, но Киону было сейчас не до светских бесед. Бард попытался подняться, но тело заныло, а раны отдались болью. Кион застонал и сел обратно на лежанку, понимая, что в таком состоянии он далеко не уйдет.

— Мы дать тебе лечебный суп, — произнес Райнир, — Твои раны скоро уйти.

Кион посмотрел на него снизу вверх. Его вдруг посетила мысль, что если они с Райниром встанут рядом, то этот темноволосый все равно будет выше Киона. Бард нахмурился, проклиная свой средний рост, а затем усмехнулся.

— Знаешь, у меня ведь нет денег, чтобы вам заплатить.

— Денег? — переспросил Райнир.

— Блестящих монеток, — пояснил Кион.

— Я знать, что такое денег, — нахмурился его собеседник. Кажется, бард задел его своим замечанием, — Про это с тобой говорит Могдар.

— Ну, пусть говорит, — передразнил его Кион и снова попытался встать, но после очередной болевой волны тут же передумал.

Райнир надулся и отошел к своим товарищам. Кион проводил его взглядом, не совсем понимая, стоит ли им доверять или нет. С одной стороны, они перевязали его раны, дали ему лекарства и еду, пока Кион был в полузабытье от голода и усталости. Но с другой — бард о них ничего не знал. И они явно были не выходцами этого королевства. Скорее всего, они южане, судя по их темным волосам, карим глазам, смуглой коже и акценту у Райнира. Но что южане забыли в королевстве, в котором правил Элияр Аделла?

Кион поудобнее сел на лежанке, чувствуя тепло от костра. Бард посмотрел туда, куда ушел Райнир. Темноволосый говорил о чем-то с мужчиной, которого назвал Могдаром. К ним из-за повозки вышла девушка и Кион принялся ее воодушевленно осматривать. Свои темные волосы она заплела в две длинные аккуратные косы, которые свисали до пояса. Девушка носила легкий, подогнанный под ее фигуру кожаный доспех и штаны из тонкой ткани. На поясе у нее были прикреплены два длинных кинжала. Кион отсюда не слышал их разговор, но девушка так активно жестикулировала, что бард понял — она не слишком довольна его компании.

Кион нагло ухмыльнулся и провел руками по рыжим волосам, приглаживая их. Может, она и против того, что ее спутники подобрали барда на дороге, но это ненадолго. Кион очарует ее своими речами и харизмой, так что потом она даже будет скучать по нему, когда каждый из них пойдет своей дорогой.

Южане втроем подошли к отдыхающему у костра Киону и расположились у огня полукругом напротив барда. Райнир в руках держал деревянные глубокие тарелки. Он снял бурлящий котелок с огня, поставил его рядом с собой на землю и принялся разливать суп по тарелкам, передавая их своим товарищам. Могдар принял у него первую и протянул ее Киону.

— Суп, — произнес мужчина глубоким грозным голосом. Рыжий бард только сейчас заметил, что Могдар носил кольчугу под меховой накидкой.

Кион от неожиданности молча подчинился, забирая тарелку. Могдар пошуршал в рядом лежащем мешке, вытащил оттуда деревянные ложки и одну протянул Киону. Бард все так же безропотно взял ее, но есть суп не торопился, хотя от него исходил дразнящий аромат, призывающий наброситься на еду сию же секунду.

Райнир с Могдаром передали ложку и тарелку с супом девушке, которую высокий парень представил как Ханэру. Она не стала никого ждать и тут же принялась за еду. Могдар вытащил из мешка булку хлеба и, разделив его на всех, передал куски остальным. Ханэра вцепилась в свой кусочек хлеба и продолжила активно жевать челюстями. Могдар и Райнир тоже приступили к еде. Кион решил от них не отставать, откусил от хлеба кусок и отправил ложку горячего супа в рот. Вкусно. У этих южан даже пряные травы для супа нашлись и соль. Кион наслаждался трапезой, с каждой ложкой чувствуя, как жизнь снова возвращается к нему. Даже его раны и ссадины, казалось, перестали болеть и успокоились.

— Мы нашли тебя на дороге, — через некоторое время произнес Могдар, — Видок у тебя был, мягко говоря, не очень. Мы перевязали твои раны и напоили лечебным зельем, так что скоро все заживет.

Кион отметил про себя, что крепкий мужчина, которому на вид было около пятидесяти лет, неплохо говорил на языке этого королевства, даже без акцента. Голос его был громкий и командирский и Киону всякий раз инстинктивно хотелось ему подчиниться. Бард заметил еще и то, что южане обращались к Киону сразу на «ты» вместо вежливой формы, но потом Кион вспомнил, что в культуре южных народов просто не было обращения на «вы». Вежливая форма была, но обращения не было. Видимо, они не стали бороться с трудностями языка, на котором говорил Кион и попросту перенесли в него свои привычки.

— Боюсь, вам не повезло, — хмыкнул Кион, — У меня нет денег, чтобы вам заплатить.

— Мы не для денег тебя спасали, — поморщился Могдар.

Райнир ел молча, но то и дело бросал взгляды то на Киона, то на мужчину. Ханэра же продолжала есть так, будто рядом с ней никого не было, она вовсе не участвовала в диалоге и, казалось, даже не его слушала.

Кион задумчиво осмотрел своих собеседников, закинув лодку супа в рот. Если они не ради денег ему помогли, то для чего? Должна же у них быть какая-то причина. Южане были довольно спокойным народом, насколько был наслышан бард, так что продавать Киона в рабство они точно не планировали. Зачастую южане сидят в своем королевстве, но некоторые из них снаряжают караваны и торгуют с соседними землями. Скорее всего, Могдар с двумя своими подопечными не были исключением и явились сюда для того, чтобы продать свои товары. Вот только Кион все никак в толк не мог взять, зачем они ему помогли. У него в мозгу даже не пробежала мысль, что Могдар мог это сделать просто так, без всякой выгоды для себя.

Тем временем лидер каравана (а Кион был уверен, что Могдар являлся их лидером, мужчина так уверенно себя вел) еще раз осмотрел барда и передал пустую тарелку Ханэре. То же самое сделал и Райнир и девушка поспешила куда-то удалиться с тарелками в руках, не дожидаясь, когда Кион ей тоже вручит свою миску.

— Неподалеку отсюда есть деревня, — произнес Могдар своим грозным голосом, — Мы тебя проведем туда, нам все равно по пути. Наверняка там найдется лекарь, он осмотрит твои раны, а мы пойдем дальше.

— И даже плату не попросите? — искренне удивился Кион.

— Наш народ не ваш, — вперед Могдара высказался Райнир и поморщился, — Мы

может помогать люди за просто так, а не блестящие монетки.

Последние два слова высокий южанин произнес таким тоном, словно хотел уязвить Киона за его недавнее замечание про деньги, но бард едва ли не расхохотался. Однако один взгляд на Могдара тут же отбил у него охоту это делать. Не удивительно, что он у них лидер, от крепкого мужчины буквально веяло силой.

— Тебе все еще надо отдохнуть, — Могдар подбородком указал на лежанку Киона, — Мы выйдем в дорогу завтра на рассвете.

С этими словами он и Райнир поднялись на ноги и направились к повозке. Кион лег обратно, но продолжил наблюдать за своими внезапными попутчиками. Те кормили и поили лошадей, при этом сами о чем-то переговаривались. Вскоре подошла Ханэра с чистой посудой в руках и среди них раздался ее звонкий смех. Кион думал, что они между собой обсуждали его, но оказалось, что южане говорили о чем-то совсем другом. О чем-то веселом и приятном. Бард вздохнул, повернулся к ним спиной и совсем скоро провалился в сон.

* * *

Утром его разбудил Могдар. Солнце едва только вошло над горизонтом, а эти южане уже были готовы в любую минуту выдвигаться в путь. Лошади уже были накормлены, а караванщики одеты в свои одежды и доспехи. Они снова присели полукругом у костра и стали передавать друг другу тарелки с едой, не забывая и про Киона. Сегодня в меню была самая обычная каша, но бард уплетал ее так, словно ничего доселе вкуснее не ел. После прогулки от ведьмы Кион боялся, что снова окажется голоден, а потому теперь старался запихнуть в себя всю еду, до которой только мог дотянуться. Глядя на него, Могдар довольно хмыкнул.

— Много ешь, — заметил мужчина, — Значит, на поправку идешь.

— Мое тело все еще болит, — пожаловался Кион.

— И будет болеть. Где ты вообще столько ран получил?

— Не понравился одной леди, — бард попытался уйти от ответа, но неожиданно мужчина громко рассмеялся, своим смехом спугнув птиц с соседних деревьев.

— Звучит так, будто у той леди был темперамент Ханэры, — продолжал смеяться Могдар.

Райнир спокойно ел свою порцию каши, а вот сама Ханэра гневно сверкнула глазами на предводителя и даже ткнула его ложкой в бок, правда, из-за кольчуги это не возымело никакого эффекта.

— Я самая спокойная женщина среди нашего народа, — фыркнула Ханэра.

— Если бы так, — снова рассмеялся Могдар и девушка бросила на него такой тяжелый взгляд, что если бы он действительно что-то весил, то наверняка бы раздавил мужчину на месте.

Кион поймал себя на мысли, что наслаждается этим оживленным завтраком. Вчера его новые компаньоны показались ему недружелюбными и холодными, но между собой они взаимодействовали, как настоящая семья. Бард понял, что широко улыбается, как придурок и постарался спрятать улыбку за очередной ложкой каши. Интересно, как там Эльвира? Она единственная, кто искренне переживала за Киона и бард понял, что безумно по ней скучает. Все же стоит послать ей весточку в столицу о том, что он жив. Вряд ли сам Кион сумеет туда вернуться, но хотя бы Эльвира будет знать, что он не пропал и не закончил свою жизнь «на

виселище».

Когда с завтраком было покончено, южане собрали все вещи, включая лежанку и навес, которые они выделили для Киона, затем Могдар сел на место возницы и Ханэра ловко запрыгнула рядом с ним, явно не желая сидеть в повозке, пока там находился Кион. Она бросила такой враждебный взгляд на барда, что тому на секунду показалось, будто это Нико глядит на него и Кион даже поежился.

Райнир помог ему влезть внутрь повозки, а после погрузился сам, закрывая за собой дверцу. Внутри повозка оказалась довольно просторной, хотя Кион ожидал, что в ней будет так же мало места, как и в столичных каретах. Повсюду были разбросаны маленькие подушечки, у стены сложена гора одеял, а по центру даже имелась опускающаяся полка, выполняющая роль стола, когда нужно. Помимо этого Кион заметил большой сундук в куче у одеял и Райнир, проследив за его взглядом, пояснил, что там они держат свои товары.

Кион в ответ только кивнул, вслед за высоким южанином опускаясь на мягкие подушки. Значит, бард верно предположил вчера, что они были кочующими торговцами. И эта повозка вовсе не повозка, а фургон или передвижной домик. У стены рядом с сундуком приоткрылось маленькое окошечко и в нем показалась Ханэра.

— Мы выдвигаемся, — произнесла она.

— Од, — ответил ей Райнир на языке их народа и повозка тронулась с места.

Кион ожидал, что их будет трясти при малейших кочках, но повозка ехала так спокойно и практически не покачивалась, что бард даже сумел воздать ей в уме хвалебную рифмованную оду. Кион усмехнулся. Он впервые посвящает свои стихи неодушевленному предмету, не считая луны в лесу. Райнир на него странно посмотрел и бард поспешил его успокоить.

— Вспомнил смешную историю, произошедшую со мной в подобной карете.

— Какую? — поинтересовался южанин. Кион даже заметил, что в глазах у того зажглось любопытство, хотя сам парень оставался таким же спокойным.

Кион почесал мочку уха. У него были истории про кареты, которые он мог бы рассказать Райниру, но стоило ли их рассказывать? По большей части они были практически все неприличными. Бард покопался в памяти и выудил оттуда, на его взгляд, нормальную историю. Правда, ему пришлось опустить некоторые детали, а другие и вовсе заменить на что-то более нейтральное, так как он боялся, что Райниру не понравится подобного рода рассказ. Но когда Кион закончил, Райнир только мягко улыбнулся и сказал, что в их повозке ничего подобного случиться не может, поскольку дверца запирается на защелку и, как следствие, случайно на дорогу никто не вывалится.

Лошадки спокойно тянули повозку за собой. Киону приходилось развлекаться тем, что он рассказывал Райниру разные истории и мифы своего королевства, иначе бард помер бы от скуки. К его удивлению, высокий южанин его слушал с интересом и практически не перебивал и это подстегнуло Киона рассказать еще больше историй и он принялся вспоминать некоторые из них, но перед лицом неожиданно возник образ беловолосой ведьмы.

— Как насчет истории про людоедок? — спросил Кион.

— Это очередная легенда? — поинтересовался Райнир. В его глазах продолжало гореть любопытство и бард понял, что он полностью завладел его вниманием.

— О, нет, — покачал головой Кион, — Людоедки вполне реальны. Они окутывают своих жертв магической нитью, похожей на паутину и через эту нить проводят свои

иллюзии. А когда жертва полностью пропадает в них, они съедают ее мозг, получая все воспоминания человека.

К удивлению Киона, Райнир не ужаснулся его истории, а всего лишь снисходительно улыбнулся, поудобнее устроившись на подушках.

— У нашего народа тоже ходит подобная легенда, — произнес южанин, — В ней говорят об огромной пауке с телом женщины. Она крутит своих жертв в паутину и питаться их мозги. Мы звать ее Дрыльса — половина паук, половина женщина.

Кион не выдержал и рассмеялся от названия мифического существа южан. Райнир выглядел удивленным, он не совсем понимал, что так сильно развеселило барда. Вскоре Кион успокоился и, пальцем смахнув слезу с глаз, глубоко вздохнул.

— У нас эти ведьмы выглядят как обычные люди, без тела паука, — сказал бард, — И их паутину видят только их жертвы.

— Вот как, — протянул южанин. Кажется, до него дошло, что сейчас они обсуждали совершенно разные легенды.

Кион, вспомнив название паучихи на языке южан, едва не начал снова хохотать, но сделал вид, что откашлялся в кулак. Он подумал о скучных камнях и булыжниках и это помогло ему успокоиться и не выдать очередной взрыв смеха. Не стоило смеяться над языком другого народа, Кион это отлично понимал. К тому же, он был уверен, что некоторые слова его королевства для южан тоже кажутся смешными или нелепыми. Кион посмотрел на своего собеседника и понял, что помрет от любопытства, если не спросит об этом.

— Кстати, а вам с Могдаром и Ханэрой казались какие-нибудь слова в нашем языке смешными?

Райнир уставился на барда, не совсем понимая, что тот имеет в виду. Когда же до него дошел смысл вопроса, южанин растянулся в беззлобной улыбке.

— У вас много есть смешной слова. Например, «улитка». Для нас она смешно. Или «мороз» — он звучать, как наше слово, который означает поход по нужде.

— Полагаю, тогда не стоит говорить о нашем словосочетании «мороз по коже», — усмехнулся Кион.

Райнир так громко рассмеялся, что позади него даже приоткрылось окошечко, в котором показалась Ханэра. Девушка осмотрела двух мужчин, сидящих в повозке на подушках, чуть дольше задержала хмурый взгляд на Кионе, а затем закрыла окошко. Райнир все это время хохотал и что-то говорил на своем языке. Он даже не заметил, что Ханэра заглядывала к ним, чтобы убедиться, что у них все нормально.

— У вас и правда такой выражение? — спросил Райнир, когда успокоился после бурного приступа смеха.

— Да, — кивнул Кион, — Оно означает, что человек чего-то сильно испугался.

— И пустил мороз по коже, — снова засмеялся Райнир.

На этот раз Кион не выдержал и засмеялся вместе с ним. Кто бы мог подумать, что безобидное и уже устоявшееся в народе словосочетание для южан покажется таким нелепым и смешным? Райнир привел еще несколько слов в пример, которые на слух кажутся южанам странными. Но когда он заговорил о хлебе, Кион вопросительно вскинул брови.

— А с хлебом что не так? — поинтересовался бард.

— Само слово не звучать смешно, — пояснил Райнир, — Просто оно похож на наш, который означать брак у животных.

Южанин покраснел до кончиков ушей и дальше вдаваться в подробности не стал. Впрочем, Кион его прекрасно понял и усмехнулся. Этому народу столько слов кажутся смешными или нелепыми, а Кион еще смеялся над их «дрыльсой», не подозревая, что язык его королевства для южан звучит куда смешнее, чем их для него.

Они провели в пути примерно полдня, когда повозка остановилась. Кион чувствовал себя уже чуть лучше, чем когда бежал от ведьмы, но некоторые особо болезненные раны все еще давали о себе знать.

Райнир открыл дверцу и выскочил на улицу, Кион последовал за ним, радуясь представленной возможности постоять в полный рост. Перед ними выросла самая обычная деревушка, каких в королевстве было не мало. Кое где стояли покосившиеся деревянные домики, но в целом жилища местных жителей выглядели вполне прилично. В загонах стоял скот, по дороге важно шагали гуси, а чуть дальше в стороне от деревни Кион заметил поле с посевами и речку.

Могдар похлопал лошадку по спине и, сделав Киону знак следовать за ним, направился в сторону деревни. Райнир и Ханэра остались позади. Жители, заметив приближение двух вооруженных мужчин, настороженно провожали их взглядами, бросая все свои дела. Кион им широко улыбнулся, но его беззаботная улыбка только усугубила положение и усилило подозрение людей. Хотя сам бард считал, что во всем виноват хмурый вид его спутника в меховой накидке.

Навстречу им вышел старик, сопровождаемый двумя мужчинами, один из которых был крепкого телосложения и носил фартук. Кион смекнул, что наверняка это кузнец, но бард отчего-то был уверен — случись им ввязаться в драку, Кион и Могдар легко раскидают здешних «воинов».

Лидер каравана остановился в нескольких шагах от старика, который был местным старостой. Кион тоже не сделал шагу дальше, оценивая жителей. Ни один из них явно не умел фехтовать. Быть может, именно поэтому они так настороженно наблюдали за чужаками в своей деревне — жители сами понимали, что справиться с ними они не смогут.

— Нам нужен лекарь, — провозгласил Могдар своим громким голосом, — За его услуги мы заплатим.

Казалось, его слова немного подействовали на деревенских и толпа слегка расслабилась. Староста внимательно осмотрел незнакомцев и сложил руки за спиной.

— Нет у нас лекарей, — наконец произнес он.

— Нет? — искренне удивился Могдар, — Еще месяц назад он у вас был. Мы торговали с вашей деревней, если помните. Правда, тогда не я приходил, а Ханэра.

— А-а, вы с караваном Ханэры, — протянул староста.

Знакомое имя возымело эффект и жители вернулись к своим делам, как ни в чем не бывало. Могдар не стал поправлять старосту, что именно он является лидером каравана. Кион предположил, что торговать сюда приходит именно бойкая девчушка — грозный вид Могдара попросту распугает покупателей, а Райнир едва ли мог пары слов нормально связать на здешнем языке.

— Наш лекарь слег с лихорадкой неделю назад, — пояснил староста, — Только вчера отправили его душу в загробный мир. Он не успел никого из наших обучить своим премудростям, так что мы сами остались без его чудодейственных трав.

— Он ведь был так молод, — прошептал пораженный Могдар.

Кион прикусил губу. По плану караванщиков бард должен был остаться в деревне на

попечение лекаря, а сами они продолжили бы свой путь уже без него. Но без местного целителя Киону не имело смысла оставаться в деревне. Но что ему теперь делать? Спросить дорогу до города и идти туда, как изначально и планировал бард или напроситься в попутчики каравану?

— Сожалею о вашей потере, — через минуту раздумий произнес Могдар, развернулся и пошел обратно к месту, где они оставили повозку перед деревней.

Кион, поколебавшись секунду, последовал за ним. Бард был уверен, что у повозки южане попрощаются с ним и продолжат свой путь. Впрочем, он не мог их остановить от этого решения и уже в уме прикидывал, как бы ему добраться до ближайшего города, который может оказаться довольно далеко. А ведь Киону нужно еще где-то набрать припасов в дорогу. Может, снова выкрасть еду на поле? Или под покровом ночи пошарить в домах?

За размышлениями они с Могдаром вернулись к повозке. Райнир и Ханэра времени даром не теряли и уже успели напоить лошадей, а сами сейчас сидели на пороге своего передвижного дома. Точнее, на пороге сидела только Ханэра и чистила яблоко, Райнир стоял рядом с ней, прислонившись плечом к повозке. Они о чем-то говорили на своем языке, но когда Могдар и Кион приблизились к ним, оба удивленно посмотрели на барда, а Ханэра потом и вовсе нахмурилась.

— Что он делает рядом с тобой? — недовольно спросила девушка у Могдара. Она уставилась на Киона немигающим взглядом и даже перестала чистить яблоко.

— В деревне больше нет лекаря, он сгинул, — пояснил Могдар.

Ханэра опустила глаза и что-то пораженно прошептала под нос. Видимо, она тоже удивилась тому, что молодой целитель скончался от болезни. Райнир оторвался от стены и посмотрел на предводителя, а затем перевел взгляд на барда.

— Но если нет лекарь, тогда что? — спросил он, — Кто лечить его раны?

— Пф, бывало и хуже, — намеренно безразлично фыркнул Кион. Его тело с ним не согласилось и в который раз заныло от синяков и ссадин, но теперь это не так сильно беспокоило Киона.

— Отлично, тогда ты можешь идти куда захочешь, — издевательски произнесла девушка и язвительно улыбнулась.

— Ханэра, — строго произнес Могдар и девушка, насупившись, вернулась к своему яблоку, а мужчина повернулся к Киону, — Если хочешь, можешь остаться с нами, пока раны полностью не заживут. Никто не будет против твоей компании.

— Кроме один человек, — улыбнулся Райнир и глазами указал на Ханэру. Девушка это заметила и в свою очередь послала ему просто убийственный взгляд, но Райнир только добродушно рассмеялся.

Кион задумался. Предложение Могдара звучало заманчиво. По крайней мере, всяко лучше путешествовать с ними, чем в одиночку бродить по полям и лесам на грани голодного обморока. Но бард все ждал, когда же южане потребуют с него плату за то, что те подобрали его на обочине и перевязали его раны. Кион не верил, что они могли это сделать только по доброте душевной. Впрочем, у него все равно не было денег — последние свои монеты Кион потерял у тайника Нико.

— Тебе все равно некуда деваться, — заметил его замешательство Могдар и ободряюще похлопал по плечу, — Сможешь покинуть нас в любой момент, как надумаешь уйти.

— Тогда почему бы и нет, — пожал плечами Кион и Могдар улыбнулся.

Мужчина запрыгнул на место возницы и Ханэра привычно заняла скамейку рядом с ним, на ходу откусывая кусок от очищенного яблока. Райнир забрался внутрь фургона и Кион последовал за ним, закрывая за собой дверцу на засов.

— Трогаем! — раздался с улицы громкий голос Могдара и повозку качнуло.

Кион до сих пор пребывал в смешанных чувствах. С одной стороны, караванщики не сделали ему ничего такого, в чем можно было их подозревать и сомневаться в чистоте их помыслов. Но с другой — Кион не привык, чтобы люди относились к нему без всякого умысла, обязательно кому-то было что-то от него нужно. Его тело или его деньги. Мозги и воспоминания. Каждый искал в барде свою выгоду и сейчас Кион терялся в догадках, какую же выгоду преследуют южане. Он никак не мог в полной мере осознать то, что караванщики попросту помогают попавшему в беду человеку. И делают это бескорыстно.

Фургон двигался ровно по покрытой ямами дороге и бард в сотый раз удивился, как это ему удается и что за невиданные технологии применили южане. Райнир дремал в углу на подушках, спиной он оперся на кучу одеял. Выглядело все это так уютно, что Кион ему даже позавидовал, хотя сам сидел на таких же подушках. Несколько раз окошко приоткрывалось и внутрь заглядывала Ханэра, но тут же закрывала створку обратно. Интересно, чем ее так бесит Кион? Бард принялся в уме сочинять стихи, чтобы потом прочесть их девушке и растопить ее сердце, но недавний разговор с Райниром внезапно всплыл в памяти и Кион поймал себя на мысли, что он стал использовать в рифме улиток, хлеб и мороз, бегущий по коже. Вряд ли Ханэра придет в восторг от такого произведения, хотя Киону оно теперь показалось смешным, после того разговора с Райниром о разнице в их языках.

Они остановились только под вечер. Могдар и Ханэра принялись разводить костер и вытаскивать лежанки с фургона, расстилая их вокруг огня. Райнир с Кионом позаботились о лошадях, хотя в основном все делал южанин. Они вскоре присоединились к остальным, где над костром что-то аппетитно булькало в котелке. Еще немного и их ужин будет готов.

— Я не понимаю, — подал голос Кион и почесал подбородок, — Зачем устраиваться на ночь практически на голой земле, если у вас есть фургон.

Ханэра бросила на него странный взгляд, но ничего не ответила.

— В фургоне мы все не поместимся, — вместо нее пояснил Могдар, — К тому же, пока стоит лето, ночевка на земле не представляет никаких неудобств.

Кион мог бы с ним поспорить. За эти несколько дней, что он скитался, когда покинул город, ему так осточертело спать на земле, что барда так и манили к себе мягкие подушки внутри повозки. Но Могдар был прав — вчетвером они в фургоне и правда не поместятся. Даже втроем не смогли бы, но теперь с ними Кион и кому-то из них в любом случае пришлось бы спать на улице.

— Нам не особо было нужно твое имя, ведь мы думали, что оставим тебя в той деревне, — неожиданно произнес Могдар, — Но теперь, когда ты путешествуешь с нами, было бы неплохо обращаться к тебе по имени, а не «Эй, ты».

— Можно и «Эй ты», — ответил Кион. На губах его заиграла легкая улыбка, показывая, что это всего лишь шутка, но Ханэра не спустила этого просто так.

— Тогда мы будем звать тебя Лахма, — девушка язвительно усмехнулась и бард понял, что его новое прозвище не означает ничего хорошего.

— Ханэра, — строго взглянул на нее Райнир, но девушка только презрительно хмыкнула и отвернулась.

Могдар снял с огня котелок и южане принялись передавать друг другу тарелки и ложки,

как в прошлый раз. Про Киона они тоже не забыли и бард сейчас сидел довольный у горячего костра с миской вкусного супа в руках. Пожалуй, несколько ночей под открытым небом он еще потерпит. Зато не останется голодным.

— Так как нам к тебе обращаться? — снова спросил Могдар и отправил ложку с супом в рот.

— Кион, — неожиданно для себя бард представился своим настоящим именем. Он едва не выругался из-за этой оплошности, но поспешил забить рот супом. Обычно бард представлялся вымышленным именем или не представлялся вообще никак, как тогда, когда снимал комнату у Марты. Эльвира едва ли единственная, кто знала его настоящее имя. Эту привычку бард развил в себе давно, когда еще даже не ухлестывал за богатенькими аристократками.

— И что сподвигло тебя, Кион, выйти на дорогу без припасов? — продолжил интересоваться Могдар. Райнир и Ханэра никак не участвовали в разговоре, но явно внимательно слушали его, — Когда мы тебя нашли на обочине, вид у тебя был жалкий. Ни еды, ни воды, ни сумок. Только порванный плащ и раны по всему телу.

— На тебя напасть? — спросил Райнир.

Кион хотел было замахать руками и сказать, что не надо на него нападать, он сам все расскажет, но бард вовремя вспомнил, что высокий молодой южанин говорил с акцентом и сейчас он спрашивал, не напал ли кто тогда на Киона. Рыжий бард задумался. Он не соврет, если скажет, что на него и правда напали, но стоило ли южанам рассказывать о людоедке? Райнир в прошлый раз решил, что это миф и даже рассказал похожую историю своего народа.

— Да, на меня напали, — наконец произнес Кион, доедая свой ужин, — Какие-то разбойники. Тогда темно было, так что я не очень хорошо все помню.

Ханэра снова презрительно фыркнула, не отвлекаясь от еды. Райнир задумчиво жевал хлеб, а Могдар уставился в костер. Затем лидер каравана посмотрел на Киона.

— Они и на нас пытались напасть, — неожиданно сказал он, — Как раз перед тем, как мы тебя нашли.

У Киона отвисла челюсть. Разбойников он придумал, чтобы не упоминать ведьму и всю историю с ее сделкой, но оказывается, в округе и правда промышляла банда охотников до чужого добра. Киону несказанно повезло не наткнуться на них, иначе сейчас он бы наверняка валялся бы в какой-нибудь канаве и кормил червей или воронов.

— Мы от них отбились, но боюсь, они не последние, кто захочет напасть на наш караван, — добавил Могдар. Он сидел с пустой тарелкой в руках и поглядывал в огонь.

— Почему это? — спросил Кион.

— Эти придурки думают, что мы возим запрещенные товары, — в который раз фыркнула Ханэра.

Кион удивленно уставился на нее, но дальше свою мысль девушка не стала пояснять. Они что, контрабандисты? Учитывая нрав здешнего короля, он вполне мог запретить множество товаров, даже самых безобидных. Например, какие-нибудь шелка. И получать эту ткань только с одного источника — от другого соседнего королевства. Тогда южанам ничего не останется, кроме незаконного ввоза или вовсе отказаться от подобных товаров.

— Лунный лотос, — прервал затянувшееся молчание Райнир.

Другие караванщики практически никак не отреагировали на его слова, только нахмурились. Кион уже слышал подобное название в столице. Это редкий цветок, который,

по слухам, растет где-то на болотах. Цветет он только в полнолуние и если собрать его лепестки в этот момент, то потом из них можно приготовить мощную настойку, которая сразит получше бочонка алкоголя, выпитого за раз, но при этом не оставит после себя похмелья. Наоборот, тот, кто выпьет настойку из лунного лотоса, на следующий день будет чувствовать себя довольно энергичным. Да и под действием лотоса тоже — лепестки давали сильное наркотическое опьянение, но при этом не вызывали никаких побочных эффектов.

Лунный лотос был довольно редким растением и в столице аристократы готовы были платить за его лепестки целые состояния, хотя лучше было не придавать этому огласку. Настойку из лотоса запрещалось принимать в открытую, хотя раньше ее использовали только в лечебных целях — лекари прописывали умеренное количество настойки в качестве лечения депрессии у знатных господ. Но после того, как обнаружили любопытные эффекты этого цветка, да еще не дающие при этом на следующее утро похмелья, король запретил в открытую употреблять настойку, объясняя это тем, что ему не нужен город, полный пьяных и одурманенных людей. Про употребление за закрытыми дверями Элияр Аделла ничего не говорил. Поэтому аристократы принялись втихую выкупать настойку сначала у столичных лекарей, а затем, когда запасы их быстро опустели, начали нанимать людей на поиски лотоса.

Одна из знатных леди, за которой однажды ухаживал Кион, пока жил в столице, даже как-то предложила ему попробовать эту настойку, но тогда бард отказался по каким-то причинам, которых уже сам не помнил. Но потом, глядя на то, как весело хохотала та дама по любому поводу и без после того, как выпила небольшой пузырек настойки из лотоса, Кион успел не один раз пожалеть, что не принял ее предложения.

Кион передал свою пустую миску Райниру и тот, собрав остальные, отдалился к реке, у которой караван устроил сегодня привал. Пока высокий южанин занимался мытьем посуды, Ханэра достала из мешка яблоко и принялась его чистить, а Могдар продолжил смотреть в огонь, сцепив руки в замок. Бард поерзал на месте, но потом все же не выдержал и решил задать своим спутникам мучивший его вопрос.

— Так вы добываете лунный лотос?

Могдар и Ханэра одновременно посмотрели на Киона с явным удивлением.

— Откуда тебе это в голову пришло, Лахма? — спросила девушка и вернулась к чистке яблока.

— Зачем тогда разбойникам нападать на вас? — парировал Кион.

— Они думают, что мы контрабандисты, — ответил Могдар своим грозным голосом.

— А вы нет? — ляпнул рыжий бард быстрее, чем успел подумать.

Ханэра снова перестала чистить яблоко и сверкнула на Киона своими большими карими глазами. Могдар тоже посмотрел на барда из-под бровей, задумавшись о чем-то. Затем он встал, медленно подошел к Киону и махнул рукой вверх, призывая его подняться.

— Пойдем, — грозно произнес лидер каравана.

Кион глянул на Ханэру в надежде на то, что она пояснит, что это значит, но девушка только довольно хмыкнула и продолжила чистить яблоко как ни в чем не бывало. Могдар махнул рукой второй раз, поторапливая своего собеседника, поэтому Киону ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Рыжий бард встал с земли и пошел следом за мужчиной, который вел его к фургону.

Добравшись до него, Могдар влез внутрь и велел Киону делать то же самое. Бард беспрекословно подчинился, на ходу незаметно проверяя свой меч в ножнах. Жаль, у него

нет кинжала — выхватить его было бы гораздо проще в этой тесной повозке, нежели чем меч. Тем временем Могдар вытащил из угла с одеялами сундук, открыл его и повернул Киону.

— Сам посмотри, какую контрабанду мы везем, — произнес мужчина.

Кион осторожно заглянул в сундук, но все, что он там увидел, продавать в королевстве не запрещалось. В основном южане торговали безделушками — маленькими красиво украшенными зеркалами, гребнями для волос и даже легкими веерами. Но в сундуке так же обнаружили еще несколько шкур маленьких животных, похожих на лисичек и обитающих только в южном королевстве, откуда прибыли Могдар с остальными. Была еще странного вида еда, завернутая в пергаментную бумагу. Как пояснил лидер каравана, это было лакомство его народа и оно не быстро портилось, так что оно было идеальным товаром для продажи в соседних королевствах. Никаких запрещенных шелков или растений в сундуке не было.

Кион разочарованно отодвинулся от сундука, а Могдар, закрыв крышку, поставил его обратно в угол и повернулся к барду.

— Убедился? — спросил мужчина, — Мы не нарушаем законы.

Кион кивнул и они вдвоем покинули фургон, присоединившись к остальным у костра. Райнир уже успел вернуться с реки и сейчас с удовольствием грыз очищенное яблоко, которое протянула ему Ханэра. Сама девушка принялась очищать второе, ловко отделяя шкуру ножом.

Кион опустил на свою лежанку и угрюмо посмотрел в огонь. Значит, караванщики не добывали лунный лотос. Отчего-то эта мысль так расстроила барда, что хорошее настроение, доселе бурлившее в нем, моментально его покинуло. А он так надеялся попробовать эту настойку и узнать, почему та знатная леди так задорно хохотала после того, как выпила ее.

Кион задумчиво обвел взглядом южан, которые сидели полукругом вокруг костра напротив барда. Они весело что-то обсуждали между собой на языке Киона, но он их не слушал, полностью погрузившись в свои мысли. Возможно, они все же добывали лунный лотос на болотах, но по явным причинам не стали говорить об этом рыжему барду. Они его впервые видят, как они могут доверить ему такую тайну? Кион потер ладони над костром, но сделал он это не от того, что замерз. Он захотел пошарить по всему фургону в поисках спрятанного сундучка или шкатулки, которые, как был убежден бард, наверняка хранили в себе лепестки лотоса.

Кион почесал за ухом и глянул в звездное небо. Судя по простому виду южан, вряд ли они торгуют лотосом. Иначе они за один только лепесток выручили бы огромные деньги. Кион проследил взглядом за падающей звездой. А что, если южане специально не одеваются вычурно, чтобы не наводить на себя лишних разбойников, которые по их богатым одеждам решили бы, что их добро в повозке чего-то стоит? В таком случае, Могдар и остальные действовали довольно умно — на дороге лучше всегда быть начеку и не привлекать к себе лишнего внимания.

Кион почесал кончик носа и отбросил все мысли о лотосе. Ему все еще было безумно интересно прочувствовать его эффект, но делать это в дороге явно не стоило. Бард растянулся на своей лежанке у костра и, не слушая веселую болтовню своих спутников, провалился в сон.

На следующее утро они двинулись в путь едва ли не на рассвете. Киону было тяжело отлепить веки в такой час и южанам буквально пришлось его расталкивать, чтобы бард наконец-то проснулся. Могдар и Ханэра, как обычно, управляли лошадьми, а Райнир и Кион устроились внутри повозки. После сытного завтрака рыжий бард вновь почувствовал сонливость, да и покачивание фургона в дороге не добавляли ему бодрости. Кион зевнул, приложив ладонь ко рту, а потом потер глаза. Райнир предложил ему поспать, все равно в повозке делать было нечего.

— Мы дойти до деревни на два дня, — добавил высокий южанин.

— Ты хотел сказать «за два дня», — снова зевнул Кион.

Райнир задумался, а потом кивнул.

— Мы дойти до деревни за два дня, — уверенно произнес он и бард едва не расхохотался.

Кион поправил только последнюю часть фразы Райнира, но южанин решил, что первая, раз осталась без внимания, так и должна произноситься. Кион хитро посмотрел на простодушного Райнира. Может, стоит научить его похабным выражениям? И подать их так, будто они приветствие в здешних местах? Наверняка Могдар и Ханэра в курсе о правильных приветствиях, но Райнир сейчас представлял собой белый лист, на котором барду захотелось запечатлеть не самые лучшие фразы для знакомства. Кион решил, что маленькая шалость никому не повредит и повернулся к южанину.

— Хочешь, я научу тебя одному местному приветствию? — спросил он, изо всех сил стараясь не рассмеяться своей будущей выходке, когда Райнир использует эту фразу, чтобы поздороваться с жителями деревни, в которую они сейчас ехали на фургоне.

— Местный народ говорить по-другому? — искренне удивился высокий южанин и Кион прям пришел в бурный восторг от его наивности и простодушия. Райнир, как маленький ребенок, готов был поверить чему угодно.

— В этой деревне сохранился старый диалект и если ты поприветствуешь их одним из устаревших слов, им это явно понравится, — соврал бард, нацепив на лицо совершенно серьезное выражение.

Райнир охотно закивал и Кион довольно потер ладони. Он принялся обучать южанина своей фразе и все это время старался сохранять на лице спокойное выражение, которое постоянно грозило перерасти в громкий смех от того, как старательно Райнир выговаривал каждое слово. За все утро Ханэра так и не заглянула в фургон через окошечко. Скорее всего, она решила, что ее попутчики сейчас спят в повозке, настолько тихо они себя вели.

Кион спрятал предательскую улыбку за ладонью, делая вид, что зевает. Райнир неплохо выговаривал его фразу и барда даже взяла гордость за своего ученика. Еще немного и он даже сможет ее произнести практически без акцента. Кион дожидаться не мог, когда они въедут в деревню и бард насладится зрелищем, семена которого он сейчас поместил во фразу Райнира.

— Только не говори пока Могдару и Ханэре о том, что я обучаю тебя местному приветствию, — попросил Кион, — Вот они удивятся, когда узнают, что ты выучил новую фразу.

Райнир охотно кивнул и довольно заулыбался, представляя себе тот момент. Кион, глядя на него, заулыбался в ответ, но уже по другой причине — он нарисовал в своем воображении реакцию деревенских на фразу Райнира и тихонько захихикал. Рыжий бард дожидаться не мог

этого момента.

Фургон продолжал монотонно двигаться вперед и Кион, широко зевнув, поудобнее расположился на подушках. Он оперся спиной на сложенную в углу стопку мягких одеял и задремал. Райнир под нос бубнил новое приветствие, стараясь идеально выговорить каждую букву и каждый звук.

Через некоторое время кто-то потряс Киона за плечо и когда бард открыл сонные глаза, перед собой он увидел высокого южанина.

— Мы решить отдохнуть недолго и сварить суп, — произнес Райнир, как только убедился, что Кион проснулся, — Выходи из дом, поможешь.

Южанин первым покинул фургон, оставив барда широко зевать и потягиваться на подушках, но затем Кион присоединился к нему. Как только он оказался на улице, Кион заметил, что вечно ясное небо сегодня заволкло облаками. Могдар с Ханэрой принялись разводить костер. Они уже успели собрать веток для растопки. Райнир направился к лошадям, а Кион, не совсем понимая, что ему делать, решил последовать зову природу и удалился в сторону густо растущих кустов.

Когда бард вернулся обратно, Могдар уже развел костер и сейчас Ханэра вешала над огнем котелок с водой. Рядом с ней лежал мешок и девушка, пошарив в нем рукой, вытащила оттуда картофелину и бросила ее в Киона.

— Не стой просто так, Лахма, почисть картошку, — произнесла она и снова полезла в мешок.

— И чем, по-твоему, мне ее чистить? — недовольно отозвался Кион и тут же у его ног в землю воткнулся нож. Бард ошарашенно поднял голову и увидел милую улыбку Ханэры, однако в глазах девушки горели нахальные огоньки.

— Этим чисти, — указала она на нож, затем поднялась с места и направилась к Райниру, который поил лошадей.

Кион присел рядом с Могдаром и принялся угрюмо выполнять поручение Ханэры. Лидер каравана ободряюще похлопал его по спине, а затем присоединился к его занятию, отыскав в мешке второй нож. Несколько минут они сидели молча, но потом Кион не выдержал и задал Могдару интересующий его вопрос.

— Почему Ханэра так себя ведет по отношению ко мне? Я ее чем-то обидел?

— Если бы ты ее обидел, то проснулся бы с отрезанным ухом, пальцем или чем похуже, — усмехнулся Могдар, не отрываясь от ножа с картошкой, — Просто Ханэра не любит чужаков. Торговлю с людьми она еще терпит, но вот компания попутчика из здешнего королевства ей явно дается с трудом.

— Зачем тогда меня взяли к себе?

— Что нам надо было делать? Выкидывать тебя обратно на обочину?

Кион ничего не ответил, очищая последнюю картофелину в суп. Он разрезал ее пополам и бросил в воду, которая успела закипеть. Могдар сделал то же самое, потом достал из мешка морковь, быстро с ней разделался и крупными кусочками нарезал ее прямо в котелок. Кион почесал подбородок. У него остался еще один вопрос, который мучил его со вчерашнего дня, но бард не уверен был, что хотел это знать. В итоге любопытство все же пересилило и он решился задать его Могдару.

— А что значит «Лахма»?

Могдар повернулся к Киону и неожиданно громко рассмеялся. За его спиной фыркнули лошади, но лидер каравана не придал этому значения. Он смеялся несколько долгих секунд,

потом вытер выступившие слезы из глаз и одобрительно потрепал Киона по плечу.

— Ничего хорошего оно не значит, — весело подмигнул мужчина барду и продолжил возиться с супом.

Кион недовольно поджал губы, как надувшийся ребенок, которому отказали покупать в лавке торговца новую игрушку. Могдар только сильнее рассмеялся, но больше ничего пояснять не стал. Его грозный голос разнес смех по всей округе и Райнир с Ханэрой, все это время находившиеся у лошадей, с любопытством обернулись на Могдара и Киона. Бард так и сидел с одним ножом в руках, не зная, чем ему заняться дальше.

— Принеси немного хвороста, — попросил Могдар и пошевелил веткой костер, — Сдается мне, нам он еще пригодится.

Кион кивнул, оставил нож на мешке и направился к деревьям собирать сухих веток. Он поймал себя на мысли, что компания южан ему очень даже по душе. Ну разве что Ханэра внушала страх. Но не такой, как Сэра или Нико, так что Кион попросту не обращал на это внимания. А вот шутить над Райниром было то еще удовольствие. Молодой южанин был настолько наивен, что не использовать его простодушие в идиотских розыгрышах было бы попросту преступлением.

Кион собрал немного хвороста, вспоминая, как Райнир недавно прилежно заучивал новую фразу. Бард остановился и позволил себе вдоволь насмеяться со своей выходки, понимая, что потом снова придется держать каменное лицо перед молодым южанином. Но оно того точно стоило, Кион даже не сомневался. Послезавтра они достигнут деревню, о которой говорили караванщики и тогда маленькая шалость Киона заговорит устами Райнира.

Рыжий бард набрал еще немного хвороста и довольный собой вернулся к остальным. Южане уже сидели возле костра и разливали друг другу горячий суп по тарелкам. Кион сложил сухие ветки у огня и присел рядом с остальными. Могдар добавил несколько веток в костер и расшевелил его короткой палкой, которую он нашел где-то поблизости. Они принялись за обед, попутно обсуждая различные темы. Райнир сидел с довольной улыбкой и несколько раз стрелял взглядом в Киона и тот понял, что южанину не терпится показать своим товарищам новую выученную фразу. Кион воодушевленно ему кивнул, но сам при этом едва сдерживал смех. Бард уже был доволен своей выходкой и если Райнир забудет об этой фразе, когда они достигнут деревню, Кион не станет переживать. Если забудет сейчас, то вспомнит потом, когда рыжего наглеца с ними уже не будет. Впрочем, судя по нетерпеливой улыбке Райнира, Кион сомневался, что тот забудет поздороваться с жителями так, как учил его бард.

Они доели свой обед, Ханэра отправилась к мелкому ручейку помыть посуду, а остальные стали готовиться к предстоящей дороге. Могдар сказал, что ехать они будут весь остаток дня без остановки, а ночлег устроят только под вечер. Вернулась Ханэра и когда все были готовы, повозка снова тронулась в путь за двумя красивыми и крепкими лошадками, которыми управлял Могдар в компании Ханэры. Райнир и Кион, как обычно, разместились на подушках в фургоне. Молодой южанин принялся раз за разом проговаривать приветствие и Кион снова ощутил прилив гордости за своего ученика. Нет, все же бард был отличным учителем — Райнир вон, фразу заучил уже так, что практически проговаривал ее без акцента.

Кион гордо потер пальцем под носом, глядя на то, как старается Райнир. Знал бы южанин, что в этой фразе затесалось не совсем нужное слово, вряд ли бы так усердно ее заучивал. Но Райнир этого не знал и раз за разом продолжал ее проговаривать, выжигая в

своей памяти все буквы до последней.

ГЛАВА 10

Через день к полудню впереди между деревьями показались деревянные дома. До деревни было не очень далеко, но караван не мог въехать в нее сразу же. Пришлось сделать небольшой крюк из-за реки и поискать мост или переправу, по которым могла бы проехать повозка. Если бы не это, Могдар с остальными прибыли бы в деревню гораздо раньше.

Лошадки бойко отстукивали копытами по пыльной дороге, а фургон скрипел колесами, следуя за ними. Ясная погода сегодня вернулась обратно и солнце ярко освещало все вокруг.

Местность постепенно менялась за время пути и вместо широких зеленых полей каравану начали чаще попадаться деревья и реки. Могдар сообщил Киону, что дальше они въедут в болотистую местность и нужно будет строго следовать по дороге, чтобы колесо повозки не увязло где-нибудь в жиже. Кион вспомнил слова Марты о ближайшем городе, но про болота женщина ничего не говорила. Видимо, караван двигался совсем в другую сторону.

— Те места облюбовали разбойники, — добавил Могдар, управляя лошадьми, — Нам нужно быть начеку, когда будем проезжать мимо болот.

Сегодня вместо Ханэры рядом с мужчиной сидел Кион, а девушка отправилась в фургон к Райниру. Бард осматривал местность вокруг и все никак не мог поверить, что здешние пышные деревья и красивая река через пару дней сменятся болотом.

— Раз там кишат бандиты, не проще ли поискать другой путь? — спросил Кион.

— А нет другого пути, — отозвался Могдар, — Раньше был над высоким обрывом каменный мост. Но его уже года два как починить не могут.

Мужчина грозно выругался сквозь зубы, проклиная местного правителя, которому не было дела до забот граждан, пока ему самому не припрет проехать по мосту. Кион почесал в затылке. Ему было до жути любопытно узнать, что случилось с каменным мостом, но Могдар просто пожал плечами, когда бард задал ему этот вопрос.

— Однажды мы в который раз просто проезжали той дорогой, но мост уже был разрушен, — добавил Могдар, — Пришлось искать другой путь, а из-за болот в той стороне дорога была только одна.

С его слов, разбойники быстро смекнули, что торговцы или простые путешественники начнут пользоваться той дорогой, поэтому теперь проходить через болота стало еще опаснее. Многие торговцы, которых встречал караван Могдара на своем пути, жаловались, что в тех местах их обчистили до последнего товара и монеты. Некоторые путешествующие торговцы начали платить наемникам за защиту, но Могдар не нанимал воинов для своего каравана.

— Отчего же так? — спросил Кион.

— Мы сами умеем оружием махать, — усмехнулся мужчина, — Думаешь, я меч только для красоты ношу?

Кион промолчал. Могдар носил на поясе ножны с мечом, у Ханэры было два длинных кинжала, а у Райнира только какие-то короткие стрелы, прикрепленные к бедру. Может, это дротики? Хотя на дротики не похоже, это явно были стрелы, но для лука их использовать точно не предназначалось.

Могдар, заметив замешательство Киона, пояснил, что Райнир пользуется дальнобойным оружием — арбалетом. Рыжий бард снова почесал в затылке. Он слышал это название, но никогда не видел такого оружия. В столице стражники пользовались луками в качестве

дальнобойного оружия из-за того, что арбалеты не были популярны в королевстве и ввоз такого оружия из соседних стран начался только недавно.

— Если тебе так интересно, попроси Райнира показать тебе арбалет на следующем привале, — произнес Могдар, глядя на дорогу перед собой, — Он тебя и стрельбе обучит, если захочешь.

Кион мгновенно загорелся этой идеей. Вряд ли бард когда-нибудь обзаведется собственным арбалетом, но уметь из него стрелять не помешает. Кто знает, может эти умения пригодятся в жизни.

Лошадки не спеша тянули за собой фургон, иногда они пофыркивали в пути, но вели себя довольно послушно. Киону в особенности нравились их длинные гривы и на прошлом привале ему даже доверили их причесать. Тогда у барда в голове родилась не одна рифма про красоту этих лошадей, принадлежавших южанам. Интересно, на юге у них все кони такие? В королевстве Киона лошади были более изящные, а у караванщиков они выглядели прям мощно по сравнению со здешними лошадками.

Дорога была спокойная и ровная, солнце ярко освещало округу, а птицы громко пели в кронах деревьев. Фургон не спеша ехал по траве, огибая реку. Могдар указал рукой куда-то вперед и пояснил, что вон там они смогут перебраться на другой берег.

Когда повозка достигла того места, куда недавно указывал мужчина, Кион заметил, что не они одни пользуются этим путем. На переправе были еще люди с повозками, только они двигались навстречу караванщикам. Могдар остановил лошадей и терпеливо дождался, когда группа людей перейдет по реке. Когда они поравнялись с его фургоном, мужчина приветственно поднял одну руку.

— Никак торговля бойко идет? — дружелюбно спросил Могдар.

— Если можно так выразиться, — кивнул ему один из торговцев, проходящих мимо, — Эти крестьяне, как всегда, выкупают только самое необходимое.

Торговцы продолжили свой путь, а Могдар, щелкнув вожжами, повел фургон и лошадок через мелководье. Они довольно просто преодолели эту преграду и уже совсем скоро вернулись на дорогу. Деревня вновь появилась впереди, на этот раз гораздо ближе. Кион даже сумел разглядеть занятых своими делами жителей, снующих туда-сюда.

— С ними торговать всегда было непросто, — произнес Могдар, — Те торговцы правы — эта деревня покупает только самое необходимое. Так что зачастую мы с ними не торгуем, а производим обмен.

— Обмен? — переспросил Кион и удивленно повернулся к своему собеседнику.

— Пополняем у них запасы еды, а взамен отдаем что-то из своих товаров.

— Но вы же теряете в деньгах.

— Если бы не обмен, мы бы потеряли в еде, — усмехнулся Могдар, — К тому же, так обменивается мы только с одной деревней, остальные охотно с нами торгуют.

Фургон качнулся на кочке, но дальше дорога была ровной. С каждой минутой они все ближе подбирались к деревне. Кион заметил, что никто из местных жителей не сидел просто так, абсолютно все были заняты делами. Кто-то проходил граблями в своем огороде, кто-то нес ведра с водой из колодца, другие плели корзины, а третьи подметали крыльцо своего дома. Еще Кион заметил несколько мужчин на крыше одного из домов. Кажется, они чинили ее, громко переговариваясь между собой. Стайка детей пролетела ураганом по улицам и Могдар, глядя на них, коротко рассмеялся.

Фургон медленно катился вдоль домов и крестьяне, на секунду оторвавшись от своих

дел, посмотрели на новоприбывших караванщиков. Дети весело завизжали, увидев Могдара и Кион сообразил, что южанин наверняка всякий раз делился с ними сладостями своего народа, которые сейчас лежали в сундуке внутри фургона.

Могдар остановил повозку и спрыгнул на землю, постучав по стене фургона. Дверца моментально распахнулась и на улицу выскочили Райнир и Ханэра. Кион тоже не стал прохлаждаться и спрыгнул на землю, продолжая осматривать подошедших крестьян. Руки у них загрубели, лица обветрились из-за постоянного труда на улице, а одежда многих из них уже давно изнасилась. Да уж, им бы не помешали новые ткани и косметика из столицы. А еще гребни, чтобы причесать торчащие в разные стороны волосы.

Из толпы деревенских вынырнул маленького роста дядечка и, широко улыбаясь, направился к Могдару. Он раскинул свои руки словно бы собрался заключить южанина в крепкие объятия и Могдар в таком же жесте сделал шаг к нему навстречу, но неожиданно Райнир своим громким приветствием остановил их обоих.

— Мир вам, дармоеды! Делитесь своими благами!

Кион хрюкнул от смеха и отвернулся, услышав приветствие молодого южанина, которому сам же его и обучил, а среди толпы повисло неловкое молчание. Жители этой деревни, судя по их виду, очень усердно трудятся в своих огородах и на поле, чинят дома и носят тяжелые ведра с водой целыми днями. Назвать их дармоедами все равно, что назвать пчелу лентяйкой. Но Райнир стоял с такой широкой и искренней улыбкой, что никто не знал, как им реагировать на его слова. Кион намеренно неправильно перевел значение слова «дармоеды» для молодого южанина еще тогда, когда они впервые заговорили о приветствии и наивный Райнир все это время думал, что он сказал нечто приятное и хорошее жителям этой деревни.

— Где ты этого набрался? — прервал затянувшееся молчание Могдар.

— Кион научить, — продолжал улыбаться Райнир, — Он говорил, это здешний приветствие.

Кион замер и посмотрел на молодого южанина так, будто он только что совершил самое страшное предательство. Жители все как один уперлись глазами в рыжего барда, Райнир продолжал гордо улыбаться, совершенно не ощущая нависшей неловкой атмосферы вокруг. Могдар тоже посмотрел на Киона, но на лице мужчины не было ни намека на гнев — он, скорее, смотрел на барда с легким удивлением.

— Значит, Лахма научил, — раздался громкий голос Ханэры и Кион сообразил, что ничего хорошего от нее ему ждать не стоит, — А ну, иди сюда, Лахма. У меня для тебя завалились хорошие подзатыльники и тумачи.

Девушка шагнула было к барду, но Могдар вскинул руку, одним этим движением остановив ее. Он посмотрел на Киона, затем сам сделал к нему шаг и повернулся к низкому дядечке, с которым они так и не успели обняться при встрече.

— Простите его, он дурачок, — улыбнулся Могдар, — Мы подобрали его на дороге, жалко его было.

Жители снова посмотрели на Киона, но уже как-то снисходительно и сочувствующе, у барда от их взглядов даже кожу закололо.

— Что еще... — начал было Кион, но Могдар ловко схватил его за кончик уха и потянул вверх. Кион вскрикнул, но скорее от неожиданности, чем от боли, — Ай!

— Больше никаких подобных выходов, Кион, — отчитывал мужчину барда, будто ребенка, — Особенно с Райниром. Он не всегда понимает, как нужно вести себя с вашим

народом.

— Ладно-ладно, я понял! — взмолился Кион и Могдар довольно усмехнулся, а через секунду отпустил его ухо. Рыжий бард потер его и на всякий случай отошел от южанина на несколько шагов.

Ханэра недовольно хмыкнула, но ничего не сказала. Девушка наверняка считала, что Кион легко отделался. Жители же не проявили никакого интереса к наказанию барда, только иногда кидали на него снисходительные взгляды, искренне считая его дурачком. Кион поначалу дулся, но вспомнив, с какими лицами все стояли после внезапного приветствия Райнира, снова затрясся в беззвучном хохоте. Хоть его и оттащали за уши за эту выходку, но Кион все равно повеселился. Интересно, что бы сделал с ним Могдар, если бы Кион обучил Райнира похабному приветствию, как планировал изначально?

Сам Райнир, не совсем понимая, что произошло, поинтересовался у Ханэры, в чем дело и почему Могдар потянул Киона за уши. Девушка красочно ему все объяснила на их языке и высокий южанин широко раскрыл глаза, а потом перевел взгляд на Киона, который не растерялся и просто с невинным видом пожал плечами.

Пока они с Райниром обменивались взглядами, Могдар тем временем все же обнялся с низким дядечкой, который оказался его давним приятелем. Толпа людей обступила караван и они принялись обсуждать условия обмена. Киону это все показалось довольно скучным. Рыжий бард под шум голосов отошел в сторону, осматривая деревню. Жители явно жили не богато, но своим усердным трудом добывали себе все самое необходимое — пищу и воду. И хотя жили они в хлипких на вид домах, они постоянно пытались как-то улучшить или починить свои жилища. Бард даже не сомневался, что внутри наверняка у всех домов стояла скудная мебель. Кион заглянул в окно одного жилища и его предположения подтвердились. Внутри дома обнаружилась покошенная деревянная кровать, два старых стула и небольшой стол, заваленный чугунной сковородкой, кастрюлей и несколькими тарелками с кружками. Чуть дальше имелась даже печь, но больше ничего в доме не было.

Кион отлепился от окна и посмотрел на толпу, которая обступила фургон южан. Все они активно что-то обсуждали, а дети весело кружились вокруг взрослых в ожидании вкусностей, которые зачастую привозили с собой караванщики. Красть у этих крестьян явно было нечего и Кион решил пройтись по деревне, пока основная часть ее жителей занята товарами Могдара.

Деревня оказалась такой же невзрачной на вид, как и ее жители и чем дальше шагал Кион, тем больше он убеждался, что дома не изменятся. Люди тоже ходили все в простых одеждах и занимались каждый своим делом, практически не обращая внимания на чужака. В общем и целом смотреть было не на что и разочарованный Кион вернулся к повозке. Ханэра скрылась внутри нее, а Могдар с Райниром передавали людям часть своих товаров из сундука. Похоже, Кион пропустил всю сделку, пока бродил по деревне.

— Еще раз спасибо за припасы, — произнес Могдар своим громким голосом, обращаясь к дядечке, — Они нам пригодятся в пути.

— Мы всегда рады вашему каравану, ты же знаешь, — в ответ расплылся в улыбке тот, — Может, останетесь на день в деревне? А в путь двинетесь завтра с утра.

Могдар обернулся к Ханэре, которая вышла из фургона, но девушка только безразлично пожалала плечами. Райниру явно было немного неловко из-за своего приветствия, но он ни слова не проронил, а Кион понял, что если они останутся в этой убогой деревушке, то бард помрет со скуки. Осмотрев своих попутчиков, Могдар повернулся обратно к дядечке,

который, как оказалось, был еще и старостой деревни.

— Что ж, денек можно и погостить, — кивнул мужчина.

Кион издал тихий протяжный выдох. Видимо, этим вечером барду все же придется помирать от скуки. Дядечка довольно улыбнулся и попросил некоторых жителей помочь Райниру и Ханэре накормить их лошадей, а сам в компании Могдара направился куда-то по улице. Кион не знал, чем себя занять, поэтому последовал за ними. В основном южанин и староста говорили о том, как давно караван Могдара не останавливался в их деревне на ночлег, Кион даже пару раз слышал имя старосты, которое произносил Могдар, но барду было настолько скучно, что он не стал его запоминать. Про себя Кион называл его просто дядечкой.

Дядечка привел своих спутников в небольшой дом, внутри которого было также мало мебели — кровать, да стол с двумя стульями. Староста пошарил под кроватью и вытащил оттуда старый пыльный плед, который хотел было расстелить на полу, но Могдар его остановил.

— Мы в фургоне переночуем, не суетись.

— Вряд ли вы все в фургоне поместитесь, — заметил дядечка, застыв с одеялом в руках.

— Насчет этого не волнуйся, — усмехнулся Могдар и его тяжелая ладонь легла на плечо Киона, — Дурачок наш просто обожает спать на улице под открытым небом. Его невозможно будет затащить в дом или повозку, так что мы втроем переночуем, как обычно, а рыжий поспит на улице.

Могдар улыбнулся Киону так, что тот понял, что выбора у него нет. Придется барду расплачиваться за свою невинную шутку. Кион вздохнул и кивнул. Дядечка сложил одеяло обратно под кровать, но вместо него достал большой пузырь с какой-то мутной жидкостью и поставил на стол. Он хотел было убрать с банки крышку, но Могдар снова остановил его, подняв руку.

— Нам завтра, вообще-то, на дорогу выходить, — напомнил он, — А от твоей сивухи голова еще неделю соображать не будет.

Староста немного поколебался, но потом кивнул, однако банку со стола не стал убирать.

— Ладно, тогда жду вас на обратном пути. Поживете у нас недельку, — подмигнул южанину староста и Могдар просто рассмеялся.

Кион вслед за лидером каравана опустился на свободный стул, а староста сел на кровать, которая издала жалобный скрип. Южанин и дядечка принялись обсуждать свои дела и вспоминать совместное прошлое и все это вгоняло барда в дикую скуку. Он несколько раз демонстративно позевал, но никто не обратил на это никакого внимания. Его спутники были полностью поглощены разговором.

Вскоре в дом вошли Райнир и Ханэра и присели на кровать рядом со старостой. Все четверо начали обсуждать какие-то свои истории, совершенно игнорируя умирающего на их глазах барда. Умирающего от скуки. Кион не знал, чем себя развлечь, но тут ему на помощь подоспел староста. Он разлил всем по кружке горячего чая и теперь бард не просто помирал от скуки, но делал это с кружкой в руке.

Кион совершенно не слушал их разговор. Рыжий бард лениво цедил свой напиток и угрюмо пялился в окно. Они въехали в деревню после полудня, но в доме старосты проторчали за разговорами уже так долго, что солнце начало потихоньку клониться к горизонту. Бард про себя взмолился, чтобы тягучее время пошло быстрее и солнце поскорее

скрылось из виду, намекая крестьянам, что пора ложиться спать. Кион не сомневался, что эти «дармоеды» ложились спать рано, потому что наверняка вставали еще до зари и он надеялся, что эта скучная пытка скоро прекратится.

Но рыжему барду пришлось вытерпеть скуку до самого конца. От нечего делать он прислушался к разговору. Южане и староста обсуждали какой-то случай, произошедший с ними два года назад и Кион понял, что он вообще не вписывается в разговор. Бард почесал за ухом. Может, рассказать им какую-нибудь увлекательную историю? Но каждый раз, как Кион пытался что-то произнести, его тут же перебивала Ханэра, а затем с язвительной усмешкой смотрела на его реакцию. Поначалу Кион закипал от злости, но потом ему и это наскучило и он просто лениво уставился в окно, ожидая, когда же эта пытка, наконец, закончится.

* * *

На следующее утро бард проснулся весь побитый — он всю ночь ворочался на земле, но один какой-то настырный камешек не желал покидать его лежанку и в итоге у Киона по всем бокам растеклись синяки. Он приподнялся на локтях и раздраженно вздохнул. Его тело едва только оправилось от ран после стычки с ведьмой, а теперь вот один злостный камешек напомнил ему о боли. Бард пошарил рукой по лежанке, нашел злосчастный камень и зашвырнул его куда-то в сторону, а сам лег обратно. Краем глаза он заметил, что первые лучи солнца только-только пробиваются через горизонт, как ростки сквозь землю. Значит, жители скоро покинут свои жилища и начнут заниматься своей ежедневной рутинной.

Вопреки словам Могдара, возле фургона ночевал не только Кион, но и сам лидер каравана и Райнир. Ханэру они отправили спать в повозку. Жители позволили южанам развести небольшой костер у фургона, но за ночь он потух и Кион недовольно поморщился, не разлепляя глаз. Он хотел продолжить спать, но услышал шорох вокруг себя, а потом кто-то не сильно ткнул его сапогом в ногу.

— Кион, пора вставать, — раздался громкий голос Могдара и бард инстинктивно подчинился, вскакивая с лежанки.

Райнир уже не спал и занимался лошадьми к предстоящей поездке. Кион думал, что Ханэра все еще внутри фургона, а потому не мало удивился, когда увидел девушку, идущую по деревне в компании какой-то женщины. Селянка несла в руках корзину, укрытую полотенцем и они с Ханэрой что-то весело обсуждали, постоянно улыбаясь.

Когда они поравнялись с повозкой, женщина протянула Ханэре корзинку. Нос Киона тут же уловил запах свежееиспеченного хлеба и у барда слюнки потекли. Давно он не ел хлеб, только вытащенный с печи. Кион поймал себя на мысли, что следит за корзинкой в руках Ханэры, а когда глянул на девушку, то поймал ее язвительный взгляд и отвернулся. Похоже, хлеба бард сегодня не дождетя.

— Мы готовы ехать? — Ханэра попрощалась с женщиной и повернулась к Могдару.

— Надо бы со старостой попрощаться, — напомнил мужчина. Он отодвинул край полотенца на корзине, которую все еще держала Ханэра, отщипнул от хлеба большой кусок и отправил его в рот, после чего зашагал в сторону дома дядечки, обернувшись на ходу, — Когда вернусь, будьте готовы выезжать.

Райнир подошел к Ханэре и тоже отщипнул кусок хлеба.

— В путь готово, — произнес он, закидывая ароматный кусок хлеба в рот.

Кион, не выдержав, тоже подошел к ним и хотел было сделать то же самое с едой, но Ханэра резко отскочила на шаг назад. Девушка, наблюдая за бардом, отломилась ломоть восхитительно пахнущего хлеба и с наслаждением начала его жевать. Кион не намеревался это терпеть. Он в один шаг оказался рядом с ней и резко запустил руку в корзинку, но Ханэра в этот момент снова отскочила в сторону и барду досталась только крошка. Ханэра искренне засмеялась, доедая свой ломоть.

— Ты слишком медленный, Лахма, — смеялась девушка. Она отогнула полотенце дальше, показывая, что хлеба в корзине осталось не так уж и много.

Это подстегнуло Киона бороться за прекрасно пахнущую свежую еду до конца. Бард прыгнул вперед, но девушка снова увернулась. При этом она успевала постоянно отщипывать от хлеба небольшие порции и с наслаждением съедать их прямо на глазах голодного Киона. Тот предпринял еще несколько неудачных попыток, но до заветной корзины он так и не добрался. Однако Ханэра тоже перестала отщипывать куски от хлеба, так что Кион надеялся, что ему все же достанется хоть немного этого восхитительного лакомства, которого он не ел, пожалуй, с тех пор, как покинул столицу. Нет, сам хлеб Кион ел и не раз, но горячий и только с печи он не пробовал уже очень давно.

Ханэра хитро прищурилась, прижимая к себе корзину и не спуская глаз с Киона. Бард облизнулся, чувствуя замечательный запах хлеба, доносящийся до его ноздрей даже сейчас. Райнир наблюдал за ними и не вмешивался. Казалось, молодой южанин не совсем понимал, что ему делать.

Кион попытался достать корзину, потом пытался сделать это снова и снова, но юркая девушка каждый раз уходила из-под его рук. В какой-то момент Ханэра приподняла корзину и с наслаждением понюхала доносившийся оттуда запах.

— Тебе надо быть быстрее, Лахма, если хочешь поесть, — усмехнулась она.

— Ну что ж, ты сама напросилась, — ухмыльнулся в ответ Кион и резко кинулся на девушку.

Ханэра такого явно не ожидала и секунда ее замешательства позволила барду схватиться за корзинку, словно пес за палку, пытаясь отобрать ее у хозяина. Кион и Ханэра уставились друг на друга, но никто из них не спешил отпускать свою добычу.

— Отдай, — после нескольких секунд молчания Кион дернул корзину на себя.

— Еще чего, — фыркнула Ханэра, не выпуская корзину из рук, — Найди себе свой хлеб сам.

Несмотря на ее слова, в глазах девушки зажглись веселые огоньки и Кион понял, что она с ним просто играет. Он снова дернул добычу на себя, но Ханэра крепко держала корзинку. Неизвестно, к чему бы привела их борьба за оставшийся кусочек хлеба, если бы не вернулся Могдар.

— Ханэра, да отдай ты ему его завтрак, хватит с ним играть, — послышался его громкий голос.

Девушка хмыкнула, выпустила корзину из рук и отошла от барда на несколько шагов. Кион тут же набросился на еще теплый хлеб и съел его буквально за несколько секунд, словно голодный волк. Райнир позади него усмехнулся, глядя на то, как быстро бард поглощает еду.

— У нас есть второй корзина, — произнес молодой южанин, — Там тоже хлеб.

Кион удивленно обернулся к нему. Жители отдали не одну корзину с таким восхитительным хлебом? Чего же он раньше молчал? Тогда этой стычки с Ханэрой можно

было избежать.

— Молодец, Лахма, заслужил свой кусок, — Ханэра, проходя мимо Киона, похлопала его по плечу, а потом взобралась на сидение рядом с Могдаром, который уже держал вожжи наготове.

Райнир широко улыбнулся Киону и влез в повозку, бард последовал за ним, закрывая дверцу за собой. Он весь поник и не знал, как ему реагировать на эту ситуацию, но вспомнив слова молодого южанина о том, что у них есть еще такой хлеб, быстро пришел в веселое расположение духа. По крайней мере, он все же сумел отобрать корзину у Ханэры.

Повозка качнулась и лошадки послушно потянули ее за собой, покидая деревню. Кион вспомнил слова Могдара о том, что скоро они въедут в болотистую местность и придется передвигаться строго по дороге. К сожалению, это значило, что у каравана была большая вероятность наткнуться на разбойников. Кион бросил взгляд на свой меч, который он уже несколько дней оставлял в фургоне вместо того, чтобы носить на поясе. Кажется, придется им скоро воспользоваться. По крайней мере, они попадут к разбойникам, а не к ведьмам и Кион испытал глубокое облегчение. С бандитами караван легко справится. Тяжело им было бы, если бы на их пути оказалась хотя бы одна людоедка. Киону только оставалось надеяться, что в болотах ведьмы не водились. Хотя, по его скромному мнению, именно в болотах им и было самое место. Впрочем, будь на болоте хоть одна ведьма, разбойники бы не завелись в тех местах, они бы попросту обходили болота стороной, словно те были прокляты. Кому хочется помирать, пусть и от красивых иллюзий?

Полдня они провели в пути. Делать в фургоне было особо нечего и Кион просто дремал. Неожиданно в памяти всплыла битва с Нико, а потом и с Сэрой и барду показалось, что все это было так давно. Его жизнь в столице тоже казалась словно ложным воспоминанием или приятным сном. Кион даже ловил себя на мысли, что всю жизнь только и делал, что странствовал по королевству, а роскошная и захватывающая жизнь в столице ему только привиделась.

Когда караван остановился на привал возле реки, Кион с Могдаром развели костер, а Райнир и Ханэра позаботились о лошадях. Южане сварили вкусный обед из припасов, которые пополнили в деревне и сейчас сытый Кион передавал свою пустую тарелку Райниру. Молодой южанин отправился к реке, а Могдар попросил Ханэру сходить за хворостом.

— У нас и так костер неплохо горит, — отозвалась девушка, но лидер каравана бросил на нее многозначительный взгляд.

— Все же парочка сухих веток не помешает, — произнес он.

Ханэра нахмурилась, вздохнула, поднялась с места и ушла искать хворост. Здесь повсюду росли деревья, переходящие впереди в полноценный лес, а небольшая река едва ли не разбивала эту местность на два берега, но Ханэра предпочла удалиться за ветками подальше, хотя Кион видел их множество, лежащее на земле поблизости от их лагеря.

— Что ты планируешь делать дальше? — неожиданно прямо спросил Могдар. Он не стал как-то тянуть разговор и подводить к интересующей его теме, из-за чего Кион даже слегка растерялся.

— Вы хотите прогнать меня? — через некоторое время спросил бард, — Это в качестве наказания за то, что я подшутил над Райниром? Обещаю, я так делать больше не буду.

Кион вспомнил, как он в голодном и полубморочном состоянии скитался по дороге и ему до жути не хотелось это повторять. Снова оказаться неизвестно где и без еды... Если бы

караванщики не нашли его на обочине, кто знает, что бы сейчас было с Кионом. Сам бард об этом даже думать не хотел.

— Хех, шутка над Райниром была довольно смешная, — внезапно усмехнулся Могдар.

Кион удивленным взглядом уставился на мужчину. Так ему понравилась эта маленькая шалость? Но Могдар оттаскал его за ухо, да еще назвал дурачком при всей деревне. Кион думал, что он злится. Когда рыжий бард спросил его об этом, Могдар просто пожал плечами.

— Ну не мог же я показать деревенским, что мне смешно. Они запросто бы обиделись и перестали торговать с нами.

По лукавой улыбке южанина Кион понял, что тот шутит. Могдар почесал штанину на колене, глядя в огонь, а потом продолжил.

— Мы не планируем тебя выгонять. Даже наоборот. Тебе явно некуда идти и мы посоветались втроем и решили предложить тебе остаться с нашим караваном. Найдем тебе какое-нибудь дело по твоим умениям. Ну или будешь дополнительным мечом при охране наших товаров.

Кион даже раскрыл рот от удивления. Он никак не ожидал, что южане будут не против его компании и даже разрешат остаться с ними. Бард задумался. Ему в любом случае было некуда идти, так почему бы не путешествовать с ними? А что касалось дел, которые бард мог бы выполнять при въезде в новые поселения — тут у Киона была масса идей.

— Я бы мог рассказывать людям истории за монеты, — перечислял Кион. Могдар его внимательно слушал и не перебивал, — Или очаровывать дамочек, чтобы в следующий наш визит они бы охотнее расставались с деньгами. Или даже мог бы торговать своим телом, а то наверняка эти леди ни разу не знали настоящего мужчину.

Кион сидел напротив Могдара с гордо поднятым носом. Он перечислил свои самые лучшие качества и умения без которых, как был сам уверен, каравану придется тяжело. Могдар задумчиво посмотрел на него и молча провел рукой по бороде. По его выражению лица не понять было, о чем думал южанин, лишь брови были слегка приподняты.

— Да кто на тебя позарится? — наконец беззлобно усмехнулся южанин, — Кожа да кости, ростом не вышел. В штанах, скорее всего, тоже смотреть не на что, а все, что умеешь делать — это чесать языком.

Каждое слово Могдара больно пронзило Киона, словно стрелой. Рыжий бард нахмурился и уставился на собеседника прищуренными глазами. Интересно, как отреагирует Могдар, когда узнает, что все столичные дамы были от барда без ума и даже дарили ему свои цапки и побрякушки? И даже больше — сама принцесса, дочка Элияра Аделлы, пала под его чарами. Кион вспомнил сапфировую звезду и тоскливо вздохнул. Жаль, ему тогда не удалось выкрасть это ожерелье, но бард хотя бы жив остался. Кион поджал губы и не стал отвечать на подколку Могдара. Не хватало еще, чтобы караванщики узнали, что барда считают преступником. Кто знает, может, они тогда решат сдать его властям за вознаграждение. Пока караван держался подальше от столицы, Кион был этим вполне доволен.

— И что, даже Ханэра не против, если я останусь? — через несколько минут спросил Кион.

— Она сказала, что вполне способна тебя потерпеть, — весело усмехнулся Могдар.

Кион кивнул и согласился на предложение южан. Ему все равно идти было некуда, а отправляться обратно в столицу явно не стоило, пусть там даже и не ожидают возвращения наглеца, который соблазнил дочку короля. Если бард останется один, то он снова падет жертвой голода, в этом Кион уже успел убедиться. Раньше он думал, что он вполне способен

был постоять за себя и позаботиться о себе, он неплохо владел мечом и язык был подвешен. Да вот только голод невозможно уболтать или проткнуть клинком, а добывать еду не в таверне Кион совсем не умел.

— Вот и славно, — улыбнулся Могдар и глянул в сторону, где к ним возвращалась Ханэра с несколькими ветками в руках, — Как только все соберутся, я им расскажу о твоём решении.

Вскоре к ним присоединился Райнир. Киону казалось подозрительным то, что молодой южанин так долго возился с посудой, но потом он понял, что Райнир и Ханэра давали время Могдару обговорить все с бардом. Сейчас они оба сели по разные стороны от своего предводителя и Могдар выдержал небольшую паузу, прежде чем огласить решение Киона.

— Теперь мы будем путешествовать вчетвером, — произнес своим громким голосом южанин, — По крайней мере до тех пор, пока Кион не решит нас покинуть. А пока этого не произошло, отныне он считается частью нашего каравана.

— Ты решить был с нами, — расплылся в улыбке Райнир.

— А я думала, ты откажешься, Лахма, — хмыкнула Ханэра.

— И лишу себя твоей язвительной компании? Да ни за что! — хмыкнул в ответ Кион, но Ханэра просто прищурилась и посмотрела на него.

— Ладно, раз с этим разобрались, пора отправляться дальше, — Могдар первым поднялся на ноги и сапогом затушил костер, — Нам еще болота пройти надо.

— Может, повернем назад? — вслед за ним поднялась Ханэра, — Болота нынче не безопасны.

— Мы обещали тем людям доставить товар, — вздохнул Могдар, — У нас выбора нет.

— Он есть, — девушка энергично махнула рукой в сторону, с которой они въехали в этот редкий лесочек, — Повернуть назад.

— Ханэра, мы не можем просто отказаться ехать вперед, — спокойно произнес Могдар, — Невыполненный заказ ударит по нашей репутации и потом люди перестанут с нами торговать. Мы потеряем больше, чем просто монеты, которые нам заплатят за доставку.

— Да знаю я, — дернула плечом девушка и раздраженно отвернулась.

Могдар посмотрел на нее, но ничего не сказал. Кион поднялся на ноги вслед за Райниром и поинтересовался у молодого южанина, что это за заказ такой.

— В одном городе нас просить заказ, — Райнир поморщился, подыскивая нужное слово, а потом продолжил, — Мы доставить заказ в одну деревню на болото.

— И мы не можем отказаться, — вмешался в разговор Могдар и повернулся к Ханэре, — Это всем прекрасно известно.

— Мы не первый доставлять заказ, — добавил Райнир, — Но в последний время много разбойников на болото. Там опасно.

— Ничего, у нас теперь есть еще один дополнительный меч, — Могдар положил тяжелую ладонь на плечо Киона, — Ты им хоть пользоваться-то умеешь? Или купил его только для того, чтобы меч висел на поясе?

— Умею, — кивнул Кион, — И довольно неплохо.

Могдар покивал, а потом отошел на шаг.

— Надеюсь, оружие нам не пригодится.

Он направился к фургону и занял свое привычное место. Ханэра юркнула внутрь повозки, Райнир последовал за ней и Кион сел рядом с Могдаром. Тот щелкнул вожжами и

лошадки вновь принялись тянуть фургон за собой.

Они ехали по проторенной дороге весь день, а к вечеру редкие деревья и небольшая речушка переросли в настоящий лес, рассекаемый широкой рекой, которую просто так без лодки неподготовленному человеку переплыть будет трудно. Могдар не сразу остановил фургон на ночлег, некоторое время они еще ехали вперед, стараясь не упускать реку из виду или хотя бы слышать ее журчание поблизости.

Когда деревья стали плохо пропускать лучи заходящего солнца, Могдар остановил повозку и объявил о привале. Они с Кионом тут же принялись собирать сухих веток для костра, а Ханэра с Райниром занялись лошадьми.

Огонь развели как раз тогда, когда совсем стемнело. Райнир повесил сверху котелок, в котором варилась густая каша и Кион в предвкушении сытного ужина плюхнулся на расстеленный на земле свой плащ. Райнир хлопотал над кашей, Могдар задумчиво сидел на старом бревне, у которого они развели костер, а Ханэра, прислонившись спиной к поваленному дереву, ковыряла ножом и без того острый кольшечек. Деревья склонились над караванщиками, словно бы пытались разглядеть, что там так аппетитно булькало у них в кастрюльке.

— На болота мы въедем через пару дней, — нарушил тишину Могдар, — Нам придется строго держаться извилистой дороги, чтобы не увязнуть в жиже.

— Почему люди никогда не делают прямых дорог? — буркнул под нос Кион, в ожидании вкусного ужина обхватив колени руками.

Райнир тихо захихикал, а Ханэра бросила на барда очередной язвительный взгляд. Впрочем, теперь в ее глазах не загорались враждебные искорки.

— В общем, нам придется петлять, — добавил Могдар и продолжил, — Там впереди потом деревня будет, как раз после того, как болота кончатся.

— Это туда вас попросили доставить товар? — спросил Кион и Могдар кивнул.

— Ваша королевская служба по доставке почты те места не посещает, — съехидничала Ханэра, — Поэтому люди начали просить проезжающие караваны об услугах.

— Нас они просить чаще всего, — добавил Райнир. Он попробовал кашу на язык, секунду подумал, потом продолжил размешивать ее в кастрюльке.

— Почему? — спросил Кион.

— Так получилось, что мы доставляли все доверенные нам заказы, да еще вовремя, — ответил Могдар.

Кион кивнул. Вот о какой репутации говорил южанин, когда они днем спорили с Ханэрой. Получается, караванщиков постоянно просили доставить что-то из одной деревни в другую и они всякий раз успешно выполняли такие просьбы, да еще и деньги получали за это. Но странно, что этим не занимается королевская служба, если Ханэра права, конечно. Разве они не должны поддерживать порядок на всех дорогах, а не только у крупных городов? Кион почесал в рыжей макушке и понял, как же он все-таки мало знал об окружающем мире. Пока он жил в столице, ему это даже не было интересно, но теперь выходит, что Элияр Аделла не все королевство защищает, как должен. Кион даже не удивился бы, если бы узнал, что разбойники на болотах еще и часть своей добычи отправляют в казну, чтобы солдаты короля их не трогали.

Райнир принялся раскладывать ужин по тарелкам и все мысли Киона как рекой смыло. Бард принялся с удовольствием поглощать свою порцию так, словно бы боялся вновь остаться голодным. Отчасти так оно и было — Кион до сих пор помнил то ужасное

состояние голода на грани обморока и ему совсем не хотелось вновь это испытывать.

Когда с ужином было покончено, вместо того, чтобы собрать тарелки, Ханэра протянула свою пустую миску Киону. Бард удивленно взял ее в руки, не совсем понимая, что ему делать. Вторую тарелку ему вручил Могдар и, поднявшись с места, побрел куда-то в сторону фургона. Райнир тоже отдал свою тарелку Киону и широко ему улыбнулся.

— Твоя очередь.

— Ты о чем? — не понял бард.

— Посуду иди мой, — засмеялась Ханэра, — Ты теперь один из нас, так что это твое первое боевое крещение.

— Боевое, — поморщился Кион. Ему до жути не хотелось мыть все эти тарелки, да еще и котелок в придачу.

— Еще как боевое, — продолжала хохотать Ханэра, — Ты ведь идешь истреблять грязь с посуды.

Кион поджал губы и понял, что ему придется заняться ужасно нелюбимым делом. Бард поднялся, подхватил котелок у костра и поплелся в сторону шума реки, всем своим видом показывая, что он абсолютно не в восторге.

— И не сачкуй там, Лахма! — крикнула ему вдогонку Ханэра, — Чтоб все тарелки были чистые, а то утром проснешься без пальцев.

Кион на секунду остановился и вздрогнул, но потом продолжил идти, как ни в чем не бывало. Вряд ли Ханэра отрежет ему пальцы только из-за плохо вымытой посуды, но лучше было ее не раздражать лишней раз. Кион уже даже думать забыл, чтобы как-то попытаться очаровать девушку своими рифмами. Скорее всего, она просто воткнет ему в бок один из своих кинжалов, если бард попробует это провернуть. А то и оба кинжала сразу.

Возле реки было темно, но Кион все равно усердно оттирал тарелки от остатков еды. В ушах до сих пор звенела грозная угроза Ханэры и бард даже начал представлять свою жизнь без пальцев. Воображение не нарисовало ничего хорошего и Кион принялся усерднее отмывать посуду. Вода громко плескалась от его действий, из-за чего бард не сразу услышал карканье вороны где-то неподалеку. Но когда он поднял голову, то ничего не смог разобрать в этой темноте. Кион пожал плечами, домыл оставшиеся тарелки и вернулся в лагерь. Ханэра придирчиво их осмотрела, но потом довольно хмыкнула.

— Молодец, Лахма, для первого раза неплохо.

Девушка скрылась в фургоне, а Райнир указал барду на соседнюю с собой лежанку, которую он расстелил, пока Кион ходил к реке.

— Ложи спать, — сказал молодой южанин и сам же последовал своему совету.

Кион обошел сидящего у костра Могдара и присел на лежанку.

— Лучше отдохни, — произнес мужчина, — Я первым постою на страже, потом Райнир. Он тебя разбудит, как настанет твоя очередь.

Кион кивнул и растянулся на своем месте. Ему даже в голову не приходило, что все это время южане по-очереди дежурили всю ночь. Поскольку Кион не был частью их каравана, они не утруждали его своими делами и бард спокойно спал все ночи напролет. Похоже, теперь это прекрасное время подошло к концу. Кион даже пожалел, что согласился стать частью их каравана. Он мог бы и дальше с ними путешествовать и при этом не дежурить по ночам у костра. Бард зевнул, накрылся сверху своим потрепанным плащом и провалился в сон.

Ближе к рассвету его разбудил Райнир, а сам растянулся на своей лежанке, закрыл глаза

и тут же уснул. Могдар дремал рядом с ним. Кион протер свои сонные глаза и сел поближе к костру, который совсем не угас. Видимо, Могдар, а потом и Райнир постоянно приглядывали за ним. Кион решил от них не отставать и тоже поворошил огонь длинной веткой. Костер им еще пригодится, когда южане начнут утром готовить завтрак. Кион задумался на секунду. Интересно, его они тоже попросят однажды что-то приготовить? Хотя вряд ли, бард вообще не умел это делать. И для блага самих южан было бы лучше, если бы они не пробовали его готовку, если не хотели бы отравиться.

Кион, зевая, устался в костер, который так уютно потрескивал перед ним. Барду все еще хотелось спать и он несколько раз быстро поморгал, с трудом разлепляя сонные веки. Вокруг стояла тишина, только где-то наверху на деревьях тихо шелестели листья. Кион посмотрел на спящих Могдара и Райнира и сильно позавидовал тому, что они спят. Сам бард был бы не против сейчас присоединиться к ним в царстве снов.

Кион поудобнее растекся на старом бревне, рядом с которым они развели костер. Бард еще раз прислушался к окружению, убедился, что вокруг совсем тихо, даже птички не поют и решил, что несколько часов сна никому плохо не сделают, а сам он хоть немного выспится. Кион укрылся сверху своим плащом, чтобы не замерзнуть, пошевелился немного, принимая удобное положение и практически мгновенно уснул. Перед тем, как провалиться в сон, Кион подумал, что было бы неплохо проснуться заранее, до того, как проснутся остальные. Тогда все решат, что свою очередь на страже он отстоял полностью, а сам Кион, естественно, ничего не скажет о том, что на самом деле он все проспал.

Ему снилось, что Нико гналась за ним. По какой-то причине она не использовала паутину, вместо этого преследовала Киона, словно обычный хищник. В какой-то момент ведьма подобралась совсем близко и обнажила свои белые ровные клыки, намереваясь укусить Киона. Она громко зарычала и бард резко проснулся. Рычание продолжилось и до Киона дошло, что оно не было частью сна.

Бард резко вскочил на ноги, озираясь по сторонам. Костер потихоньку угасал, Могдар и Райнир спокойно спали, а вот лошади отчаянно фыркали у повозки, в которой ночевала Ханэра. Судя по по отсвету на горизонте, бард проспал не так уж долго.

Снова раздалось низкое угрожающее рычание, на этот раз оно было ближе. Кион потянулся к мечу, но на поясе ничего не оказалось. Рыжий бард выругался и вспомнил, что его оружие все еще лежало в фургоне. Лошади заржали уже сильнее и Кион обернулся на своих спутников.

— Могдар, Райнир! Подъем! — воскликнул он.

Те как по команде вскочили с места. Могдар сразу обнажил свой клинок, а Райнир бросился к фургону. Оба выглядели сонными и поначалу их движения были немного замедленны. Райнир скрылся в фургоне, что-то на ходу выкрикивая Ханэре, а Могдар повернулся к Киону.

— Что случилось-то? — спросил мужчина, возвращаясь постепенно в реальность.

— Я услышал рычание, — отозвался бард, при этом его глаза шарили между деревьями, — Грозное рычание.

— Волки, — невесело произнес Могдар и сильнее стиснул рукоять меча.

— Волки? — переспросил Кион и его голос едва не перешел на визг. Волков ему еще не хватало! Кион с ними ни разу не сталкивался.

Из повозки выскочили Ханэра с Райниром. Девушка выхватила свои кинжалы, озираясь по сторонам, а Райнир направился быстрым шагом в сторону Киона. В руках молодой

южанин держал меч барда и еще одно странное приспособление. Оно было похоже на маленький лук, который приладили к перекладине с рычагом. Кион не видел подобного оружия ни разу, но предположил, что это и есть арбалет. Могдар как-то упоминал, что арбалеты — едва ли не новое изобретение с соседней страны и они только-только начинали входить в обиход. Хотя вон Райнир довольно уверенно вложил в него толстую стрелу и вскинул оружие, после того, как отдал меч Киону.

— Где они? Далеко? — подбежала к ним Ханэра. В глазах девушки явно плескались нетерпеливые искорки, Кион даже отшатнулся от нее.

— Пока только рычат, но явно они нас почуяли, — ответил Могдар.

Где-то справа от них в деревьях раздалось очередное рычание и Райнир резко прицелился туда, но волк не появился. Могдар пояснил Киону, что эти хищники могут кружить вокруг лагеря еще некоторое время, пока не найдут идеальный момент для нападения.

— А ты молодец, Лахма, — между делом похвалила барда Ханэра, — Я думала, ты проспишь свой караул.

Кион прикусил губу и ничего не ответил. По сути, именно это он и сделал. И если бы не жуткий сон с ведьмой, быть может, он бы проспал все нападение волков и потом было бы уже поздно.

Снова раздалось рычание и Кион вытащил свой меч из ножен, а их пока бросил на землю. На секунду все стихло. Южане озирались по сторонам, стараясь увидеть окружившую их стаю, но только тени мелькали за деревьями. Внезапно Могдар вытянул вперед пустую руку, указывая на что-то.

— Лошади!

Раздалось дикое ржание и лошадки встали на дыбы. Кион повернулся в ту сторону и увидел огромного черного волка, пытающегося дотянуться до ноги лошади. Ханэра с Могдаром бросились в ту сторону, а Кион остался с Райниром, который пытался прицелиться в водка, но тот постоянно двигался. Из леса выскочил второй и едва не укусил молодого южанина за ногу, но Кион вовремя успел оттолкнуть Райнира. При этом арбалет издал громкий щелчок и стрела улетела куда-то за деревья. Южанин быстро достал вторую из колчана, привязанного к его бедру. Райнир начал перезаряжать арбалет, а Кион схватился за меч двумя руками, не сводя глаз с рычащего волка, который также не сводил блестящих глаз с южанина и барда. Где-то позади него заржали лошади и выругалась Ханэра, но волк только на секунду повел ухом, не ослабляя бдительности. Кион стоял неподвижно, не совсем понимая, что делать в такой ситуации. С волками он сталкивался впервые и совсем не знал, чего от них ожидать.

— Кион, ты загородить мне обзор, — послышался позади него шепот Райнира.

Рыжий бард осторожно сделал шаг в бок под угрожающее рычание волка, Райнир вскинул арбалет, выжидая, когда черный хищник окажется у него в поле зрения, но у волка были другие планы. Он резко прыгнул вперед. Кион рефлекторно поднял меч и на весь лес раздался короткий скулеж волка. Раненый хищник отпрыгнул в сторону, с его бока на землю капала кровь, но кажется, его это только больше разозлило. Волк оскалился еще сильнее, с его пасти закапала слюна и он зарычал. Хищник пригнулся для очередного прыжка и Кион затаил дыхание, понимая, что второй раз он может не успеть отбиться от него.

Мимо уха барда что-то пролетело, со свистом рассекая воздух, а через долю секунды в шее волка появилась стрела. Тот упал на землю, захрипел и задергался, Кион с ужасом

наблюдал за ним. Стрела явно принадлежала Райниру. Насколько же убойнее был арбалет по сравнению с луком. От этой мысли бард вздрогнул.

— Кион, добей! — воскликнул позади него Райнир, вновь перезаряжая арбалет.

Его голос вывел барда из ступора и он занес меч над черным хищником. Кион одним движением прекратил страдания волка. Краем глаза он заметил, что Райнир уже выцеливал второго, которого пытались отогнать от лошадей Могдар с Ханэрой. Других хищников видно не было. Через несколько секунд стрела пронзила бок второго волка и тот, протяжно взвизгнув, скрылся в кустах. Ханэра погналась за ним, но Могдар ее остановил. Волк сильно ранен, вряд ли он в ближайшее время снова кинется на них. Девушка нехотя убрала кинжалы обратно в ножны на поясе. Могдар тоже спрятал оружие и они вдвоем обступили лошадей, пытаясь их успокоить. Повезло, что они не смогли порвать поводья и сбежать в лес.

Райнир шумно выдохнул, опуская арбалет. Он направился к остальным посмотреть, в чем дело. Кион дрожащими руками поднял с земли ножны, вложил в них меч, едва его не уронив при этом, а потом прикрепил ножны к поясу. Ну и пробуждение! Очень бодрое.

Когда бард подошел к остальным южанам, оказалось, что волк успел укусить одну лошадь за ногу. Ханэра успокаивала ее, поглаживая по морде и лошадка только фыркала в ответ. Райнир юркнул в повозку, а Могдар стоял с хмурым выражением на лице.

— Волки могут переносить бешенство? — спросил Кион. Никто ему не ответил, только Могдар перевел на него свой тяжелый взгляд.

С фургона вернулся Райнир. В руках он держал маленькую баночку и чистые тряпки. Молодой южанин открутил крышку, набрал с баночки какую-то густую и пахнущую травами субстанцию и принялся покрывать ею рану лошади, пока Ханэра продолжала успокаивать ее. Вторая лошадка спокойно стояла рядом и щипала травку, будто не было никакого нападения волков.

— Что это? — спросил Кион и подбородком указал на баночку в руках Райнира.

— Лечебная мазь, — ответил Могдар, — Она быстро снимет боль и затянет рану. Такой же мы обработали и твои раны, когда нашли тебя на обочине.

Кион кивнул. Теперь понятно, почему его тело так быстро восстановилось после стычки с Нико. А он-то думал, что все дело в свежем воздухе.

— Нам придется задержаться в лагере на некоторое время, — через минуту произнес Могдар, глядя на то, как Райнир перевязывает рану лошади тряпками, — А потом и вовсе передвигаться медленнее, чем обычно. Из-за этого мы станем легкой добычей для разбойников.

— Повезло же наткнуться на волков именно в этой местности, — выругалась Ханэра.

Из-за раненой лошади караван не сможет передвигаться со своей обычной скоростью, а значит, бандитам на дороге не составит труда окружить южан. Могдар повернулся к Киону и заглянул ему в глаза.

— Кажется, нам очень скоро снова пригодится твой меч.

ГЛАВА 11

В своем лагере караван проторчал целый день. Могдар дал добро ехать, только когда они убедились, что с ногой лошади все будет в порядке. И хотя лошадка даже не хромала благодаря мази, Могдар все равно вел повозку довольно медленно и аккуратно.

К вечеру следующего дня они устроили очередной привал. Ханэра отправилась ухаживать за лошадьми, а Райнир варил сытный ужин. Могдар ковырялся в повозке, а Кион

просто терпеливо сидел у огня и ждал, когда уже можно будет поесть. Местность за день пути немного сменилась, деревья стали гуще и плохо проводили свет, а у основания их стволов стелился прозрачный туман.

— Такой туман будет становиться тем сильнее, чем дальше мы углубимся в болота, — вернулся к костру Могдар. Он присел на пенек рядом с огнем и протянул к нему руки, чтобы согреть, — Поэтому важно не сходить с дороги.

— Иногда тут бывать огоньки, — добавил Райнир, помешивая в котелке, — Говорят, они не один путник увести в болото и он там погибнуть.

— Жуть, — поежился Кион. Туман, казалось, отбирал все тепло, а теперь еще и жуткая история южанина добавила мурашек по коже, — И что, это правда? Вы сами-то их видели?

— И не один раз, — кивнул Могдар, — Не знаю, что это за огоньки, но были они довольно настойчивы.

— Тела жертв потом не находить, — добавил Райнир, — Наверное, они сгинуть в болота.

Кион снова поежился, накрывая плечи плащом. Будет очень неловко, если бард в итоге потонет в болоте после того, как сумел спастись от двух людоедок. Райнир принялся раскладывать еду по тарелкам и Могдар, получив на руки две порции, ушел к Ханэре, которая все это время провела в компании лошадок.

— В этих местах спать холодно, — Райнир передал миску с супом Киону и бард тут же принялся ее уплетать, а сам южанин присел рядом с ним у костра со своей порцией в руках, — Раньше мы здесь спать в повозка, но теперь нас больше.

Как объяснил Райнир, караванчики раньше на ночь укрывались в фургоне по двое, пока третий дежурил на улице, так как спать снаружи было холодно даже летом. Здешний туман забирал все тепло. Но сейчас их было четверо и втроем в фургоне они не поместятся.

— Кому-то придется спать на улице, — вздохнул Кион.

— Думаю, мы просто дежурить по двое, — не согласился с ним Райнир, — И на страже весело и потом спать долго, чем обычно.

Кион ничего не ответил, продолжая хлебать свой суп. В прошлый раз он едва не проспал нападение двух волков и сейчас не хотел бы снова заснуть на страже, чтобы потом проснуться в разоренном лагере. Так что сторожить лагерь по двое человек была не такая уж плохая идея. Главное, чтобы Киону не пришлось это делать с Ханэрой, а то ему придется больше наблюдать за ней, чем за лесом — на случай, если девушка по какой-то причине все же решит отрезать Лахме пальцы.

Вскоре к ним присоединились Могдар с Ханэрой. Они сообщили, что мазь помогла довольно быстро затянуть раны лошади, но пока она полностью не поправится, не стоило гнать вперед.

— Это значит, что мы станем легкой добычей, — добавил Могдар, отставляя свою пустую тарелку на землю.

— Любой, кто к нам сунется, будет убит на месте, — угрожающе прошептала Ханэра, но ее фразу услышали все.

— Ханэра, — Могдар хмуро посмотрел на нее и девушка поморщилась.

— Уверен, мы легко пройти болота, — постарался их приободрить Райнир, — Мы так идти не первый раз.

— А огоньки? — спросил Кион.

— Можно сказать, они помогают не сбиться с пути, — усмехнулся Могдар, — Главное,

не сворачивать к ним, а двигаться так, чтобы впереди их видно не было. Тогда можно легко миновать болота.

Кион почесал в рыжих волосах. Значит, караванщики просто делали все наоборот и каждый раз удачно проходили эти места? А что, хитро. Чем бы ни были эти огоньки, но они явно не ожидали, что их используют в качестве указателей опасных зон. И раз южанам этот трюк удался уже не один раз, это значило, что хоть каким-то мало-мальским интеллектом огоньки не обладали. Кион зевнул и глянул в небо. В таком случае, им дико повезло.

— Сегодня дежури́м по двое, — произнес Могдар, — Сначала я и Кион, потом Райнир и Ханэра.

— Я думал, ты распределишь нас по оружию, — удивился бард.

— Я и распределяю, — ответил Могдар, — Ханэра с Райниром вдвоем неплохо ведут бой. Что от тебя ожидать, мы пока не знаем, так что будешь стоять на страже первое время со мной.

— А что можно ожидать от обычного мечника? — не понял Кион, — Махаю мечом, как все.

— Даже если бы мы учились у одного мастера, мы с тобой все равно пользовались бы мечом по-разному, — не согласился мужчина, — Пока я не знаю, какой у тебя стиль и что ты больше предпочитаешь — атаку или защиту, будет разумнее мне с тобой сидеть на страже.

Кион кивнул и замолчал. Главное, что не Ханэра. Хотя сам бард предпочел бы остаться с Райниром — молодому южанину, кажется, нравились истории Киона и сам бард с удовольствием бы их рассказывал, пока они вдвоем сидели бы у костра.

Вскоре Могдар отправил в фургон Райнира и Ханэру, а они с Кионом остались у огня. Рыжий бард замотался в свой плащ и поближе сел к костру. Могдар сидел на пеньке, руками он оперся о рукоять меча, который воткнул в землю. Мужчина смотрел в огонь и думал о чем-то своем. Костер отражался на лезвии его меча и отсветы падали на землю. Глядя на своего спутника, Киону в голову пришла любопытная мысль. Раз южане говорят на двух языках — своем и языке этого королевства — то на каком языке они думают? Кион поерзал на месте от любопытства. Он хотел было спросить об этом у Могдара, но заметил его хмурый взгляд, устремленный в огонь. Кион решил пока промолчать и спросить об этом у Райнира утром, когда представится такая возможность. Потом бард вспомнил, что Райнир не очень хорошо говорит на его языке и решил обратиться к Ханэре. Перед лицом Киона тут же всплыли ее язвительные глаза и бард вовсе передумал спрашивать об этом. Он просто предположил, что думают южане тоже на двух языках, хотя не был в этом до конца уверен. Кион знал только один язык и понятия не имел, каково это — говорить и думать на другом, чужом языке.

Время тянулось медленно и пару раз Кион проваливался в сон, но тут же просыпался, чувствуя холодный туман под кожей. Могдар никак не отреагировал на то, что бард засыпал на страже. Южанин выглядел совершенно бодрым и Кион даже подивился тому, как ему это удается.

Постепенно их время охранять лагерь вышло. Могдар разбудил остальных, дождался, когда Райнир с Ханэрой займут места у огня, а сам с Кионом вернулся в фургон. Он бросил барду одно из одеял, вторым накрылся сам, положив под голову подушку, а уже совсем скоро задремал. Кион не стал от него отставать и сделал то же самое, чувствуя, как приятное тепло согревает кожу после холодной ночи.

Утром они позавтракали, накормили лошадей, потушили костер и отправились дальше в путь. Сегодня с Могдаром сидел Кион, Ханэра с Райниром дремали внутри фургона. Несмотря на то, что проснулись они все рано, бард чувствовал себя выспавшимся и отдохнувшим. Видимо, мягкие подушечки в фургоне сделали свое дело прошлой ночью. Он не спал на земле и это было уже хоть какое-то достижение.

Где-то в кронах деревьев каркала ворона, но потом она упорхнула куда-то вглубь леса. Могдар уверенно управлял лошадьми, однако старался не слишком набирать скорость. Кион осматривался по сторонам, но все, что он видел, это лес и туман. Бард знал, что с каждой секундой они въезжали все дальше в болота и надеялся, что туман не загустеет настолько, чтобы полностью скрыть дорогу впереди, которую даже сейчас было плохо видно.

Они провели примерно полдня в пути, когда внезапно где-то справа от себя Кион заметил огонек в тумане. Он двигался неравномерно и дрожал. Потом к нему присоединился второй такой, затем еще один.

— Могдар, — позвал Кион и указал рукой в сторону, — Огоньки!

— Странные они какие-то, — нахмурился мужчина, вглядываясь в ту сторону.

— Почему странные? — спросил Кион и обернулся к своему собеседнику. Он заметил за его спиной в лесу, покрытом туманом, такие же огни и указал рукой уже туда, — Там они тоже есть.

Могдар обернулся и снова нахмурился. Он приостановил повозку, усиленно пытаясь рассмотреть через туман эти пляшущие огни. Дверца фургона распахнулась и оттуда показалась Ханэра.

— Почему остановились? Привал? — спросила девушка.

— Глянь туда, — Могдар рукой указал на огни.

Ханэра проследила за его взглядом и тоже нахмурилась. Девушка выскочила из фургона, обнажая кинжалы. За ее спиной показался Райнир.

— Да что не так-то? — не выдержал Кион.

— Огоньки на болото другие, — ответил Райнир. Он взял свой арбалет и тоже покинул повозку.

Огоньки плясали довольно далеко от них и в тумане невозможно было понять, что это. Райнир вскинул арбалет и наугад выпустил стрелу, но она попала в дерево, судя по звуку. Огонек вздрогнул и на секунду припал к земле. Ханэра все еще сжимала в руках кинжалы и вглядывалась в туман в надежде разглядеть, что в нем притаилось. Где-то в лесу хрустнула ветка как раз там, куда переместился один из огоньков.

— Райнир, Ханэра! Назад в повозку! — скомандовал Могдар, держа вожжи наготове.

Южане бросились назад, но неожиданно что-то рассекло воздух и Райнир упал на землю. Его арбалет выскочил из рук, пролетел по земле вперед и ударился о колесо фургона. В спине молодого южанина торчали несколько стрел с ярким оперением.

— Райнир! — воскликнула Ханэра и резко обернулась. Девушка глазами высматривала врагов в тумане, но белая мгла предательски затмевала все вокруг.

— Так и знал! — Могдар спрыгнул на землю, обнажая меч, Кион последовал за ним, — Это были факелы, а не огоньки.

— Они убили Райнира, — воскликнула Ханэра и повернулась к туману, — Выходите, трусы! Или боитесь, что девчонка побьет вас?

Кион склонился над Райниром. Молодой южанин не дышал, только взглядом уставился в одну точку. Бард поджал губы. А вот и разбойники, о которых предупреждали южане. А

Кион так надеялся пройти болота без приключений. Он покачал головой и только одна ворона, сидевшая на ветках деревьев, коротко каркнула в ответ.

Насмешка Ханэры сработала и из леса вышли несколько людей. Почти все из них держали оружие в руках, а двое шли с факелами. Кион резко вскочил на ноги и обнажил меч. Могдар с Ханэрой неотрывно следили за незнакомцами, но все знали, к чему это приведет.

— Вы убили Райнира! — воскликнула Ханэра и указала кинжалом на одного из мужчин. Тот носил красные одежды, словно вообще не опасался того, что в лесу в таком виде он будет отличной мишенью.

— А вы убили одного из наших, — в ответ «красный» посмотрел на Ханэру.

— Я думал, стрела вонзилась в дерево, — пораженно прошептал Кион. Он вспомнил, что Райнир выпустил одну стрелу наугад, но по звуку было похоже, будто она оказалась в дереве.

— Она попала в одного из моих людей, — сплюнул «красный». Судя по всему, он был лидером этой группы, — Око за око.

Ханэра высоко занесла кинжал и сделала один шаг навстречу разбойников, но их атаман ее остановил.

— Ты не успеешь даже приблизиться ко мне, девка. Мои парни изрешетят тебя стрелами.

Словно в подтверждение его слов у ног Ханэры несколько стрел вонзились в землю. Судя по их расположению, караван наглухо окружили. Южанам и барду некуда было бежать. Да и опасно это было, кругом находились гиблые болота. Ворона снова каркнула, продолжая наблюдать за людьми со своей высоты.

— Нам нужен только лотос, — произнес «красный». Он единственный из всех стоял без оружия в руках, хотя на поясе у него покачивался обычного вида меч.

— А-а, ясно, — протянул Могдар. Он ни на секунду не опустил свой клинок, продолжая указывать им в сторону бандитов, — Мы не контрабандисты.

— Мне плевать, возите вы запрещенку или нет, — снова сплюнул атаман, — Мне нужен только лунный лотос.

— Могдар уже сказал, что мы не контрабандисты, — вмещалась Ханэра, — Это значит, что у нас нет лотоса, идиотина!

Атаман перевел яростный взгляд на нее. Ханэра уставилась в ответ и Кион только сильнее сжал свой меч. Из-за нее их всех убьют!

— Помолчала бы, девка, пока мужики разговаривают, — прищурился «красный».

— Хоть весь фургон обыщите, не найдете ничего, — с вызовом глянула на него Ханэра.

Атаман прищурился, вернул ей ее взгляд, сплюнул на землю в очередной раз и криво усмехнулся. Могдар перенес вес на другую ногу, хватаясь за меч уже двумя руками. Ханэра тоже встала в боевую стойку, готовая в любую секунду прыгнуть вперед и достать «красного» своими кинжалами. Кион же сделал шаг назад к повозке. Этой секундной перемены в его спутниках ему хватило, чтобы понять, какая бойня сейчас начнется.

— Проще обыскивать мертвых торгашей, — язвительно улыбнулся атаман и в сторону южан полетел град стрел.

Ханэра с Могдаром легко смогли от них увернуться. Девушка была юркая и подвижная, а мужчина просто отбил мечом несколько стрел, удивив при этом Киона. Бард никогда не видел и даже не слышал, чтобы люди могли отбивать стрелы. Самому Киону повезло — из-за того, что он стоял позади своих спутников, до него долетела лишь малая часть

выпущенных разбойниками из лесу стрел, да и те лишь воткнулись в землю.

Могдар с Ханэрой бросились вперед, пока их не ударил следующий град стрел. Девушка юркнула за деревья и в тумане слышались чьи-то вскрики боли. Кион сообразил, что Ханэра отправилась расправляться с лучниками. Могдар же кинулся к атаману с его приспешниками и сейчас сражался сразу с тремя людьми. Кион застыл у повозки, не зная, что ему делать. Шум спугнул ворону с деревьев и она, недовольно каркая, перелетела в другую сторону.

Рядом с Кионом в землю воткнулись еще несколько стрел, а две из них пробили стенку фургона. Бард пригнулся и закатился под повозку. Интересно, как эти разбойники видят сквозь туман? Или они ориентируются на звук? Но Кион сейчас вел себя довольно тихо. На барда уставились мертвые глаза Райнира, а рядом с фургоном лежал его брошенный арбалет. Молодой южанин так и не успел обучить Киона стрельбе из него, но бард видел, как Райнир пользовался арбалетом, так что в теории он хотя бы знал, как правильно держать его в руках.

Кион, выждав несколько секунд под лязг металла и вскрики боли, спрятал меч в ножны, выполз из-под фургона, не вставая достиг тела Райнира и быстро отвязал ремешки колчана с его бедра, потом так же вернулся под повозку. В этот раз в него не прилетела куча стрел и бард радостно возликовал. Скорее всего, Ханэра добралась до стрелков и они сейчас были немного заняты, отбиваясь от ее ударов.

Киону потребовалось несколько минут, чтобы понять, как зарядить арбалет, а потом еще некоторое время, чтобы суметь вложить стрелу. Бард усиленно закричал и когда толстая стрела заняла свое место, прицелился из арбалета так, как это делал Райнир. В тумане ничего не было видно и Кион выругался. Ему придется выползти из укрытия.

Громко проклиная все на свете, бард выполз из-под фургона и ближе подобрался к Могдару, который теперь сражался с двумя бандитами, включая их атамана. Третий лежал на земле и не двигался. Кион сел, оперся одним коленом на землю и вскинул арбалет. В этот момент он почувствовал себя важной частью истории, прямо главным героем и широко ухмыльнулся. Он сейчас сразит атамана, другие бандиты в страхе разбегутся, а южане потом до конца жизни будут петь ему дифирамбы и носить на руках за то, что так элегантно и красиво спас их от неминуемой гибели.

Кион слишком долго витал в облаках. Откуда-то сбоку на него выскочил еще один разбойник с факелом в одной руке и мечом в другой. Он тут же бросился на барда, громко вопя. Кион от неожиданности развернулся к нему и щелкнул арбалетом, выпуская стрелу. При этом бард дернулся и арбалет выпал у него из рук, а стрела пролетела буквально в миллиметре от уха бандита. Тот на секунду остановился, ощупал ухо, понял, что стрела его не задела и снова бросился на Киона, продолжая вопить. Бард поднялся с земли, выхватывая свой меч. Кион не совсем понимал, зачем вопил разбойник. Наверное, это был такой своеобразный боевой клич.

Когда бандит приблизился к барду, Кион вдруг заметил, что туман вокруг них пропал. Бандит бросил факел на землю между собой и бардом и что-то показалось Киону странным в том, как выглядел факел. Это не была обычная деревяшка, обмотанная тканью, которую потом подожгли. Вместо ткани из палки торчал какой-то камень и он горел огнем.

Кион поджал губы и посмотрел на своего противника. Все ясно, магический огонь. Тот, кто находится рядом с ним, сможет отлично видеть сквозь тьму или туман. Это объясняло то, как разбойники смогли легко подстрелить Райнира. И как они вообще легко вычислили караван на дороге.

— Жду не дождусь, когда смогу забрать ваши денежки, — расплылся в отвратительной улыбке разбойник. Во рту у него не хватало нескольких зубов, а те, что остались, были едва ли не полностью гнилыми. Кион поморщился от отвращения. Наверняка у него из пасти смердит. Надо бы этого бандита не подпускать к себе близко.

— А лунный лотос? — выпалил Кион, не подумав. Разве разбойники в первую очередь напали на караван не из-за лотоса?

— Так значит, вы его все же перевозите, — еще шире улыбнулся бандит.

Кион выругался про себя. Вот и попробуй теперь опровергни, что никакого лотоса в их повозке нет. Гнилой, как про себя прозвал бандита бард, шагнул вперед и занес меч для удара, но Кион своим клинком легко отвел его оружие в сторону. Гнилой снова предпринял попытку достать его мечом, но бард и второй раз сумел заблокировать его удар. Кион понял, что разбойник не так уж хорош в фехтовании, а потому, вскинув свое оружие, сделал ложный выпад и когда гнилой попался на эту уловку, пытаясь заблокировать, бард резко занес меч с другой стороны и вспорол ему бок, а сам отскочил от разбойника назад. Обычно люди, несмотря на боль, начинали при этом яростно махать мечом, пытаясь достать барда и гнилой не был исключением.

— Ах ты, падаль! — выругался он, одной рукой хватаясь за рану в боку, — Да я тебя на ленточки порежу!

— О? Это должна была быть угроза? — Кион специально провоцировал бандита, да еще так откровенно и не стесняясь. Гнилой взревел от ярости, поддаваясь издевкам барда, занес меч высоко над собой и бросился вперед.

Киону не составило труда увернуться от этой неуклюжей атаки. И даже больше — бард своим мечом вспорол теперь уже брюхо гнилого. Тот выронил меч из рук и упал на землю в нескольких шагах от мертвого Райнира. Кион подошел к нему и сверху вниз глянул на этого жалкого человека.

— Вам следовало выбрать себе другую жертву, — пафосно произнес бард и одним движением добил гнилого.

Кион в этот момент чувствовал себя прямо совсем героем, каких барды восхваляли в своих поэмах, а писатели потом посвящали таким героям целые книги. Кион выпрямился, уперся мечом в землю и одну руку сложил на боку. И где бард, который будет его восхвалять? А, точно — Кион ведь сам бард. Он сумеет описать свою историю ярко и красочно, как никто другой.

Рыжий бард заулыбался, но позади себя услышал еще один боевой вопль и чьи-то быстро приближающиеся шаги. Кион обернулся и резко поднял меч. Раздался лязг металла. Бард успел заблокировать неожиданную атаку. Перед его взором возникло лицо атамана. Кион на секунду перевел взгляд за его спину и увидел лежащего на земле Могдара. Ханэры нигде не было видно, но звуки сражающихся людей все еще были слышны в лесу.

— Надо было просто отдать нам лотос по-хорошему, — прошипел атаман.

Он выкрутил свой меч и сумел им чиркнуть Киона в бок. Рану тут же обожгло огнем. Бард попятился, хватаясь одной рукой за нее. Сквозь его пальцы потекла теплая кровь. Одной рукой Кион вскинул меч. Не для того он выжил после стычки с двумя людоедками, чтобы сейчас погибнуть на болоте от обычных разбойников.

Краем глаза позади атамана Кион увидел, что Могдар, тяжело опираясь на свой меч, все же сумел подняться на ноги. Мужчина был ранен, кольчугу залило кровью, но он упорно шел вперед на атамана, впери в него свой хмурый взгляд. Бард понял, что ему нужно выиграть

время для южанина, а потому призвал все свое актерское мастерство.

— Неужели нельзя нарвать лотос самим? Что это за лотос вообще такой, за который вы готовы убивать? — прикинулся Кион дурачком.

Атаман прищурился, словно бы оценивал его слова.

— Вот только не говори, что не знаешь, — сплюнул он, — О лунном лотосе всему королевству известно.

— Я — не все королевство.

— Тогда ты умрешь, так и не узнав о лотосе.

Атаман резко вскинул меч и Кион едва успел заблокировать его атаку своим оружием. При этом рана в боку отозвалась дикой болью и в глазах барда заплясали искорки. Могдар подобрался уже достаточно близко и занес меч над головой разбойника. Кион выдал его своим взглядом и атаман, обернувшись, успел отбить его меч, а потом вонзил свой клинок в живот южанина.

— Нет! — раздался крик Ханэры.

Девушка выскочила из леса и яростно набросилась на атамана. Силы явно были не равны. Могдар осел на землю и больше не двигался. Кион в шоке обвел взглядом место их бойни. Лошади ржали и фыркали и даже пытались вырваться, мертвые тела разбойников лежали повсюду, Могдар и Райнир больше не двигались, а Ханэра получила несколько сильных ударов и вряд ли тоже сумеет уйти отсюда живой.

Кион застыл на месте, сжимая одной рукой кровавую рану. Где-то в деревьях каркнула ворона и бард понял, что такой конец ему вовсе не интересен. Кион сложил меч в ножны и бросился в туман, бросая Ханэру, Могдара и Райнира, а также их повозку с добром. Барду было сейчас все равно, он даже не переживал из-за того, что ему снова придется скитаться голодным. Сейчас это было не важно. Главное было выжить и уйти как можно дальше в лес и спрятаться.

Кион понял, что сгупил, когда споткнулся о какую-то кочку. Вот растяпа! В тумане ничего не было видно и надо было прихватить с собой факел. Только об этом и жалел бард. Он совсем не переживал из-за того, что бросил южан. Они уже все равно все мертвы. Хотя бы Кион выживет.

Рыжий бард продолжал бежать под карканье вороны, но его ноги увязли в какой-то жиже, а когда Кион хотел резко вернуться назад, он запнулся за что-то, потерял равновесие и головой ударился о дерево. Упав на землю, в своем угасающем сознании Кион почувствовал себя очень глупо.

* * *

Когда бард открыл глаза, он увидел перед собой невысокий деревянный потолок. Он повернул голову и понял, что лежит на кровати. Чуть дальше имелся зажженный камин, в котором что-то бурлило в котелке, рядом стоял стол и парочка стульев, а также шкаф на всю стену, на полках которого стояли разные непонятные баночки. Напротив камина располагалась дверь, но она была закрыта и Кион не знал, куда она вела. Возле котелка и шкафа у стены висели всевозможные сухие травы и их запах наполнил эту небольшую комнатку. Окно здесь было только одно, как раз над кроватью, но за ним было темно, а помещение освещали лишь несколько скудных свечей, из-за чего внутри царил полумрак. Но даже сквозь него Кион сумел разобрать, что сейчас он находился в этой комнате один.

Кион хотел приподняться, но тут же почувствовал резкую боль в боку. Он посмотрел вниз и увидел, что лежал сейчас в одних штанах, а его рану кто-то заботливо перевязал бинтами. Быть может, Ханэра выжила? И она нашла барда в лесу, а потом приволокла его в этот заброшенный дом и занялась его ранами? Киону даже стало неловко, что он ее бросил. Но ничего, он сумеет рассказать девушке правдоподобную историю, чтобы она на него не злилась.

Кион снова осмотрел комнату. Да, здесь не помешал бы ремонт. Хотя для этого уже поздно. Проще сжечь этот дом и на его месте построить новый. Пошире и просторнее и чтобы обязательно окна были большие, пропускать много света внутрь. Бард провел по своим рыжим волосам. Какой свет на болоте? Тут только туман и полумрак. Кион даже не мог с уверенностью сказать, день сейчас стоял на улице или ночь.

Он пролежал один в пустой комнате довольно долго. Все это время огонь потрескивал в камине, а непонятная густая жижа продолжала булькать в котелке. От скуки и безделья барду стало любопытно, что там булькало и он слегка приподнялся на кровати, стараясь игнорировать боль. В этот момент единственная дверь распахнулась и в комнату вошла беловолосая девушка. Она принесла с собой запах болот с улицы и Кион сообразил, что вся это комната и есть небольшой дом.

Девушка прикрыла за собой дверь. В руках у нее была сумка, набитая травами. Ее одежда преимущественно черного цвета, хоть и истрепалась в нескольких местах, плотно облегалась тело, выгодно подчеркивая красивую фигурку. Девушка носила легкий шарфик, который обмотала по плечам, чтобы он не сильно ей мешал. Длинные юбки скрывали ноги, но Кион был уверен, что они просто безупречны. Бард залюбовался на девушку, а она обернулась на него и, увидев, что тот приподнялся с кровати, шумно вздохнула, положила сумку с травами на стол, а сама подошла к Киону. От нее пахло чем-то сладким, словно цветами и Киону ужасно понравился ее запах.

— Раненым положено лежать, — строго произнесла девушка и сильно надавила руками на грудь барда, заставляя его лечь обратно. Впрочем, Кион не слишком сопротивлялся.

— Должно быть, я сплю, — выдохнул Кион, — Или умер. И попал в дом прекрасной незнакомки.

Девушка посмотрела на него, мило улыбнулась и ткнула пальцем в его рану на боку через бинт. Волна боли прошла по всему телу Киона и он вздрогнул. Прекрасное создание отошло на шаг и невинно глянуло на барда.

— Если болит, значит, жив, — ответила девушка и принялась ковыряться в своей сумке с травами. Она сняла котелок с огня и бросила в густую жижу несколько корней какого-то растения и листья другого. Кион наблюдал за ней некоторое время, но он просто не мог лежать молча.

— Ты травница? — спросил бард.

— Можно сказать и так, — ответила девушка, не отвлекаясь от своего занятия, — Эта мазь быстро поставит тебя на ноги.

Кион уставился в котелок и заметно облегченно выдохнул. Значит, там она варила лечебную мазь. Сам-то бард с ужасом решил, что девушка готовила ужин. Пока Кион размышлял об этом, хозяйка дома отставила котелок, пояснив, что мазь должна остыть. Она принялась копаться в шкафу и доставать оттуда тарелки и ложки.

— Ты, наверное, голоден, — сказала она, — У меня есть кое-какая еда, только ее нужно разогреть.

Кион наблюдал затем, как незнакомка вытащила из шкафа кастрюльку и небольшую банку, в которой, судя по виду, содержался вареный рис с кусочками мяса. В животе у барда заворчал и под эти звуки девушка принялась разогревать кашу на огне. Она стояла совсем близко к камину и до Киона только сейчас дошло, что у нее были абсолютно белые волосы, как у Сэры или Нико. Только в отличие от них, у незнакомки волосы были острижены до плеч. Сердце застучало в груди, отдаваясь в ушах. Кион быстро глянул на свое тело, но не увидел ни намека на паутину. Бард недоуменно перевел взгляд на девушку, которая продолжала разогревать еду у камина. Обычно людоедки пытались сразу наложить на свою жертву паутину. Почему тогда она медлит? Быть может, думает, что из-за раны Кион не сбежит? И вообще, она перевязала его, но зачем? Не проще ли было съесть его мозг и не лечить барда?

Кион почесал в затылке, вновь приподнявшись на кровати. Быть может, эта девушка — вовсе не ведьма? Спрашивать такое у нее Кион побоялся. Да и что она ответит, если она правда людоедка? Кион решил, что пока просто будет осторожен, а как только заметит первые признаки паутины, огреет ведьму котелком по голове и сбежит.

Тем временем беловолосая сняла кастрюльку с огня, ее содержимое переложила в тарелку и подошла к Киону. Тот инстинктивно дернулся от нее, как от змеи и выругался про себя. Он ведь хотел, чтобы она не заподозрила его в том, что ему известно, кто она. Если Кион и дальше будет себя так вести, ведьма точно накинёт на него паутину.

— Я не кусаюсь, — мило рассмеялась девушка и помогла барду встать.

Она повела его к столу и усадила за стул, а сама села напротив него, налив себе в кружку ароматный травяной чай. Такой же она налила и своему гостю и Кион боролся с соблазном его выпить. Но он опасался, что этот чай парализует его и тогда ведьма съест его мозг. Однако когда девушка отпила от своей кружки, бард немного расслабился. Он принялся за ужин, прикидывая в уме, как бы ему избавиться себя от компании ведьмы. Быть может, она не устоит перед его чарами, как Сэра? Только на этот раз Киону нужно внимательнее следить за обстановкой, чтобы не сплутить так же, как и в разговоре с первой людоедкой.

— Кстати, я Ада, — представилась девушка.

— Почему ты живешь на болотах? — спросил Кион вместо того, чтобы тоже назвать свое имя. Он потихоньку уплетал стряпню Ады и про себя подумал, что для ведьмы она неплохо готовит.

— У меня выбора нет, — вздохнула девушка, — Тут в округе много полезных цветов и растений. Я их собираю едва ли не каждый день. Если бы я жила в деревне поблизости, я бы просто устала всякий раз ходить за целебными травами.

Ада добавила, что жители той деревни сами приходят к ней, когда им нужна ее помощь. Кион покивал с безучастным видом, но сам отметил про себя наличие деревни неподалеку. Знать бы еще, в какой стороне и бард сможет туда сбежать при первой же возможности.

— А что за деревня? — невинно поинтересовался Кион, отправляя в рот очередную ложку каши.

— На востоке отсюда, — махнула Ада рукой. Казалось, она даже не заметила, что Кион таким образом вытягивал с нее нужную информацию, — Средних размеров, там много людей. И даже трактир имеется.

Кион ничего не ответил, делая вид, что пережевывал ужин. Большая деревня на востоке отсюда. Это, конечно, не город, но уже что-то. Если Ада и правда окажется ведьмой, деревня

будет единственным шансом для Киона спастись. Он украдкой глянул на свое тело, но паутины нигде не было. Кион даже начал сомневаться, что Ада людоедка. Иначе зачем ей лечить его?

— Твои раны скоро затянутся, — улыбнулась девушка и бард глянул на нее в ответ. Она заметила, что он осматривал себя, но решила, что он беспокоится из-за ран, а не паутины.

— Скажи, а как ты меня нашла? — поинтересовался Кион.

— Случайно наткнулась в лесу. Я собирала травы, когда обнаружила тебя без сознания.

По словам Ады, она вышла к болотам пополнить припасы своих трав, которые росли только там, когда и увидела рыжего мужчину без сознания. Не в правилах целительницы было оставлять раненых на произвол судьбы, а потому девушка кое-как дотащила Киона до своей хижины и обработала ему раны.

— В этих местах полно разбойников, — добавила Ада, — Полагаю, ты был их жертвой.

— Верно, — кивнул Кион. Он решил использовать на ведьме все свое обаяние и проверить, насколько его болтливый язык сумеет помочь ему избежать быть съеденным в третий раз. Кион кокетливо глянул на Аду и мягко улыбнулся, — Мне повезло, что меня нашла такая прекрасная леда.

— Ой, хи-хи, — в ответ Ада лишь мило захихикала, прикрывая рот ладошкой.

Кион был удивлен. Он не ожидал, что такой простой комплимент, напичканный откровенной лестью, возымеет на ведьму такой эффект. Похоже, она даже не поняла, что Кион проверял ее. Бард кинул ей еще пару дешевых и не слишком изобретательных комплиментов и каждый раз Ада застенчиво хихикала. Она напомнила Киону Ангелину — наивную девушку, которая слепо верила всему сказанному. У Киона все сомнения развеялись по поводу того, что Ада была людоедкой. Такая бы не протянула долго, будь она и правда ведьмой.

— Могу я спросить? Почему у тебя белые волосы? — поинтересовался Кион, отодвигая от себя пустую тарелку. Бард уперся локтем в стол и положил подбородок на ладонь, глядя на Аду. Насколько помнил Кион из легенд, ведьмы-людоедки рождались с белыми волосами. По сути, это был первый признак того, что девочка будет питаться мозгами и воспоминаниями.

— О, мои волосы, — как-то грустно отозвалась девушка и покрутила локон на пальце, — Раньше они были черные. Но после того, как в стычке с бандитами на дороге я потеряла всю свою семью, глядя на то, как они умирали у меня на глазах, мои волосы стали такими.

— Никогда не слышал, чтобы люди поседели после нападения разбойников, — пробормотал Кион.

— Один добрый доктор, который потом меня лечил, сказал, что это из-за сильного эмоционального потрясения.

Кион кивнул и не стал больше продолжать этот разговор. Никакая Ада не ведьма, раз изначально ее волосы были черные. Поэтому на Кионе не было паутины и поэтому девушка лечила его раны вместо того, чтобы просто съесть его мозг. Кион отбросил все сомнения и окончательно расслабился. Он снова посмотрел на Аду, на этот раз подольше задержав взгляд на ее фигурке. Пожалуй, время, проведенное в ее хижине, будет для Киона куда приятнее, чем он изначально думал. Ада перехватила его взгляд и смущенно улыбнулась, давая барду понять, что она совсем не против его компании.

Кион решил не терять времени даром. Он поднялся с места, подошел к Аде и одним

рывком оторвал ее от стула, притягивая к себе. При этом он пятился к кровати. Но когда они оказались совсем близко к ней, Ада просто толкнула барда и тот упал на койку, а рана в боку отозвалась сильной болью.

— Сначала пусть все раны затянутся, — произнесла Ада, оставшись стоять у кровати.

Девушка мило улыбнулась Киону, словно бы этой улыбкой обещала исполнить все его фантазии, когда бард оправится от ран. Кион довольно растекся по кровати, уже предвкушая все прелести проведенного совместного времени с Адой. Девушка же задумчиво сложила пальцы у подбородка и глянула в окно, где всюду светила луна, хотя ее свет практически не достигал болот из-за густого леса.

— Хм, а ведь мы могли бы кое-что сделать, — загадочно сказала она и глянула на Киона, — Ты пока полежи, отдохни. Я скоро вернусь. Обещаю, тебе понравится.

Озорно бросив последний взгляд на барда, Ада быстро выскочила за дверь. Кион остался один в небольшой хижине, полный недоумения. Интересно, что такого придумала Ада? Рыжий бард пошевелил пальцами ног, глядя на дверь. Он снова принялся медленно помирать от скуки.

Ады не было долго. По подсчетам Киона, около часа. Впрочем, время в одиночестве тянулось слишком медленно и вполне возможно, что девушка отсутствовала чуть меньше. Ада вернулась домой не с пустыми руками. Она держала какой-то большой красивый цветок, чьи белые лепестки слабо светились в полумраке комнаты. Кион не знал, как выглядел тот цветок, который обожали аристократы в столице, но моментально понял, что это именно он.

— Лунный лотос, — прошептал бард, выпрямляясь в кровати.

— Думаю, несколько красивых видений пойдут тебе только на пользу, — кивнула Ада.

— Ты умеешь делать из него настойку? — воодушевленно спросил Кион, наблюдая, как девушка подходит к столу и ставит на огонь полную кастрюльку воды. Лотос она пока оставила на столе.

— Настойку? — удивилась девушка, — Лучше заварить из лепестков чай, тогда лотос не просто отправит тебя в мир грез, но и заберет с собой боль.

Ада принялась хлопотать возле огня, ожидая, когда закипит вода. Кион наблюдал за ней с немалым интересом. Девушка аккуратно сорвала с лотоса лепестки и немного помяла их. Она объяснила, что так они дадут больше сока и эффект усилится. Кион нетерпеливо поерзал в кровати. Неужели он наконец-то почувствует на себе влияние лунного лотоса? И ему для этого даже не придется платить бешеных денег.

Между тем Ада кинула в кипящую воду лепестки, сняла кастрюльку с огня, поставила на стол и накрыла ее крышкой. Девушка пояснила, что воде необходимо настояться несколько минут, чтобы впитать в себя сок лотоса, а потом можно будет пить этот чай.

До ноздрей Киона донесся легкий сладкий запах. Примерно такой же исходил от Ады и барду совсем закружило голову. Он вспомнил, что она говорила что-то о том, что лотос заберет его боль. Значило ли это, что этой ночью Кион с Адой будут заниматься приятными делами вместо того, чтобы просто спать? Взгляд барда буквально прощупал аппетитную фигурку девушки и она, заметив это, улыбнулась в ответ. Кион понял, что ночь впереди обещает выдаться великолепной и хотел было подняться, но девушка остановила его жестом.

— Лучше останься на кровати, — сказала она, — Так будет гораздо удобнее. Я принесу тебе чай.

Кион послушно остался сидеть, наблюдая за Адой. Девушка взяла широкую кружку и налила в нее чай из лунного лотоса. Она аккуратно принесла кружку Киону. Прекрасный

запах наполнил собой уже всю комнату. Кион почувствовал невероятное умиротворение только от одного запаха. Ада вложила кружку ему в руки и улыбнулась самой милейшей улыбкой на свете.

— Пей до дна, Кион.

Он так и сделал. Практически одним глотком осушил горячий чай. Ада стояла рядом и мягко улыбалась. Чай моментально ударил барду в голову, полностью вытесняя все здравые мысли. От того, что девушка назвала его по имени, по телу Киона пробежали приятные мурашки. Ему хотелось, чтобы она звала его по имени еще и еще.

Кион рухнул в кровать, отдаваясь приятным ощущениям, вызванными чаем. Взор его заволокли видения прекрасных пейзажей, которые, казалось, просто не могли существовать в этом мире. Фиолетовые растения блестели в свете яркого солнца золотистыми искорками, бирюзовая вода в пруду поблизости тоже сверкала золотом. Кион протянул вперед руку и заметил на ней тонкие серебристые браслеты, похожие на ниточки или паутину. Сознание барда на секунду всколыхнулось, но тут же все мысли увязли в красоте местности и в сладком запахе лунного лотоса. Кион вдохнул воздух, всем своим естеством наслаждаясь этим ярким солнцем, этими невиданными растениями, теплой блестящей водой и запахами, так приятно ласкающими ноздри.

На секунду его голову пронзила острая боль, но тут же отступила. Кион посмотрел на раскинувшийся красивый пейзаж перед собой, еще раз вдохнул сладкий запах и неожиданно понял, что отовсюду веет холодом. Краски и блики померкли и Кион начал падать в темноту.

* * *

На улице уже всю разлилась заря. В таверне Михаила осталось не так уж много посетителей, но на этот раз все они слушали рассказ рыжего барда, пока тот продолжал восседать на табуретке в центре зала. Пьянчуги теперь заняли столы вокруг Киона и ловили каждое его слово. Трактирщик недовольно протирал тряпкой стойку, за которой стоял. Этот бард все же сумел выиграть пари. Однако дядя Миша нашел его истории интересными, но самому Киону он в этом признаваться не собирался.

— И что потом? — спросил один из слушателей, — Ты переспал с той девкой?

— Нет, — просто ответил Кион.

— Неужели чай из лотоса был лучше, чем девичье тело? — поинтересовался другой.

Кион обвел каждого посетителя взглядом и покачал ногой. Те в свою очередь ждали, когда он продолжит говорить.

— Вы, похоже, не слишком-то внимательно меня слушали, — усмехнулся бард.

— Да иди ты, — фыркнул самый толстый из пьянчуг, — Мы внем... вмен... Короче, мы каждое слово... вот это вот.

— Да! Мы каждое слово это вот! — поддержала его не совсем трезвая толпа.

Кион усмехнулся. Если бы они и правда внемлили каждому его слову, они бы поняли, на чем закончилась третья история барда. Впрочем, сейчас трезвых людей в зале не было, не считая трактирщика, так что вполне ясно, почему эти забуддыги ничего не поняли.

— Ну что же, так и быть, поясню вам концовку истории, — рыжий бард поднялся с табуретки и потянулся. Он убедился, что отсюда его хорошо видно всем — и трактирщику, и пьяницам — и только потом продолжил, — Только постарайтесь не обделаться, когда услышите, чем закончилась моя история.

Множество пар глаз нетерпеливо уставились на Киона и даже трактирщик позади него

перестал мести тряпкой. Рыжий бард выдержал паузу, вновь обвел взглядом всех присутствующих, откашлялся и продолжил.

— Для тех, кто не понял, поясню — я попал к людоедке. И знаете, что это означает?

Пьянчуги все как один покачали головами. Дядя Миша прищурился, ожидая, что на этот раз выкинет Кион. Но никто из присутствующих даже не мог предположить, что рыжий бард произнесет следующим и что последует после этого. Если бы трактирщик заранее это знал, он бы вышвырнул Киона на улицу, едва только тот показался на пороге его заведения. Но дядя Миша этого не знал, а потому его реакция совпала с реакцией оставшейся толпы в зале.

Кион резко вскинул руки и громко произнес лишь одну фразу.

— Я уже мертв.

С этими словами барда окутал черный туман, а через мгновение он превратился в стаю черных воронов. Они громко закаркали и одной стайей вылетели из зала. Пьянчуги заорали дурниной и попадали на пол, некоторые из них крестились. В том месте, где появился черный туман, впоследствии превратившийся в стаю ворон, барда уже не было. Вихрь, поднявшийся после птиц, задул едва ли не все свечи в зале. Михаил пораженно смотрел на пустое место, где еще несколько секунд назад стоял Кион. Трактирщик застыл в изумлении и страхе. Если все это время это был не бард, прославившийся в этих местах своими историями со столицы и своим любвеобильным поведением, то кто?

Трактирщик перевел взгляд на стол в углу, где еще вечером заняли места двое посетителей в плащах и надвинутых на головах капюшонах, но их след простыл. Дядя Миша вспомнил, что из-под капюшонов у обоих пробивались белые волосы. Трактирщик весь похолодел. Кого же он впустил этим вечером в свою таверну?

ЭПИЛОГ

Кион шагал по улице, наслаждаясь рассветом. Кое-где в домах шевелились жители, по привычке начиная свой день с восходом солнца. Рыжий бард грыз яблоко, а когда от него остался лишь огрызок, хорошенько размахнулся и забросил его куда-то в сторону.

Воспоминания Киона интересным вихрем кружились в голове. Он усмехнулся, не понимая, как можно было не заметить очевидных вещей? Ворона, что каркала на болоте, явно была не просто вороной. Это Ада, ведьма, смогла принять облик птицы и вывести барда к ее дому. Оказалось, что в этих местах его слава разошлась, как пожар и ведьме до жути хотелось найти этого дерзкого барда, чтобы поглотить его воспоминания и насладиться всеми его приключениями. Она даже превратилась в ворону, чтобы самой отыскать рыжего наглеца, но каково же было удивление Ады, когда она нашла Киона на болотах так близко от собственного дома.

Бард снова усмехнулся, продолжая идти. Он не называл Аде своего имени, но когда она позвала его, ему это даже показалось приятным. Насколько глупым нужно быть, чтобы не заметить того, что ведьма знала его имя? И насколько нужно быть самовлюбленным, чтобы не заметить откровенной фальши в кокетстве Ады? Кион думал, что перехитрил ее и сумел завлечь своей харизмой и лестью, но на самом деле все было совсем наоборот. Ада прикинулась невинной девушкой, которой понравился бард и когда он ослабил бдительность, она сумела его поглотить. Всего без остатка. И ей даже не пришлось использовать паутину, чтобы поймать эту красивую, но глупую бабочку. Она сама приземлилась в сети ведьмы.

Про волосы, якобы бывшие раньше черными, Ада тоже наврала, придумав трагичную

историю о гибели целой семьи на ее глазах. И этот бард купился! При том, что сам постоянно делал то же самое — придумывал истории.

Кион вышел из деревни. Впереди пролегало зеленое поле, по бокам которого росли деревья. Где-то там позади за деревней остались болота. Сзади слышались шаги и Кион резко остановился, но не торопился оборачиваться. Он знал, кто там был. Сэра и Нико.

— Неплохое представление, — донесся голос Нико.

— Особенно вороны! — восторженно добавила Сэра, — Сделай еще ворон, сестра!

Кион обернулся к двум ведьмам. Облик рыжего барда пошатнулся и когда Кион полностью повернулся к людоедкам, перед ними уже предстала девушка с белыми волосами, остриженными до плеч. Ада.

— Лучше давайте найдем какого-нибудь заплутавшего путника, — мило улыбнулась она и ее сестры улыбнулись в ответ.

Три ведьмы продолжили шагать по дороге по освещенной ранним солнцем земле. И хоть они втроем были людоедками, у каждой из них были свои способности и недостатки. Сэра могла голыми руками разрывать кости людей, но из-за того, что ощущала себя чудовищем, ей необходимо было чье-то сочувствие и понимание и потому она обожала, когда ей сыпали комплименты. Именно это и спасло Киона в первый раз и если бы он не сглупил, наврав про то, что собирается набрать грибов и при этом не взял с собой лукошка, Сэра бы и правда поверила, что он собрался с ней остаться.

Нико владела магией и обожала сокровища. Она не могла устоять перед прекрасными побрякушками и постоянно складывала их в свой сундук. Киону повезло наткнуться на тайник ведьмы, но когда она поймала его на воровстве, бард сумел избежать участи тут же быть съеденным на месте только из-за того, что пообещал ведьме вернуть ее долг. И как увидела Ада в воспоминаниях барда, поначалу он и правда собирал ей монеты. К сожалению, Кион был не настолько умен, как он думал и в одну секунду потерял все.

Ада же умела превращаться в ворону или принимать облик своей последней жертвы, особенно если мозг и воспоминания ведьме удалось поглотить без сопротивления. Поэтому Ада не использовала паутину на Кионе и потому делала вид, что лечит его раны. Ей нужно было завоевать доверие барда, но ведьма и предположить не могла, что Кион так быстро расслабится. Лунный лотос тоже сделал свое дело — бард под конец так и не понял, что умер, судя по его воспоминаниям. Он только почувствовал холод и темноту.

Ада вдохнула воздух, чувствуя приятный ветерок на лице. Из всех сестер только ей удалось захватить воспоминания барда. И на них она протянет долго, настолько яркой и красочной была его короткая жизнь. Быть может, Ада под его личиной даже посетит таверны и трактиры на своем пути и развлечет народ тремя бесплатными историями, которые потом обязательно закончатся стаяй каркающих ворон. А Сэра и Нико в это время смогут захватить мозги двух бедолаг, пока «Кион» будет отвлекать толпу на себя.

Три ведьмы, обсуждая свои дальнейшие планы, медленно отдалялись от деревни, а затем и вовсе исчезли из виду.